

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

- Экономическая теория
- Методология экономической науки
- От теории к экономической политике
- История мысли
- Междисциплинарные исследования
- Экономическая история
- Обзоры и рецензии

№2
2024

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2017 г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МОСКВА

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

научный журнал

№ 2/2024

дата публикации: 22.05.2024 г.

Является сетевым СМИ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций;
серия Эл № ФС77-78796 от 30 июля 2020 г.

ISSN 2587-7666

Выходит с 2017 г., периодичность выхода — 4 раза в год

Журнал внесён в перечень ВАК по следующим специальностям:

Экономические: 5.2.1. Экономическая теория

Социологические: 5.4.2. Экономическая социология

Политические: 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики

Главный редактор П.А. Ореховский
Ответственный секретарь А.И. Волынский

Редакционная коллегия

В.С. Автономов	Н.А. Макашева <i>зам. гл. редактора</i>
О.И. Ананьин	В.С. Мартьянов
М.Р. Байсингер (США)	В.Ю. Музычук
А.Е. Варшавский	А.Н. Олейник (Канада)
М.И. Воейков <i>зам. гл. редактора</i>	Н.М. Плискевич <i>зам. гл. редактора</i>
Г.Д. Гловели	Л.И. Полищук
Р.С. Гринберг	В.М. Полтерович
В.Е. Дементьев	Т.Ф. Ремингтон (США)
А.П. Заостровцев <i>зам. гл. редактора</i>	А.Я. Рубинштейн
Л.В. Зеленоборская	М.Е. Симон
Р.И. Капелюшников	Н.Е. Тихонова
С.Г. Кирдина-Чэндлер	М.Ю. Урнов
А.М. Либман (ФРГ)	Б.А. Хейфец
В.И. Маевский	Т.В. Чубарова <i>зам. гл. редактора</i>

Компьютерная верстка — Хацко Н.А.

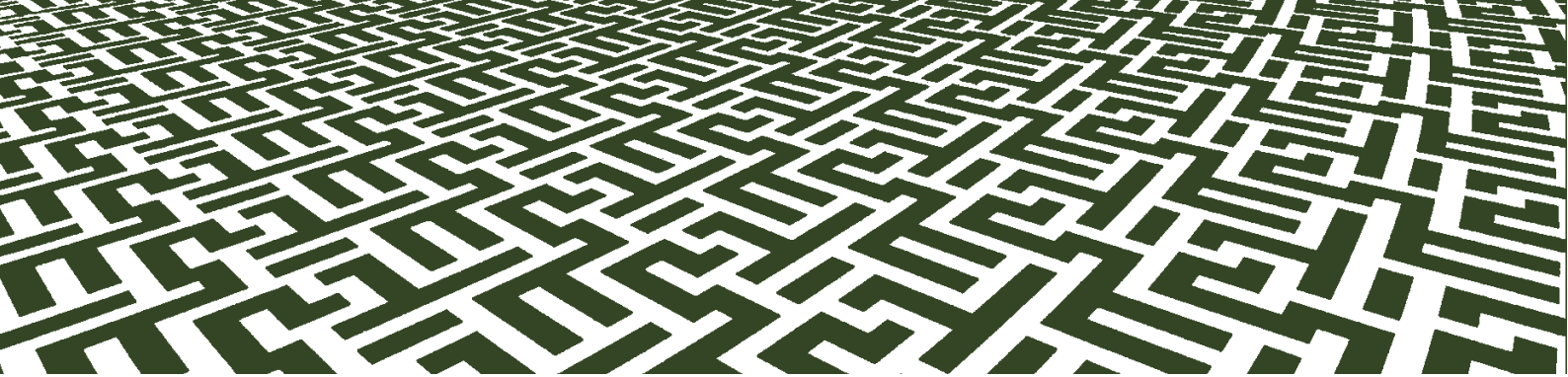
Адрес издателя: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32

тел./факс: 8(499) 724-15-41

e-mail (издателя): ieras@inecon.ru

e-mail (для авторов статей): editorqet@inecon.ru

© Вопросы теоретической экономики, 2024

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

I S S U E S O F
E C O N O M I C
T H E O R Y

- **Economic Theory**
- **Methodology of Economic Science**
- **From Theory to Economic Policy**
- **History of thought**
- **Interdisciplinary Studies**
- **Economic History**
- **Surveys & Reviews**

Nº2
2024

INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW

ISSUES OF ECONOMIC THEORY
scientific journal

№ 2/2024

Publication Date: 22.05.2024

Chief Editor Petr Orekhovsky
Executive Secretary Andrei Volynskii

Editorial board

V.S. Avtonomov	N.A. Makasheva <i>Deputy Chief Editor</i>
O.I. Anan'in	V.S. Martyanov
M.R. Beissinger (USA)	V.U. Muzychuk
A.E. Varshavskiy	A.N. Oleinik (Canada)
M.I. Voyerikov <i>Deputy Chief Editor</i>	N.M. Pliskevich <i>Deputy Chief Editor</i>
G.D. Gloveli	L.I. Polishchuk
R.S. Grinberg	V.M. Polterovich
V.E. Dementiev	T.F. Remington (USA)
A.P. Zaostrovtssev <i>Deputy Chief Editor</i>	A.Y. Rubinshtein
L.V. Zelenoborskaya	M.E. Simon
R.I. Kapelyushnikov	N.E. Tikhonova
S.G. Kirdina-Chandler	M.Y. Urnov
A.M. Libman (FRG)	B.A. Kheyfets
V.I. Mayevskiy	T.V. Chubarova <i>Deputy Chief Editor</i>

Address: 117218, Russia, Moscow, Nakhimovskiy pr., 32
tel./fax +7 499 724 1541
e-mail (direction): ieras@inecon.ru
e-mail (redaction): editorqet@inecon.ru
© Issues of Economic Theory, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А.М. Либман Внешнеэкономические условия развития России: изоляция и переориентация	7
Л.И. Цедилин Экономический суверенитет: понимание и обоснование в соответствии с новыми реалиями	19
Г.С. Беляков Политико-экономическая теория популизма	30

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

В. Л. Тамбовцев Институциональный анализ экономики: качественные и количественные исследования и методы	45
---	----

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

А.Е. Шаститко, А.А. Моросанова Дорогая бесплатность	56
В.С. Щербаков, Р.Е. Гартвич Подходы к построению трейсера бизнес-циклов на примере обрабатывающей промышленности России	73

ИСТОРИЯ МЫСЛИ

Г.Д. Гловели, М.С. Зайцева, Е.А. Минаева Концепция промышленных революций: вклад Н.Винера и А.И. Анчишкина	86
--	----

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

О.Н. Антипина, А.А. Хомутов Как удовлетворённость жизнью зависит от типа населённого пункта?	103
Г.И. Мусихин Нарратив как смыслообразующий элемент политической символизации	116

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

М.Е. Баскакова Государственное регулирование занятости женщин и профессиональная сегрегация в российской сфере труда — 100 лет истории (Часть 2. 1945–1991 гг.)	134
О.А. Синиченко Банковская система России в 1987–1994 гг.: новая организация и новые проблемы	152

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А.П. Заостровцев Как вести себя человеку с государством, чтобы выжить (о книге Я.М. Миркина «Искушение государством: Человек и вертикаль власти 300 лет в России и мире»)	170
---	-----

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

A. Libman

Foreign Economic Conditions for Russia's Development: Isolation and Reorientation 7

L. Tsedilin

Economic Sovereignty: Understanding and Justification in Accordance with New Realities 19

G. Belyakov

The Political and Economic Theory of Populism..... 30

METHODOLOGY OF ECONOMIC SCIENCE

V. Tambovtsev

Institutional Analysis of Economy: Qualitative and Quantitative Research and Methods 45

FROM THEORY TO ECONOMIC POLICY

A. Shastitko, A. Morosanova

Expensive Free..... 56

V. Shcherbakov, R. Gartvich

Approaches to Building a Business Cycle Tracer Based on the Example of the Russian Manufacturing Industry 73

HISTORY OF THOUGHT

G. Gloveli, M. Zaitseva, E. Minaeva

The Concept of Industrial Revolutions: the Contribution of N. Wiener and A.I. Anchishkin..... 86

INTERDISCIPLINARY STUDIES

O. Antipina, A. Khomutov

How Does Life Satisfaction Depend on the Settlement Type? 103

G. Musikhin

Narrative as a Meaning-Forming Element of Political Symbolization..... 116

ECONOMIC HISTORY

M. Baskakova

State Regulation of Women's Employment and Occupational Segregation in the Russian Labour Sphere — 100 Years of History (Part 2. 1945–1991) 134

O. Sinichenko

The Banking System of Russia in 1987–1994: A New Organization and New Problems 152

SURVEYS & REVIEWES

A. Zaoztrovtssev

How to Deal with the State in Order to Survive (on the Book by Ya.M. Mirkin «Temptation by the State: Man and the Vertical of Power for 300 Years in Russia and the World») 170

А.М. Либман

PhD (Economics), д.э.н., профессор Свободного университета Берлина (Берлин)

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ РОССИИ: ИЗОЛЯЦИЯ И ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются основные факторы динамики внешнеэкономических связей России в последние два года. Несмотря на первоначальные ожидания, введение западных санкций не привело к полной изоляции экономики России. Скорее произошла переориентация России на торговлю со странами, не поддерживающими санкционный режим, а также переход значительной части внешней торговли России в неформальный сектор. Обсуждаются основные факторы сохраняющейся интеграции России в мировую экономику, а также потенциальные изменения в этом отношении в средне- и в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: *внешняя торговля, внешнеэкономические связи, санкции, арбитраж.*

JEL: F02, F40, F51, F60

УДК: 339.1, 339.5, 339.9

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_7_18

© А.М. Либман, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Либман А.М.* Внешнеэкономические условия развития России: изоляция и переориентация // Вопросы теоретической экономики. 2024. №2. С. 7–18. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_7_18.

FOR CITATION: *Libman A.* Foreign Economic Conditions for Russia's Development: Isolation and Reorientation // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 2. Pp. 7–18. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_7_18.

Введение

Прошедшие два года стали периодом реориентации и адаптации структуры внешнеэкономических связей России, беспрецедентной по скорости и масштабу этого процесса. Хотя идеи «поворота на восток» в российской политике звучали ещё с середины 2010-х гг. [Kolosov, Zotova, 2023], лишь с 2022 г. переориентация на экономические связи с западным миром стала императивом развития российской экономики. Причиной таких изменений стали как масштабные экономические санкции, введённые странами ЕС, США и некоторыми другими странами, так и добровольный уход западных компаний с российского рынка. В общественной дискуссии стандартом стали ссылки на «беспрецедентный» характер санкций; о превращении России в «чемпиона» по числу санкционных ограничений¹. Такая оценка «беспрецедентности» санкций является несколько упрощённой — она справедлива лишь для последних десятилетий, когда страны отказались от использования практики тотального внешнеторгового эмбарго (применявшегося ещё к Югославии и к Ираку) и перешли к «умным» санкциям (smart sanctions) [Drezner, 2011], т. е. к конкретным специфическим ограничениям внешней торговли, касающимся отдельных секторов

¹ ТАСС. Мишустин назвал Россию «чемпионом мира» по числу введенных против нее санкций. 15.03.2023. <https://tass.ru/ekonomika/17274023> (дата обращения 24. 03.2024).

и индивидов. До этого конкретное число санкционных ограничений могло быть меньшим, но масштабы их воздействия гораздо большими.

Тем не менее санкции против России «беспрецедентны» в другом плане: практически отсутствуют примеры столь масштабных санкций, которые вводились бы против страны: 1) столь крупной, как Россия; 2) столь интенсивно интегрированной в мировую экономику; 3) относительно стабильной во внутренней политике (в отсутствие гражданской войны или других фундаментальных потрясений). Масштабные санкции против СССР вводились против достаточно крупной экономики, которая, однако, была почти полностью изолирована от внешнего мира (и поддерживала экономические связи преимущественно со странами социалистического лагеря). Экономическая и политическая изоляция Советской России 1920-х гг. происходила на фоне гражданской войны, ущерб от которой для экономики страны трудно переоценить (санкции тут играли вторичную роль). Санкции против Ирана затрагивали страну, в меньшей степени интегрированную в мировую экономику и гораздо меньшую по масштабам, чем Россия. Возможно, аналогом санкций против России могли бы стать санкции против ЮАР времён апартеида — в этом случае речь также шла о достаточно крупной экономике, интегрированной в мировую экономическую систему и играющей в ней важную роль. Но и в данном случае аналогия далеко не полна [Levy, 1999].

Интеграция России в мировую экономику, упрощённо говоря, связана с четырьмя аспектами. Во-первых, Россия является ключевым экспортёром природных ресурсов, которого достаточно сложно заместить на мировых рынках (в этом случае речь идёт не о новом явлении — СССР превратился в значимого поставщика углеводородов уже в 1970-е гг.). Во-вторых, Россия в последние годы стала важным импортёром технологий (включая управленческие практики и стандарты) и активно участвовала в выстраивании трансграничных производственных цепочек. В-третьих, масштабы российского рынка в последние десятилетия способствовали возрастающему притоку иностранных инвестиций². Наконец, в-четвёртых, Россия адаптировала своё внутреннее потребление под мировые стандарты — россияне носили одежду тех же брендов, потребляли те же продукты питания, читали те же книги и смотрели те же фильмы, что и во многих других частях глобального мира.

В экономической науке интенсивные экономические связи между странами, вводящими санкции, и странами — целями санкций считаются одним из ключевых условий эффективности санкций в принципе. В этом состоит так называемый «парадокс санкций» [Drezner, 1999]: чем «проще» вводить санкции против той или иной страны (с точки зрения издержек для государства, вводящего санкции), тем ниже эффективность этих санкций³.

Россия, глубоко интегрированная в мировую экономику, казалось бы, должна была бы пережить глубокий спад под воздействием санкций. Первые оценки исходили из масштабного сокращения российского ВВП в связи с санкционным давлением [Mahlstein, McDaniel, Schropp, Tsigas, 2022]. Условно можно было говорить о трёх временных горизонтах потенциального воздействия санкций. В краткосрочной перспективе санкции могли привести к панике на финансовых рынках, оттоку капитала и дестабилизации банковской системы — речь идёт о своего рода самосбывающихся ожиданиях, когда игроки, ожидающие масштабных негативных воздействий санкций, принимают решения, в итоге усиливающие их эффект. В среднесрочной перспективе ожидалось, что санкции приведут к разрыву производственных цепочек и остановке ряда ключевых производств. В долго-

² Следует подчеркнуть, что хотя бы частично речь идёт об инвестициях, осуществлявшихся в силу требований российских властей к локализации производства — это важно учитывать при оценке эффектов санкций.

³ Большинство стран мира не испытывает никаких проблем при введении санкций против Северной Кореи, однако и действенность этих санкций пренебрежимо мала, за исключением ограничений, которые вводит Китай, — единственный значимый партнер КНДР [Noland, 2009].

срочной перспективе санкции должны были бы привести к технологическому отставанию, дефициту инноваций и растущей изоляции российской экономики; наблюдатели нередко говорили о превращении России в своего рода гигантскую Северную Корею [Rochlitz, 2023].

На текущий момент эти ожидания (как минимум, кратко- и среднесрочные) не реализовались. И если отсутствие первичной паники можно связать с эффективностью российских денежных властей, быстро задействовавших инструменты, ограничивающие отток капитала и стабилизирующие рубль, стабильность российской экономики в среднесрочной перспективе представляет собой более интересный феномен. Вместо разрыва экономических цепочек произошла их переориентация — как минимум, на сегодняшний день более успешная, чем многие наблюдатели предполагали (экономика России вместо масштабного спада характеризуется ростом ВВП). Как мы можем объяснить этот феномен?

Изоляция и переориентация внешней торговли

Прежде всего необходимо зафиксировать несколько обобщённых фактов, описывающих структуру внешнеэкономических связей России в настоящий момент. Во-первых, за прошедшие два года Россия действительно резко сократила масштабы своих экономических связей с «западными» странами, и прежде всего с ЕС, игравшим в прошедшие десятилетия ключевую роль в российской внешней торговле. Если в 2022 г. российский экспорт в страны ЕС в стоимостном выражении резко вырос (что было связано с высокими ценами на энергоносители), то к настоящему времени здесь мы можем говорить о фундаментальном спаде практически всех аспектов внешней торговли. Для Германии, например, единственным практически не затронутым аспектом внешнеторговых связей остаются поставки лекарств в Россию⁴. Во-вторых, однако же, общие масштабы внешней торговли остаются значительными — речь ни в коем случае не идёт о полной или даже растущей экономической изоляции России. Есть все основания сомневаться в достоверности официальных данных внешней торговли, но если исходить из них, то торговое взаимодействие с «западными» странами в значительной степени было замещено торговлей со странами Глобального Юга, и особенно с Китаем, превратившимся в ключевого экономического партнёра России [Гнидченко, Михеева, Сальников, 2023; Knobel, Firanchuk, 2023]. В-третьих, Россия по-прежнему остаётся связанной с Западом за счёт разного рода неформальных торговых связей — например, переориентации поставки санкционных товаров через страны Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Турцию. Или за счёт экспорта российского сырья в страны, перепродающие это сырьё в западные государства (или за счёт «замещающего» российского экспорта, высвобождающего достаточный объём собственных ресурсов этих стран для экспорта на Запад). Оценки этих неформальных торговых потоков являются сложной задачей [Chupikin, Javorcik, Plekhanov, 2023], но можно, как минимум, предполагать, что они значительны. В-четвертых, Россию, безусловно, покинули многие западные компании. Однако масштабы исхода существенно сложнее оценить, чем в случае с внешней торговлей — различные компании использовали те или иные модели полного или частичного выхода, как минимум в некоторых случаях позволявшие им сохранять частичное присутствие на российских рынках [Evenett, Pisani, 2023; Meyer, Fang, Panibratov, Peng, Gaur, 2023].

Как представляется, можно выделить три группы факторов, объясняющих отсутствие изоляции России в мировой торговле. Первая группа носит структурный характер и в каком-то смысле представляет собой неизбежное следствие уже указанных нами в пре-

⁴ WirtschaftsWoche. <https://www.wiwo.de/politik/konjunktur/aussenhandel-deutsche-medikamente-unerwarteter-anstieg-der-bestellungen-aus-russland/28503896.html> (дата обращения 23.03.2024).

дыдущем разделе базовых характеристик российской экономики — её интеграции в мировое хозяйство и её размеров. Вторая группа является производной от характеристик мировой экономики как таковой, и в частности её полицентричного характера. Третья группа, наконец, связана с особенностями санкций — и здесь, как представляется, важно выделить два принципиальных внутренних противоречия санкционной политики, во многом объясняющих текущую ситуацию.

Структурные характеристики российской экономики

Прежде всего необходимо указать на во многом самоочевидный, но всё же часто игнорирующийся в дискуссиях факт: санкции представляют собой с точки зрения экономической науки хорошо знакомый феномен — разновидность протекционистских мер. Обычно протекционизм в анализе внешней торговли связывают с интересами лоббистских групп, стремящихся сохранить ренту на закрытых рынках [Grossman, Helpman, 1994], или попытками правительства стимулировать создание «национальных чемпионов» [Enderwick, 2011]. Санкции вводятся (или, как минимум, публично мотивируются) другими соображениями, нежели стандартный протекционизм, но их содержание по сути сводится к тому же протекционизму — введению ограничений на потоки товаров и капитала между странами. В связи с этим санкции сталкиваются с тем же самым ограничением, что и другие формы протекционизма, — противоречием между логикой политических интервенций и логикой рынков, главной из которых можно считать логику арбитража.

Она сводится, упрощённо говоря, к следующему тезису: при наличии двух достаточно обособленных друг от друга рынков игроки, имеющие доступ к обоим рынкам и способные выполнять посредническую функцию между ними, способны за счёт этой посреднической функции получить повышенную прибыль. Собственно говоря, именно поэтому в отсутствие барьеров цены на двух рынках всегда должны претерпевать конвергенцию [Chen, Knez, 1995]: существование различий в ценах является источником прибылей для арбитража и стимулирует игроков к перетоку товаров между рынками, пока цены не сглаживаются. При наличии барьеров между рынками такая конвергенция цен не происходит; однако барьеры, в свою очередь, можно разделить на «естественные» (например, транспортные издержки) и возникшие за счёт политических ограничений. «Естественные» барьеры можно преодолеть за счёт, например, технологических инноваций (скажем, новых транспортных средств), политические — за счёт поиска «дыр» в существующих ограничениях или неформальной торговли вне сферы контроля государства. Однако в обоих случаях те фирмы, которые в состоянии преодолеть барьер между рынками, получают существенную прибыль. Это стимулирует их инвестировать существенные ресурсы в преодоление барьеров. Чем более жёстким является обособление рынков, тем выше прибыли для тех, кто эти барьеры может преодолеть⁵.

Базовую логику возникающей ситуации ещё в 1914 г. О. фон Бём-Баверк описал в одной из своих наиболее известных статей — «Власть или закон экономики» (*Macht oder ökonomisches Gesetz*) [Böhm-Bawerk, 1914]. Главным тезисом статьи является следующий: государство за счёт своей политики способно в *краткосрочном* плане добиться отклонения от того результата, который сложился бы на рынке за счёт действия спонтанных сил, но в долгосрочном плане рыночные силы неизбежно оказываются более мощными, чем государственное регулирование. Наверное, самым ярким примером триумфа рынка оказалась плановая экономика советского типа — её предельная неэффективность привела не только к (во многом неизбежному) экономическому кризису, но и стала причиной формирования огромной теневой экономики, влияние которой по мере ослабления формальных командно-административных структур постоянно усиливалось [Mises, 1922]. Санкции и другие

⁵ Схожий аргумент для санкций против Северной Кореи приводится в [Park, 2014].

протекционистские ограничения следуют той же логике, что показывают даже самые ранние примеры санкционной политики (например, наполеоновская «континентальная блокада») [*Revisiting Napoleon's...*, 2015].

Таким образом, возникает противоречие. Санкционное давление не ведёт к полному прекращению экономического взаимодействия с Россией. Наоборот, всё больше и больше появляется тех, для кого именно санкционное давление становится главным стимулом для экономического взаимодействия с российской экономикой. Это происходит, например, потому, что возникают возможности получения прибыли за счёт дисконта при поставках природных ресурсов (покупки Индией и в последнее время Венесуэлой российской нефти) или входа на рынок России в отсутствие какой бы то ни было значимой конкуренции (например, поставки автомобилей в РФ из Китая, ставшим крупнейшим экспортёром автомобилей на российском рынке)⁶.

Поскольку структура санкций постоянно меняется, меняются и преимущества и недостатки тех или иных моделей взаимодействия с Россией: речь не идёт об устойчивых долгосрочных взаимосвязях, а скорее, о ситуативных альянсах. Критики такого взаимодействия оправданно отмечают, что сделки, направленные на преодоление протекционистских (в том числе санкционных) ограничений, существенно менее эффективны, чем те условия, которые Россия получила бы при отсутствии санкций. Ведь российские фирмы сталкиваются с худшими ценовыми условиями, краткосрочным характером взаимодействия и высокими транзакционными издержками, направленными на обход санкций (как формальных, так и неформальных. Они связаны с более жёсткими проверками транзакций, связанных с Россией, во многих банках или добровольным уходом фирм)⁷. Речь ни в коем случае не идёт об оптимальном характере взаимодействия, а лишь о «лучшем из возможного» (*second best*). Но данный вопрос важен, если речь идёт о способности экономики России генерировать высокие темпы долгосрочного экономического роста, а не просто сохранять стабильность. Для последней «лучшее из возможных» решений может оказаться достаточным.

Для России реализация преимуществ, связанных с логикой арбитража, связана с ещё одним обстоятельством — крайне высокой гибкостью российского бизнеса. Все три десятилетия развития рыночной экономики в России компании сталкивались с многочисленными кризисами, реформами и изменением государственного регулирования; выживание бизнеса было связано с готовностью адаптироваться к подобным фундаментальным изменениям. Именно эта гибкость содействует способности бизнеса активно «искать» и «находить» новых партнёров и в полной мере реализовывать логику арбитража.

Полицентричность мировой экономики

Вторая мировая война привела к трансформации мировой политики в биполярную систему соперничества двух сверхдержав, а мировой экономики (за исключением изолированного социалистического лагеря) — в моноцентричную систему с однозначным доминированием США. Восьмидесятилетняя последующая история мировой экономики была связана с появлением всё новых и новых центров в мировой экономике. Ещё в период холодной войны Западная Европа и Япония вошли в число важных экономических держав. Ключевой особенностью развития мировой экономики последних тридцати лет, после конца холодной войны, стало появление новых экономических центров, с одной стороны,

⁶ Хабидулина Е. (2023). Россия стала крупнейшим импортером автомобилей из Китая // Forbes. 11.07.2023. <https://www.forbes.ru/biznes/492629-rossia-stala-krupnejsim-importerom-avtomobilej-iz-kitaa> (дата обращения 23.03.2024).

⁷ Например: Турция закатывает России банки // Коммерсантъ. 20.02.2024. <https://www.kommersant.ru/doc/6524920>; Банки хотят знать больше // Коммерсантъ. 24.11.2023.. <https://www.kommersant.ru/doc/6363298> (дата обращения 23.03.2024).

полностью интегрированных в мировую экономику, а с другой — не относящихся к Западу и не связанных с ним союзническими отношениями, а также часто характеризующимися другими политическими системами, чем страны Запада. Самым ярким примером является, вне всяких сомнений, Китай; однако целый ряд других стран глобального Юга также может быть отнесён к этой группе.

Подобная структура мировой экономики принципиально снижает эффективность любых санкций, которые не пользуются поддержкой подавляющего большинства стран мира (как, например, санкции против Северной Кореи). «Оставшиеся» страны, не участвующие в санкциях, могут оказаться достаточно привлекательными экономическими партнёрами. Конечно, не следует забывать, что, если с точки зрения экономического потенциала мир сегодня более полицентричен, чем десятилетиями ранее, с точки зрения контроля над финансовыми потоками (роли западных валют — доллара и евро — и платёжных систем в международных расчётах) страны ЕС и США по-прежнему обладают ключевым преимуществом. Собственно говоря, именно с этим обстоятельством было связано повышенное внимание западных стран к введению именно финансовых санкций против России. Опыт санкций последних двух лет показывает, однако, что, как минимум в краткосрочной перспективе, контроля над финансами может оказаться недостаточно.

Таким образом, отсутствие изоляции российской экономики напрямую связано с тем обстоятельством, что глобальный Юг (и, прежде всего, Китай) по-прежнему готов к прагматичному экономическому взаимодействию с Россией и при этом обладает достаточным потенциалом, чтобы сделать это взаимодействие осмысленным. Если в начале текущего периода санкционной политики стран Запада последние исходили из того, что доверие к России как к политическому, так и к экономическому партнёру было или в ближайшем будущем будет утрачено в большинстве стран мира, на сегодняшний день можно констатировать — этого не произошло.

Дополнительным фактором, противодействующим изоляции России, можно считать её членство в ЕАЭС. Отсутствие тарифных ограничений и свобода торговли в рамках ЕАЭС — важный фактор, позволяющий малым странам Союза становиться своеобразными «воротами» в российскую экономику, в том числе и для потоков товаров, включённых в санкционные списки. В этом отношении ситуация в России опять же в чём-то похожа на ситуацию, в которой находилась ЮАР в период международных санкций — страны Южно-Африканского таможенного союза (SACU) также использовались для доступа на рынок ЮАР (и, наоборот, товары из ЮАР экспортировались на мировые рынки через страны SACU) [Becker, 1988; Askin, 1989]. Собственно говоря, резкое сокращение взаимной торговли России и стран Запада сопровождалось столь же взрывным ростом торговли стран Запада с государствами ЕАЭС, привлечёнными возможностями получения значительной прибыли [Arapova, 2023; Libman, 2024].

Опять же, не следует недооценивать возможные проблемы, связанные с опорой на торговлю со странами глобального Юга. Первая связана с доступом к технологиям — в какой степени может глобальный Юг «заместить» в этом отношении страны Запада? Дать однозначный ответ на этот вопрос, как представляется, сегодня едва ли возможно — в каком-то смысле санкции против России представляют собой эксперимент, позволяющий «протестировать» потенциал для замещения западных технологий, например, китайскими. Вне всякого сомнения, как минимум, в некоторых секторах это замещение окажется невозможным; в других секторах, напротив, оно будет относительно успешным. Итоговый результат можно будет выявить лишь за счёт спонтанной адаптации рынков. Вторая проблема состоит в том, что готовность стран глобального Юга к взаимодействию с Россией не бесконечна. Угроза вторичных санкций, безусловно, влияет на поведение компаний из Китая, Турции, Индии, Сербии или ОАЭ, и хотя, как уже отмечалось ранее, едва ли может привести к полному прекращению экономического взаимодействия (в силу «логики арби-

тража»), препятствует также полноценному развитию последнего. Наконец, не понятно, в какой степени страны глобального Юга будут готовы не только к торговле с Россией, но и к инвестициям в российскую экономику⁸.

Однако даже с учётом этих ограничений трудно спорить с тем, что в условиях, когда значительная часть стран не присоединилась к санкциям и в обозримом будущем этого, скорее всего, не сделает, об изоляции России в достаточно полицентричной мировой экономике говорить не приходится.

Противоречия санкций

Наконец, последний фактор, препятствующий полной изоляции России, связан с внутренними противоречиями в самой логике санкций. Сам характер введённых ЕС и США ограничений отчасти снижает их действенность с точки зрения изоляции российской экономики. Можно говорить о двух основных типах подобных противоречий.

Первое противоречие, наверное, является наиболее изученным в литературе, и уже многократно отмечалось исследователями [*Itskhoki, Mukhin, 2022*]. Первая волна санкций Запада ориентировалась прежде всего на ограничения российского импорта, в то время как российский экспорт был затронут лишь более поздними санкциями, введение которых *de facto* было отложено на начало 2023 г. Такая структура санкций не случайна: для стран ЕС введение ограничений на российский сырьевой экспорт было весьма болезненным, потенциально связанным с большими издержками. Даже после того, как санкции были введены, западные страны частично использовали инструменты, не препятствующие попаданию российского сырья на мировые рынки, а лишь потенциально ограничивающие доходы российского бюджета от этого экспорта (ценовой потолок для российской нефти). Целью этих ограничений было избежать глобального дефицита нефти [*Johnson, Rachel, Wolfram, 2023*]. Результатом такой структуры санкций в 2022 г. стало получение российской экономикой (и российским бюджетом) сверхдоходов от экспорта природных ресурсов (подорожавших в силу нестабильности на глобальных рынках) при одновременной экономии на импорте западных товаров⁹. Это содействовало стабилизации курса рубля и позволило российской экономике воспользоваться сырьевыми сверхдоходами для налаживания новых маршрутов поставок. К тому же «сырьевой потолок» на российскую нефть Россия смогла во многом обойти¹⁰.

Второе противоречие санкций до сих пор привлекало несколько меньшее внимание исследователей, но, как представляется, сыграло не меньшую роль в стабилизации российской экономики. Речь идёт о противоречиях между санкциями на движение капитала и финансовые потоки и санкциями на товарные потоки. Как уже отмечалось, с точки зрения западных стран существенно проще контролировать финансовые потоки (в силу глобальной роли доллара, евро и SWIFT) и вводить санкции в отношении последних. Отслеживать движение товаров гораздо сложнее. Поэтому при создании современного санкционного режима Запад с самого начала ввёл многочисленные ограничения именно в финансовом

⁸ В этом отношении, опять же, важно иметь в виду, что, как отмечалось ранее, как минимум, некоторые инвестиции западных компаний в российскую экономику в прошлом были обусловлены во многом требованиями по локализации производств — а следовательно, также являлись результатом политического воздействия, а не соответствовали рыночному равновесию.

⁹ В какой-то степени наблюдаемый эффект был связан не только со структурой санкций, но и с ролью России в мировой экономике. Речь идёт о так называемой «ловушке большой страны» [*Ушкалова 2022; Ушкалова, 2023*]; санкции против крупного экспортёра тех или иных товаров с неизбежностью ведут к росту цен на эти товары, от которого экспортёр, пока он сохраняет хотя бы частичный доступ на мировые рынки, выигрывает. Другое дело, что в 2022 г. Россия сохранила не просто «доступ на мировые рынки», а могла по-прежнему экспортировать свои ресурсы в ЕС.

¹⁰ Financial Times. <https://www.ft.com/content/cad37c16-9cbd-473c-aa2f-102c21393d2e?fbclid=IwAR2q819PWsd0Ko5H7OPR5Vzvgdd9lUa7mzOk7Io1NcOqaCBTb7GVk-deZRg> (access date: 23.03.2024).

секторе; к официальным санкциям добавились решения частных компаний (например, уход из России Visa и Mastercard). Проблема состоит в том, что ограничения финансовых потоков одновременно делают гораздо более сложным «уход» капитала из России. Соответственно, российские компании, которые, возможно, (несмотря на ограничения ЦБ РФ) в отсутствие западных санкций сосредоточили бы свои усилия на выводе капитала из России (что привело бы к ослаблению российской экономики) с целью избежать неопределённости, оказались «заперты» и в итоге использовали свои ресурсы для инвестиций в экономику России. Таким образом, ограничения, призванные разорвать участие России в глобальных производственных цепочках, привели к тому, что бегство капитала из России произошло в гораздо меньших масштабах, чем это могло бы быть, и при этом стабилизировали российскую экономику. Стоит отметить, что в случае ЮАР негативные последствия бегства капитала для экономики оказались наиболее важным элементом экономической дестабилизации [Levy, 1999]. Между тем модель санкций, введённых против России, это бегство капитала как раз во многом и блокировала.

Среднесрочная и долгосрочная перспектива

Подводя итог, можно констатировать: сохраняющаяся интеграция российской экономики в мировую экономику, несмотря на введённые против России санкции, является логичным следствием как организации мировой экономики в целом, так и структуры санкционного режима. Добиться полной изоляции России было бы сложно даже в случае, если бы значительная часть стран «глобального Юга» поддержала санкции; отказ этих стран от введения санкций против России делает её полную изоляцию крайне маловероятной.

Что означает данная тенденция в средне- и долгосрочной перспективе? В *среднесрочной перспективе* главным фактором, влияющим на структуру и масштаб внешнеэкономических связей России, можно считать готовность стран Запада к использованию вторичных санкций — ограничений против стран и компаний, взаимодействующих с Россией. В принципе США обладают гораздо большим опытом использования вторичных санкций, чем ЕС [Ruys, Rynngaert, 2020], и уже сейчас частично применяют их в случае России. До сих пор вторичные санкции, тем не менее, использовались Западом с осторожностью, прежде всего чтобы избежать негативной реакции стран глобального Юга и, в конечном счёте, фрагментации мировой экономики [Rogoff, 2023]. Расширение масштаба вторичных санкций, вне всякого сомнения, станет фактором, затрудняющим экономическое взаимодействие с Россией. Дополнительным ограничением могут оказаться проблемы с логистикой, сказывающиеся даже на секторах экономики, не находящихся под непосредственным воздействием санкций¹¹.

Тем не менее вторичные санкции не меняют ситуацию с точки зрения логики арбитража, описанной выше. Появление новых барьеров, безусловно, «отпутнёт» некоторые компании и страны, но заинтересует другие. Транзакционные издержки и риски сделок вырастут, но торговля всё равно в той или иной форме продолжится. Ответом на новые схемы обхода санкций станут новые ограничения, за которыми появятся новые методы обхода санкций. В той или иной форме взаимодействие России с глобальной экономикой сохранится. Конкретно в области экспорта российского сырья большая маржа позволит России относительно безболезненно предлагать достаточно большой дисконт потенциальным покупателям [Egorov, 2023].

¹¹ Санкции против логистики // Морские вести России. 14.08.2022. <https://morvesti.ru/analitika/1685/97432/> (дата обращения 23.03.2024).

Что же можно считать «граничным условием» эффективности санкций против России? Логика арбитража работает пока *российская экономика остаётся принципиально привлекательной*. Иначе говоря, пока существует потребность в российских природных ресурсах и пока российский рынок остаётся достаточно большим для импорта потребительских или промышленных товаров, те или иные компании будут продолжать торговать с Россией. Однако ситуация поменяется, если российские ресурсы окажутся менее привлекательными или если российский внутренний рынок сократится. В такой ситуации преодоление санкционных барьеров становится менее привлекательным. Примером можно считать уже упомянутую экономику КНДР; важнейшим фактором, отпугивающим потенциальных партнёров, является не просто наличие международных санкций, а их сочетание с низкой привлекательностью северокорейской экономики, причём последнее во многом связано с неэффективной экономической и политической системой КНДР. Соответственно, главный вопрос относительно воздействия санкций на российскую экономику связан не с самими санкциями, а с сочетанием санкций и внутриэкономических проблем.

Именно последний фактор можно считать наиболее важным источником риска для экономики России в *долгосрочной перспективе*. Спрос на российское сырьё зависит от технологического прогресса: скажем, успешный переход мировой энергетики на возобновляемые источники энергии резко снизит спрос на газ и нефть из России вне зависимости от санкционных ограничений. Привлекательность российского внутреннего рынка сильно зависит от целого ряда факторов, начиная от перераспределительных конфликтов и борьбы за привлекательные активы и вплоть до старения населения и демографических проблем. Значимость этих факторов вполне можно наблюдать уже сегодня; со временем они будут приобретать всё большее и большее значение и всё более и более серьёзно станут ограничивать развитие российской экономики, что снизит интерес внешних игроков в «преодолении санкций». Впрочем, как и при любом долгосрочном развитии событий, дать сколь бы то ни было точные прогнозы в этом отношении практически невозможно.

Существуют, впрочем, и долгосрочные факторы, способные стабилизировать российскую внешнюю торговлю: речь идёт, прежде всего, об общем процессе фрагментации мировой экономики и распаде её на несколько относительно изолированных экономических блоков [Libman, 2022]. В принципе уже в последние годы мировая экономика являлась ареной конкуренции нескольких экономических полюсов, прежде всего США и КНР. Эта конкуренция происходила, однако же, в *общих институциональных рамках глобализации*, когда все участники конкурентной борьбы исходили из того, что сохранение относительно интегрированной глобальной экономики является более привлекательным, чем её распад. Можно сказать, что соперничающими сторонами предлагались альтернативные модели переустройства глобальной экономики¹². Ситуация изменилась в последние годы. Снижение уровня доверия между Западом и Востоком в мировой экономике ведёт к ситуации, когда экономические взаимосвязи воспринимаются не как преимущество, а как источник рисков и зависимости (в том числе в силу угрозы возможных экономических санкций).

В такой ситуации страны предпочитают концентрироваться на развитии экономических связей с «близкими» им экономиками (*friend-shoring* [Triggs, Hardwick, 2022]). Что ещё важнее, происходит фрагментация «инфраструктуры глобализации» — так, вместо универсальных глобальных платёжных систем и систем передачи финансовых сообщений формируется несколько замкнутых платёжных систем, не связанных друг с другом. Такое развитие хоть и связано с более высокими издержками, сокращает риски санкций. В этой ситуации внешняя торговля России может оказаться «защищена» хотя бы от

¹² Конечно, степень приверженности этой логике тоже не следует преувеличивать, как показывают протекционистские меры администрации Д. Трампа в отношении КНР [Stiglitz, 2018].

санкций западных государств — в силу того, что она во многом будет «невидимой» для них и будет сосредоточена на незападных партнёрах. Следует иметь в виду, конечно, что подобная трансформация мировой экономики в принципе будет связана с существенно более низкими темпами экономического роста, от которых пострадают все страны без исключения; сам процесс фрагментации также будет, скорее всего, связан с высокими издержками [IMF, 2023].

Заключение

Подведу итоги основных аргументов, приведённых в статье. Несмотря на масштабные санкции, введённые против экономики России два года назад, «выпадения» российской экономики из мировой не произошло. Скорее наблюдается быстро идущий процесс переориентации российской экономики, для которой место партнёров из ЕС занимают незападные страны. Устойчивость позиции России в мировой экономике связана с масштабами российского внутреннего рынка и значимостью российских ресурсов, вследствие чего экономика России оказывается «защищена» преимуществами арбитража, ведущими во многом к парадоксальной ситуации. Чем более жёсткими являются ограничительные барьеры Запада, тем привлекательнее становится торговля с Россией. Как минимум, это относится к тем странам и компаниям, которые готовы к дополнительным рискам. Пока российская экономика сама по себе остаётся привлекательной, сохранится и круг государств, готовых взаимодействовать с ней. Ситуация может измениться лишь в случае серьёзных внутренних проблем в самой российской экономике — в этой ситуации санкционные барьеры окажутся гораздо более действенными.

Аргументы статьи не предполагают, что формирующаяся внешнеэкономическая модель России «оптимальна» — речь идёт лишь о сценарии, «лучшем из возможных». Можно исходить из того, что экономика России продолжит функционировать и адаптироваться к новым условиям. Между тем для того, чтобы сократить разрыв между экономикой России и экономиками промышленно развитых стран, требуется не просто стабилизация экономического положения. Необходим высокий рост экономики, сравнимый, например, с недавним ростом экономики Китая. Можно ли добиться подобной динамики в условиях нестабильности внешнеэкономических связей, обусловленной санкциями, и ограниченного спектра потенциальных внешнеэкономических партнёров, сомнительно¹³ — наоборот, более вероятным сценарием можно считать постепенное технологическое отставание [Смородинская, Катукон, Малыгин, 2023]. А в отсутствие опережающих темпов экономического роста разрыв между Россией и промышленно развитыми странами будет только нарастать.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Гнидченко А.А., Михеева О.М., Сальников В.А. (2023). «Уходя—уйди»: кто остаётся с Россией и как перераспределяется импорт? [Gnidchenko A. A., Mikheeva O. M., Salnikov V. A. (2023). “When you leave, go away”: who stays with Russia and how is import redistributed?] // *Вопросы экономики*. №12. С. 48–65.
- Смородинская Н.В., Катукон Д.Д., Малыгин В.Е. (2023). Проблема экономической устойчивости в условиях санкций: опыт Ирана и риски для России: Научн. докл. [Smorodinskaya N.V., Katukon D.D., Malygin V.E., (2023). The problem of economic sustainability under sanctions: Iran’s experience and risks for Russia]. — М.: ИЭ РАН.
- Ушкалова Д.И. (2023). Внешняя торговля России: предварительные итоги второго года противостояния санкционному давлению [Ushkalova D.I. (2023). Foreign trade of Russia: Preliminary results of the second year of resistance to sanctions pressure] // *Вестник Института экономики РАН*. №6. С. 43–60.

¹³ Темпы роста экономики России стали отставать от среднемировых начиная с 2012 г., ещё до введения основного массива международных санкций. Автор почему-то игнорирует это обстоятельство. — *Прим. ред.*

- Ушкалова Д.И. (2022). Внешняя торговля России в условиях санкционного давления [Ushkalova D.I. (2022). Foreign trade of Russia under sanctions pressure] // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 3. С. 218–226.
- Arapova E. (2023). The sanctions dilemma: How sanctions against Russia affect regional integration within the EAEU States // *Strategic Analysis*. Vol. 47. No. 3. Pp. 289–294.
- Askin S. (1989). The business of sanctions busting // *Africa Report*. Vol. 34. No. 1. Pp. 18–20.
- Becker C.M. (1988). The impact of sanctions on South Africa and its periphery // *African Studies Review*. Vol. 31. No. 2. Pp. 61–88.
- Böhm-Bawerk E. (1914). Macht oder ökonomisches Gesetz? *Zeitschrift für Volkswirtschaft // Sozialpolitik und Verwaltung*. Vol. 23. Pp. 205–271.
- Chen Z., Knez P. J. (1995). Measurement of market integration and arbitrage // *Review of Financial Studies*. Vol. 8. No. 2. Pp. 287–325.
- Chupilkin M., Javorcik B., Plekhanov A. (2023). The Eurasian roundabout: Trade flows into Russia through the Caucasus and Central Asia // *EBRD Working Paper*. No. 276.
- Drezner D. W. (1999). *The sanctions paradox: Economic statecraft and international relations*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Drezner D. W. (2011). Sanctions sometimes smart: Targeted sanctions in theory and practice // *International Studies Review*. Vol. 13. No. 1. Pp. 96–108.
- Egorov K. (2023). Why did Russian economy not collapse under sanctions: pre-war evidence // *SAFE Policy Letter*. No. 102.
- Enderwick P. (2011). Understanding the rise of global protectionism // *Thunderbird International Business Review*. Vol. 53. No. 3. Pp. 325–336.
- Evenett S.J., Pisani N. (2023). Geopolitics, conflict, and decoupling: evidence of Western divestment from Russia during 2022 // *Journal of International Business Policy*. Vol. 6. No. 4. Pp. 511–540.
- Grossman G.M., Helpman E. (1994). Protection for sale // *American Economic Review*. Vol. 84. No. 4. Pp. 833–850.
- IMF (2023). *Geoeconomic fragmentation and the future of multilateralism*. IMF Staff Discussion Note SDN/2023/001.
- Itskhoki O., Mukhin D. (2022). Sanctions and the exchange rate // *National Bureau of Economic Research. Working Paper* No. 30009.
- Johnson S., Rachel L., Wolfram C. (2023). Design and implementation of the price cap on Russian oil exports // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 51. No. 4. Pp. 1244–1252.
- Knobel A., Firanchuk A. (2023). The preliminary results of Russia's foreign trade in 2023. Trade turnover with China // *Monitoring of Russia's Economic Outlook: Trends and Challenges of Socio-economic Development*. No.10. Pp. 7–11.
- Kolosov V., Zotova M. (2023). The 'Pivot to the East' and China in Russian discourse // *Geopolitics*. Vol. 28. No. 2. Pp. 879–903.
- Libman A. (2022). A New Economic Cold War? // *Horizons: Journal of International Relations and Sustainable Development*. Vol. 21. Pp. 148–159.
- Libman A. (2024). EAEU and economic sanctions // *Elgar Companion to the Eurasian Economic Union* / A. Libman, E. Vinokurov (eds.). — Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Levy P.I. (1999). Sanctions on South Africa: What did they do? // *American Economic Review*. Vol. 89. No. 2. Pp. 415–420.
- Mahlstein K., McDaniel C., Schropp S., Tsigas M. (2022). Estimating the economic effects of sanctions on Russia: an allied trade embargo // *World Economy*. Vol. 45. No. 11. Pp. 3344–3383.
- Meyer K.E., Fang T., Panibratov A.Y., Peng M.W., Gaur A. (2023). International business under sanctions // *Journal of World Business*. Vol. 58. No. 2. 101426.
- Mises L.V. (1922). *Die Gemeinwirtschaft. Untersuchungen über den Sozialismus*. — Jena: Verlag von Gustav Fischer.
- Noland M. (2009). The (non-) impact of UN sanctions on North Korea // *Asia Policy*. No. 7. Pp. 61–88.
- Park J.S. (2014). The key to the North Korean targeted sanctions puzzle // *Washington Quarterly*. Vol. 37. No. 3. Pp. 199–214.
- Revisiting Napoleon's continental system: local, regional and European experiences* (2015). K. Aaslestad, J. Joor (Eds.). — Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Rochlitz M. (2023). Im Abseits: Russlands Weg in die wirtschaftliche Stagnation // *Ifo Schnelldienst*. Vol. 76. No. 5. Pp. 9–12.
- Rogoff K. (2023). *Why the Russia sanctions are missing the mark*. <https://www.project-syndicate.org/commentary/why-western-sanctions-failed-to-devastate-the-russian-economy-by-kenneth-rogooff-2023-03?barrier=accesspaylog> (дата обращения 23.03.2024).
- Ruys T., Ryngaert C. (2020). Secondary sanctions: a weapon out of control? The international legality of, and European Responses to, US secondary sanctions // *British Yearbook of International Law*. Vol. 89. Pp. 1–116.
- Stiglitz J.E. (2018). Rethinking globalization in the Trump era: US-China relations // *Frontiers of Economics in China*. Vol. 13. No. 2. Pp. 133–146.
- Triggs A., Hardwick S. (2022). Friend-shoring fallacy: The false economy of supply chain resilience // *East Asia Forum Quarterly*. Vol. 14. No. 4. Pp. 13–15.

Либман Александр Михайлович
alexander.libman@fu-berlin.de

Alexander Libman

PhD (Economics), Professor of Russian and East European Politics, Freie Universität, Berlin
alexander.libman@fu-berlin.de

FOREIGN ECONOMIC CONDITIONS FOR RUSSIA'S DEVELOPMENT: ISOLATION AND REORIENTATION

Abstract. The paper considers the main factors of foreign economic relations dynamics of Russia in the last two years. Contrary to the original expectations, Western sanctions did not lead to the full isolation of the Russian economy. Rather, it experienced a reorientation towards countries, which do not support sanctions regime, as well as transition of a large part of foreign trade into an informal sector. The paper discusses main factors of the persistent integration of Russia in the world economy, as well as potential changes in the mid- and long-term perspectives.

Keywords: *foreign trade, foreign economic relations, sanctions, arbitrage.*

JEL: F02, F40, F51, F60.

Л.И. Цедилин

*к.э.н., ведущий научный сотрудник Института экономики РАН
(Москва)*

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ПОНИМАНИЕ И ОБОСНОВАНИЕ В СООТВЕТСТВИИ С НОВЫМИ РЕАЛИЯМИ

Аннотация. В статье исследуются различные точки зрения, касающиеся проблематики экономического суверенитета. Рассматривается проблема определения носителя (субъекта) экономического суверенитета. Анализируются теоретические основы подходов к пониманию экономического суверенитета с позиций различных теоретических школ и направлений. Рассматриваются изменения в трактовках государственного экономического суверенитета России и наднационального суверенитета ЕС. Констатируется политическая предопределённость происходящих ныне процессов суверенизации во внешнеэкономической политике России и ЕС.

Ключевые слова: *экономический суверенитет, внешнеэкономическая политика, стратегическая независимость, экономическая безопасность, протекционизм, стратегическая автономия, технологический суверенитет.*

JEL: B41, F52, F53, F63

УДК: 339.5, 339.9

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_19_29

© Л.И. Цедилин, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Цедилин Л.И.* Экономический суверенитет: понимание и обоснование в соответствии с новыми реалиями // Вопросы теоретической экономики. 2024. №2. С. 19–29. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_19_29.

FOR CITATION: *Tsedilin L.* Economic Sovereignty: Understanding and Justification in Accordance with New Realities // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 2. Pp. 19–29. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_19_29.

В настоящее время обеспечение суверенитета — политического, экономического, технологического, военного — становится основным содержанием и ключевым элементом современной российской политики как внешней, так и внутренней. Между тем соответствующая проблематика, т.е. практические и нормативные аспекты обеспечения суверенитета во всех его проявлениях, нуждается в дальнейшем теоретическом осмыслении и проработке в соответствии с новыми реалиями, особенно ярко проявившимися в XXI в. Многие вопросы, связанные с данной проблематикой, в том числе с содержанием и интерпретацией используемого понятийного аппарата, по-прежнему остаются, на мой взгляд, дискуссионными.

Понятие экономического суверенитета. Проблема субъектности

Суверенитет — от французского *souverain*, что переводится как государь, монарх, носитель верховной власти, т.е. предполагает наличие у обладателя суверенитета неких верховных прав. Считается, что первым предложил сам термин и сформулировал его содержание Жан Боден (1530-1596) — французский юрист и политический деятель.

В соответствии с предложенной им концепцией суверенитет определяется как «абсолютная и постоянная власть» государства над подданными и гражданами, которая ограничивается только божественным и естественным правом [Bodin, 1986]. Таким образом, изначально этим термином описывалась верховная власть суверена в отношениях со своими подданными. Понятие суверенитета, ставшее значительно более релевантным в современном контексте как полная независимость государства от других государств в его внутренних делах и внешних сношениях, внедрилось в оборот, очевидно, позднее. Здесь же важно отметить, что носителем верховного права в представленном определении выступает государственная власть.

Суверенитет экономический (ЭС) трактуется в большинстве случаев как проявление суверенитета государственного, однако при этом сразу же приходится сталкиваться с вопросом о носителе, самом субъекте этого вида суверенитета. Если в адресной строке набрать по-русски «экономический суверенитет», то сразу предлагается определение из учебного пособия Высшей школы экономики 1996 г., в котором государство в качестве субъекта ЭС даже не упоминается: «Суверенитет экономический — степень автономности воспроизводства субъекта (индивида, общности), определяемая границами свободы принятия хозяйственных решений и присвоения результатов их реализации» [Гребнев, 1996. С. 24]. Следует отметить, однако, что в большинстве встречающихся в специальной литературе определений субъектом ЭС, как и в случае, например, с политическим суверенитетом, считается государство. ЭС трактуется как государственный практически во всех российских публикациях по данной теме.

Но всё же проблема определения субъекта ЭС присутствует. Видимо, она возникает в связи с тем, что, если в международной политике и в области международного права в качестве их акторов (субъектов) выступают государства или межгосударственные юрисдикции, то в системе международных экономических отношений, например во внешней торговле, основными субъектами являются фирмы (компании). На них ложится ответственность за исполнение принятых обязательств, за последствия предпринятых ими разного рода рискованных операций. Государство, безусловно, может делить ответственность с компанией, например, предоставляя ей государственные гарантии и другие виды обеспечения по выполнению взятых обязательств, компенсаций, принятия на себя части рисков и т.д. Но всё же первым ответчиком в юридических отношениях с партнёрами остаётся компания. В настоящее время проблема субъектности в экономических отношениях представляется самоочевидной. Она обострилась и в результате проводимой активной санкционной политики: государство как носитель суверенитета, в том числе и ЭС, вводит санкции против компаний другого государства, также являющегося суверенным. Тем не менее при этом потери от разрыва экономических связей ложатся на конкретное юридическое лицо, собственно и являющееся субъектом экономических отношений.

Особенности современной трактовки ЭС

Реализация государством своего суверенитета в экономической сфере не может не порождать коллизий и даже конфликтов между субъектами экономических отношений разных уровней — этого мнения придерживается большинство авторов. Российские исследователи О.Ю. Болдырев и Л.Т. Чихладзе, специализирующиеся на проблематике ЭС, отмечают, что из всех видов государственного суверенитета именно ЭС в настоящее время в наибольшей степени подвергается «эрозии», Это вызвано прежде всего процессами глобализации в мировой экономике, усложнением мирохозяйственных связей, с необходимостью создания и поддержания трансграничных производственных цепочек, позволяющих выдержать экономическую конкуренцию [Болдырев, Чихладзе, 2022, С. 110–122].

Глобализационные процессы считает источником вызовов для традиционной концепции ЭС и такой признанный авторитет по проблематике государственного суверенитета, как Жак Сапир (французский экономист, научный сотрудник высшей школы социальных наук, директор Центра исследований индустриализации CEMI-EHESS) [Сапир, 2020]. Как яркий представитель институционализма он подчёркивает важность суверенитета государства вообще и в сфере экономики в частности, не отрицая при этом возможностей возникновения здесь разного рода конфликтов. Ж. Сапир различает три группы конфликтов, возникающих, главным образом, на почве отмеченной выше проблемы субъектности. Они могут возникать:

- ▶ между фирмами и государствами;
- ▶ между группами фирм и группами государств;
- ▶ между группами, входящими в состав населения.

Особо сложными с правовой точки зрения он считает конфликты, порождаемые экономической деятельностью транснациональных корпораций в силу возникновения коллизий между внутренним и международным правом. Поскольку «то, что решается во “внутреннем” праве (воля народа выше воли составляющих его групп), в случае ТНК оказывается защищённым отдельными нормами международного права» [Сапир, 2020. С. 10].

Цитируемая здесь работа Ж. Сапира — многостороннее, комплексное, хотя и небольшое по объёму исследование, затрагивающее вместе с тем едва ли не все основные аспекты проблемы. В контексте проблемы субъектности ЭС и подходов к её решению весьма содержательными представляются поднимаемые Сапиром вопросы делегирования суверенитета и реализации национального суверенитета в системе многосторонних отношений. Однако рассмотрение данной проблемы с позиций институционализма, на мой взгляд, придаёт упомянутым понятиям смысл, не позволяющий получить ясный ответ на один важный вопрос, а именно: должно ли государство, может ли, и если может, то в какой мере поступиться своим суверенитетом в случае членства в международной экономической организации или присоединения к экономическому союзу государств. В то же время Сапир достаточно определённо констатирует, что создание и функционирование организации всемирной торговли — сначала ГАТТ, а затем ВТО — «несёт в себе радикальный вызов суверенитету (очевидно, имеется в виду государственному суверенитету в сфере экономики — Л.Ц.), но вместе с тем порождает новое понимание необходимости этого суверенитета» [Сапир, 2020. С. 6].

Если с позиций институционализма концепция экономического суверенитета воспринимается как теоретически обоснованная, то в теории неоклассического мейнстрима ей отказывают в нормативной легитимности. Как отмечает Ж. Сапир, экономисты-неоклассики рассматривают экономический суверенитет (государства — Л.Ц.) как фактор вмешательства в оптимизационный процесс, считают концепцию ЭС бессмысленной и устаревшей [Сапир, 2020. С. 5]. Следует также указать на определённые противоречия между акцентированием темы свободы выбора, поощрения свободы конкуренции в классическом и неоклассическом мейнстриме, с одной стороны, и опорой на собственные силы и возможности развития, которые предопределяют сущность концепции ЭС, — с другой. ЭС в либеральной парадигме — суть уклонение от внешней конкуренции в глобальном контексте и элиминирование состязательности на национальном уровне. Таким образом, и без разбора конкретных высказываний представителей мейнстрима по затрагиваемой теме определённо можно согласиться с тем, что «в неоклассической экономической теории проблема национального экономического суверенитета и национальных интересов находится за скобками предмета исследования» [Пороховский, 2023. С.10].

Однако концепция ЭС вполне может рассматриваться как обоснованная — нормативно и методологически — с позиций протекционизма как антагонистического по отношению к фритредёрству учения. Как и протекционизм ЭС определённо призван обеспечить защиту национальных интересов в сфере внешнеэкономических отношений.

Протекционизм как научная доктрина был обоснован, востребован и пропагандировался прежде всего представителями немецкой исторической школы, труды которых отличает акцент на национальном экономическом развитии. Наиболее известный в наше время основатель школы, Фридрих Лист (1789–1846), предложил комплексную и, как подтвердила практика, довольно действенную систему мер в области экономической политики для стран, находящихся на стадии догоняющего развития, и предполагающую использование прежде всего протекционистских инструментов и методов. К ним относятся, в первую очередь, различные виды пошлин. Сам Лист ввёл в оборот для некоторых из них специфические определения, указывающие на их назначение. Он, например, предлагал введение «воспитательных» пошлин. Так называемые «покровительственные» пошлины должны, по мнению Листа, сохраняться до тех пор, пока «молодая промышленность» страны не станет конкурентоспособной и в международной торговле.

Понятно, что Ф.Лист не был адептом свободы международной торговли, и его основной труд «Национальная система политической экономии» [Лист, 2005] сразу после выхода в свет в 1841 г. вызвал полемику из-за критики автором идей классической теории А. Смита — Д. Риккардо. Глубокое теоретизирование для Листа, впрочем, не было характерно: вопросы теории затрагивались им для обоснования чисто прагматических соображений. К тому же в его концепции не было предпосылок для количественного анализа. Он не предоставляет каких-либо оснований для того, например, чтобы определить, когда на смену иностранной является внутренняя конкуренция, не говоря уже об установлении количественных границ для пошлин того или иного вида [Цедилин, 2014]. Тем не менее идеи Листа были востребованы и реализованы на практике (спустя, однако, полвека после смерти их автора) в царской России. С.Ю. Витте, последовательно занимавший в конце XIX — начале XX вв. посты министра путей сообщения, министра финансов и председателя Кабинета министров, усмотрел в главном произведении Листа «искомую основу также и российской национальной экономической доктрины» [Цвайнерт, 2007. С. 288].

В современной экономической литературе, как и в XIX в., протекционизм рассматривается прежде всего как экономико-политическая система, направленная на ограничение конкуренции ради создания особых условий для отечественных секторов экономики и отраслей производства. Однако к настоящему времени возобладали представления относительно чрезмерности потерь и издержек, связанных с уклонением от конкуренции. В свою очередь, приобретения, т.е. позитивный эффект, от такой политики далеко не очевиден, если не сказать, сомнителен [Цедилин, 2013. С.38]. Экономическая теория нашего времени допускает оправдание протекционизма как ответной меры на субсидирование экспортных отраслей иностранными правительствами (например, при проведении этими правительствами промышленной политики, связанной с поощрением экспортной экспансии). Однако подобные ответные меры несут с собой риски стимулирования рентоориентированного поведения. Последствия при этом просчитать бывает достаточно трудно [Boudreaux, 2011]. Современные концепции и подходы, допускающие протекционистские меры лишь как ответ на недружественные действия, считаются общеприменимыми постольку, поскольку лежат в основе правил ВТО, и *de jure* все государства — члены этой организации обязуются соблюдать правила, основанные на этих принципах.

Вместе с тем в Европе обнаруживаются и приверженцы теории протекционизма как определяющего вектора экономической политики. Современный сторонник протекционизма, норвежский экономист Эрик Райнерт (1949 г.р.), придерживающийся антиглобалистских и даже изоляционистских взглядов, рекомендует развивающимся государствам опираться прежде всего на собственный промышленный потенциал, защищать его от внешней конкуренции с помощью протекционистских мер и выступает за централизованное управление экономическими процессами в целях защиты национальных интересов. Райнерт как исследователь специализируется на экономической истории, он — безусловный протагонист

государственного суверенитета в экономике и дирижизма. Наибольших успехов, согласно Райнерту, удавалось добиться там и тогда, где и когда государство не просто сотрудничает с бизнесом, а занимает командные высоты и «сознательно делает выгодными инновации». Правильным пониманием значимости инноваций и индустриализации руководствовались, по мнению Райнерта, «и Генри Форд, и Сталин, и авторы “плана Маршалла”, и японские стратеги бизнеса, и европейские социал-демократы» [Райнерт, 2009. С. 6].

Концепция Райнерта, которой он дал название «Другой Канон», суть нечто прямо противоположное «классике» Смита и Риккардо и, разумеется, современным неолиберальным учениям [Цедиллин, 2013. С. 43]. Экономика, полагает Райнерт, не всегда развивалась «по Смиуту» и не всегда была неоклассической. Более того, «одним из первых современных экономистов», по его мнению, следует считать меркантилиста Антонио Серра, предложившего в 1613 г. собственную теорию хозяйственного развития. А. Серра отличает, в частности, особый акцент на роли правителя в регулировании экономических процессов. Соответствующий вывод Серра сводится к тому, что политика правителя при надлежащем её направлении является величайшим из всех средств и, по сути, содержит в себе все другие средства.

Трансформирующимся странам, считает Райнерт, соответственно, не следует полагаться на правильность идей Риккардо, поскольку это равносильно возврату к «колониальной практике». Тем более, им не следовало бы ориентироваться на «неолиберальный Вашингтонский консенсус». Говоря о бывших социалистических странах, часто следовавших его рецептам, Райнерт отмечает, что такая политика приводит к обвальному крушению торговых барьеров, в результате чего бывшие прежде индустриальными страны потеряли свое «технологическое преимущество» Как следствие, «происходит примитивизация экономики с возвратом к изначальным “преимуществам” сырья и дешёвой рабочей силы, захлебывается догоняющее развитие». И тогда уже «богатые страны богатеют, но бедные их вовсе не догоняют» [Райнерт, 2009. С. 7].

Идеи Райнерта встретили в России очевидную поддержку, он нашёл немало сторонников и в академической среде. Возможно, это связано также с его пониманием экономики как науки. Во введении к переведённой на русский язык книге Райнерт пишет: «Эта книга возрождает традицию, согласно которой экономика не только не является точной наукой, но и никогда не сможет ею стать» [Райнерт, 2010. С.3]. В целом, применительно к теме данной работы, можно заключить, что идеи Другого Канона вполне могут считаться одной из нормативно-теоретических основ ЭС.

Наднациональный экономический суверенитет Европейского Союза

Становление наднационального суверенитета в рамках евроинтеграции описано и проанализировано в исследовательской литературе, в том числе в трудах российских авторов. Так, специалист по тематике суверенитета в ЕС и суверенитета самого союза Т. Романова в одной из своих работ даёт ёмкий, краткий и содержательный обзор со ссылкой на источники основных положений и трактовок касательно национального и наднационального компонентов в европейском дискурсе о суверенитете. В этом обзоре особый интерес вызывают следующие положения, подкреплённые отсылками к первоисточникам: изначальное, ещё с XIX в., под суверенитетом в дискуссиях в Европе подразумевалось, в первую очередь, невмешательство в дела других государств [Романова, 2021. С. 33–34]. С переходом к евроинтеграции тема суверенитета, считает Романова, естественно, стала одной из наиболее актуальных и дискуссионных. Неофункционалисты трактовали происходящие в Европе процессы как слияние государственных суверенитетов; в то же время страны договаривались об использовании части своего суверенитета с привлечением в новых условиях и наднациональных институтов. Были и сторонники частичного отказа от национального

суверенитета в рамках интеграции, но при этом предполагалось право страны на осуществление полного национального суверенитета в вопросах «высокой» политики. В ряде исследований наднациональная структура объединённой Европы рассматривалась как система, не предполагающая наличие собственного суверенитета. Согласно другой точке зрения, национальный суверенитет рассматривался как дезинтегрирующая категория, представляющая опасность для новой Европы.

Отдельные исследователи определяют происходящие в ЕС процессы как оформление «плюралистического» суверенитета, предполагающего наделение суверенитетом и Союза в целом, и отдельных его членов. В текущем десятилетии была предложена (и постепенно оформляется) «посттрадиционная» концепция суверенитета, предполагающая укрепление наднационального суверенитета собственно ЕС. Например, в интервью *Financial Times* в мае 2023 г., как цитирует РИА «Новости», Президент Франции Э. Макрон, по сути, представил доктрину по укреплению производственного и экономического суверенитета Европы. Он говорил о возврате контроля над цепочками поставок, над энергетикой и инновациями, о необходимости промышленной политики в европейском масштабе: «Нам необходимо вернуть контроль над цепочками поставок, энергетикой и инновациями, нам нужно больше заводов и меньше зависимости. Нашим девизом должно стать “сделано в Европе”. У нас нет выбора, потому как от нашего суверенитета зависит сила наших демократий»¹.

К изложенному выше можно, видимо, добавить оценку отношения собственно бизнеса к «модернизации» суверенитета. Она сводится к тому, что процессы укрепления европейского суверенитета, получающие в значительной части институциональное оформление, в целом не встречали сопротивления со стороны предпринимательских кругов. Вероятно, это происходит потому, что идущие трансформации до недавнего времени не только не ограничивали суверенитет собственно бизнеса — национального и транснационального, — но даже в целом способствовали его укреплению.

Новые вызовы, обусловленные нередко кардинальными поворотами в развитии мировых событий, привнесли качественно новые темы и решения в европейский дискурс об экономическом суверенитете. Гармония интересов Союза и отдельных его членов, а также интересов бизнеса и наднациональных властей оказалась под угрозой разрушения. Ресурсный кризис, связанный с «энергетическим переходом», ограничения, вызванные пандемией ковида и, наконец, открытый военный конфликт на Украине привели к появлению новой повестки в дискуссии о суверенитете. Речь идёт, по существу, о свёртывании отношений, базирующихся на глобальной взаимозависимости, и о провозглашении курса на автономизацию. Констатируется окончательное «банкротство экономической сетевой парадигмы, функционировавшей в течение трёх десятилетий, но теперь достигшей своего предела» [*Herles*, 2022].

Применительно к России провозглашённый курс на «стратегическую автономизацию» ЕС означал введение санкций и сведение к минимуму поставок российских энергоносителей. Уже 25 февраля 2022 г. была принята совместная декларация Совета министров ЕС, Европейской комиссии и Европейского Банка, в которой говорилось о готовности к совместным санкциям и укреплению «стратегической автономии». Спустя год Э. Макрон, как было отмечено выше, представил обновлённую доктрину экономического суверенитета Евросоюза с учётом новых вызовов.

В целом можно, видимо, говорить о существенной трансформации в понимании категории наднационального европейского экономического суверенитета. Конструкция его становится определённо более жёсткой, ключевыми направлениями трансформации становятся курс на «стратегическую автономию», избавление от прежних «опасных» зави-

¹ Макрон предложил пути воссоздания экономического суверенитета ЕС // РИА Новости. 12.05.2023. <https://ria.ru/20230512/evrosoyuz-1871281697.html> (дата обращения 12.02.2024).

симостей и недопущение возникновения новых. «Суверенитет в большей степени сигнализирует о конфликтном начале: он чаще употребляется в сочетании с рисками и вызовами (от военных до эпидемиологических), как оппозиция национальному “суверенизму”, а также как способ преодоления зависимости» [Романова, Коцур, Мазаник, Трещеников, 2023. С. 5].

Российская концепция экономического суверенитета

Экономический суверенитет в российских официальных документах и в специальной литературе понимается, воспринимается и интерпретируется в общем и целом иначе, чем в Европе. Для Европы (ЕС) характерно «инструментальное использование суверенитета» [Романова, Коцур, Мазаник, Трещеников, 2023. С.1], т.е. ЭС воспринимается как средство, инструмент внешней и внутренней экономической политики Евросоюза в целях обеспечения и продвижения экономико-политических интересов Союза в целом и отдельных его членов. В России же, можно сказать, традиционно ЭС понимается как самостоятельная целевая функция. В концептуальном правовом документе «Стратегия экономической безопасности» обеспечение ЭС РФ понимается прежде всего как обеспечение экономического суверенитета собственно Российской Федерации, её независимости от внешнего давления, а собственно «экономический суверенитет» определяется как «объективно существующая независимость государства в проведении внутренней и внешней экономической политики с учётом международных обязательств»².

Суверенитет как конституирующая категория и на официальном уровне, и в исследованиях по соответствующей теме в России традиционно относится к числу высших приоритетов. Такое отношение к суверенитету укоренилось ещё в советский период и находило своё проявление и в теории, и на практике. Так, в 1947 г. СССР отказался участвовать в программе восстановления экономики по плану Маршалла, поскольку присоединение к программе, на которую дали согласие 16 государств, по мнению советского руководства, противоречило суверенитету страны. Считалось, что присоединение к плану угрожало прежде всего экономическим основам социалистического строя и привело бы к опасной экономической зависимости от США³.

На протяжении всего советского периода ЭС понимался исключительно как суверенитет государственный, поскольку никакой иной собственности, кроме коллективной, в стране не было. А в сфере производственных и внешнеэкономических связей отношения вне государственного контроля не допускались. Государство выступало доминирующим коллективным собственником, к тому же оно распространяло свою монополию на всю внешнюю торговлю и на валютные операции. Трансформационные постсоциалистические преобразования экономической системы 1990-х гг., в том числе в сфере собственности, существенно изменили экономическую реальность. Появились и частные собственники, в том числе и крупные. Однако и в значительной части теоретических построений, и в принимаемых нормативно-правовых документах отношение к государству как к единственному носителю ЭС остаётся прежним.

«Монистическая» концепция ЭС, при которой государство пребывает в роли единственного его субъекта, неоднократно подвергалась с начала 1990-х гг. испытаниям на прочность. Это связано, в первую очередь, с открытием экономики страны и неизбежным вовлечением её в глобализационные процессы. Российские авторы, как отмечалось выше,

² Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. №208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». ГАРАНТ. <https://base.garant.ru/71672608/#friends> (дата обращения 17.12.2023).

³ План Маршалла. Почему Москва его отвергла? РИА Новости. 26.05.2021. <https://ria.ru/20070605/66676583.html> (дата обращения 17.12.2023).

указывают на риски эрозии государственного экономического суверенитета. Угрозы национальному экономическому суверенитету возникают в связи с процессами глобализации в сфере экономики, они обусловлены, в частности, вступлением страны в ВТО, хранением значительной части государственных резервов в финансовых инструментах других государств, в технологической зависимости, в том числе от зарубежных стандартов и комплектующих, от импорта критически значимой продукции и т.д. [Болдырев, 2021]. Указывается на опасности зависимости от иностранной помощи, поступающей от международных финансовых организаций (банков), чреватой лишением контроля над национальной экономикой, от следования теориям, превышающим суверенитет («права человека», «экономической интеграции»). В связи с этим предлагается переосмыслить понимание суверенитета как ответственности за внутренние функции и внешние обязательства государства в экономической сфере [Лещенко, 2018].

С началом СВО и резкого ужесточения со стороны Запада политики санкций российская концепция ЭС (которая, надо сказать, до сего времени не получила завершённого нормативного оформления) не претерпела радикальной трансформации, но была дополнена рядом важных «конструкционных» элементов. Главным направлением происходящих изменений в сфере концептуализации ЭС в России можно считать требование обеспечения экономической независимости в ключевых стратегических областях. Первостепенное значение при этом приобретают приоритеты политического характера, предопределяющие деление всех стран-контрагентов во внешнеэкономической сфере на дружественные и недружественные. Развитие экономических отношений с компаниями из второй группы стран становится определённо неприоритетным и даже нежелательным по причине рисков усиления зависимости. В то же время требованиям укрепления ЭС отвечает ориентация на всестороннее сотрудничество с партнёрами из группы дружественных стран — «разворот на Восток». Соображения чисто коммерческой выгоды оттесняются на второй план, если вообще принимаются во внимание: *de facto* сырьё и энергоносители продаются в дружественные страны, как правило, с дисконтом, а получение готовой продукции по импорту из этих стран в большинстве случаев обходится дороже, в том числе из-за снижения уровня конкуренции на российском рынке. Соответственно политически обусловленной переориентации торговых потоков происходят и изменения в системе расчётов. Недружественным европейским странам предлагается оплачивать импортные поставки энергоносителей в рублях, что несомненно усложняет сами расчёты, но не предполагает получение дополнительной прибыли для экспортёра. В отношениях с дружественными странами внедряются расчёты в национальных валютах в целях сокращения доли так называемых свободно конвертируемых валют недружественных стран — доллара и евро.

Напомню, что в советской экономической истории был период, который с определёнными оговорками можно назвать прообразом возникающей в настоящее время системы внешнеэкономических отношений. Речь идёт об экономическом содружестве социалистических государств и его главной несущей конструкции — Совете Экономической Взаимопомощи. Торговля и производственная кооперация с братскими, как их тогда называли, социалистическими странами Восточной Европы и отдельными азиатскими странами, воспринявшими советскую модель социализма, имели для Советского Союза безусловный приоритет: на них приходилось до трёх четвертей совокупного внешнеторгового оборота СССР. Взаимные расчёты осуществлялись на основе клиринга, т.е. зачёта обязательств, с использованием расчётной единицы — переводного рубля. Просуществовала эта система достаточно долго — с конца сороковых до начала девяностых годов прошлого столетия. С отказом от социалистической системы хозяйствования, основанной на директивном планировании и государственной монополии на внешнюю торговлю (если говорить о внешнеэкономическом блоке), экономический союз государств, который базировался на чисто политической системе интересов групп власти однотипной политической ори-

ентации прекратил своё существование. Характерно, что экономическими итогами этой социалистической интеграции в конечном счёте остались недовольны все страны-участницы. Каждая из них после распада СЭВ подсчитывала свою недополученную прибыль вследствие подчинённости экономических интересов политическим. В настоящее время, видимо, было бы целесообразным учитывать уроки создания экономических союзов и вообще ориентации международных экономических отношений на основе скорее политических предпочтений, чем экономической взаимовыгодности.

Технологический суверенитет: экономическая составляющая

Как отмечалось выше, в официально утверждённой в 2017 г. «Стратегии экономической безопасности РФ до 2030 г.» ЭС определяется как базовый элемент всей конструкции системы экономической безопасности. При этом связанный с ним термин «технологический суверенитет» не используется. Однако к основным вызовам и угрозам экономической безопасности в Стратегии отнесены «отставание в области разработки и внедрения новых и перспективных технологий (в том числе технологий цифровой экономики), недостаточный уровень квалификации и ключевых компетенций отечественных специалистов» (раздел II, п. 12, пп. 12). К настоящему времени не в последнюю очередь под влиянием изменений в политико-стратегической и внешнеэкономической ситуации обеспечение суверенитета в технологической сфере приобретает первостепенную значимость; он становится одним из приоритетных направлений структурной адаптации экономики к новым вызовам. В соответствии с Постановлением Правительства от 15 апреля 2023 г. № 603⁴ обеспечение технологического суверенитета выходит на первое место в повестке национального развития. И эта приоритетность обеспечения технологического суверенитета проявляется и в отношении к экономической политике ЕС.

Следует при этом отметить, что у целого ряда авторов переплетаются «сюжеты», имеющие отношение к обеспечению и экономического, и технологического суверенитетов. У некоторых экспертов под этими терминами подразумевается нечто практически идентичное. Так, немецкий автор Бенедикт Херлес в публицистической статье «Где начинается наш суверенитет», отмечает: «Энергоснабжение — это одна из важнейших областей деятельности, а технологии — другая. Мы зависим от аккумуляторных батарей Дальнего Востока, облачных систем США и тайваньских компьютерных чипов». Автор при этом полагает, что всё же «свободная торговля остаётся основным элементом открытого общества с рыночной экономикой. Не каждая цепочка создания стоимости должна быть “европеизирована”. Тупой протекционизм — это не решение» [Herles, 2022]. Рассмотрение технологического и экономического суверенитета в едином смысловом контексте представляется, на мой взгляд, допустимым в силу того, что и высокотехнологичные продукты, и сами передовые технологии являются таким же товаром в мировой торговле, как и те же энергоносители, и на технологический трансферт также распространяется сфера рыночных отношений. Российский экономист-международник С.А. Афонцев считает даже, что если для анализа феномена ЭС прочный теоретический базис отсутствует, то с развитием теоретических основ изучения технологического суверенитета связаны наибольшие в настоящее время надежды [Афонцев, 2020]. О теоретическом фундаменте ЭС сказано выше, что же касается концептуальных теоретических обоснований технологического суверенитета и собственно смыслового наполнения данного термина, то эта тема определённно заслуживают самостоятельного исследования.

⁴ Правительство определило приоритетные направления проектов технологического суверенитета и структурной адаптации экономики России. Правительство России. 17.03.2023. <http://government.ru/docs/48272/> (дата обращения 12.03.2024).

Заключение

В теоретическом политико-экономическом дискурсе по поводу ЭС высказываются самые разные точки зрения и оценки релевантности самой проблематики вплоть до диаметрально противоположных. Позиции авторов по данному вопросу, как мне представляется, предопределяются их общим отношением к процессам глобализации, к протекционизму и свободе торговли. В реальной экономической политике далеко не всех стран одинаково акцентируются требования соблюдения государственного экономического суверенитета. Однако в России, начиная примерно с 2010-х гг. (а до того на протяжении всей истории СССР), не в последнюю очередь под влиянием политических изменений вопросы ЭС выступают на передний план.

В то же время тема ЭС практически всегда была актуальной и для многих стран континентальной Европы. Во всяком случае, она всегда присутствовала в повестке евроинтеграции, а делегирование национальных суверенитетов наднациональным органам привело к формированию наднационального суверенитета в рамках ЕС. Фактически концепция государственного экономического суверенитета РФ и доктрина наднационального суверенитета ЕС претерпевают одинаковые по своей направленности изменения: принципиальное значение придаётся обеспечению стратегической независимости, всё большее значение приобретают меры воздействия на вчерашних партнёров, превратившихся в противников, сама конструкция экономического суверенитета становится всё более жёсткой.

Однонаправленные перемены в позициях сторон, однако, в данном случае не способствуют их сближению и согласию. Очевидно, консенсус возможен лишь на основе устранения причин — чисто политического свойства, — провоцирующих экономическое разобщение. А концепция ЭС уже в новых условиях по сути своей останется инструментом, адаптирующимся к требованиям реальной политики.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Афонцев С.А. (2020). Концептуальные основы анализа национальной и международной экономической безопасности [Afontsev S.A. (2020). Conceptual framework for the analysis of national and international economic security] // *На страже экономики*. № 2. С. 27–47. DOI: 10.36511/2588-0071-2020-2-27-47.
- Болдырев О.Ю. (2021). Экономический суверенитет государства и конституционно-правовые механизмы его защиты [Boldyrev O.Y. (2021). Economic sovereignty of the state and constitutional and legal mechanisms of its protection] — М.: Проспект.
- Болдырев О.Ю., Чихладзе Л.Т. (2022). Экономический суверенитет государства: ценность вызовы, правовые механизмы защиты [Boldyrev O.Yu., Chikhladze L.T. (2022). Economic sovereignty of the state: value challenges, legal mechanisms of protection] // *Антиномии*. 2022. Т. 22. Вып. 3. С. 110–127.
- Гребнев Л.С. (1996). Суверенитет в экономике [Grebnev L.S. (1996). Sovereignty in the economy]. — М.: ГУ-ВШЭ, 1996. URL: <https://publications.hse.ru/books/90007003>.
- Лещенко Ю.Г. (2018). Экономический суверенитет в XXI веке: к вопросу о внешнеэкономической безопасности России в условиях членства в международных финансово-экономических организациях. [Leshchenko Yu.G. (2018). Economic Sovereignty in the XXI century: on the issue of Russia's Foreign Economic Security in terms of membership in international financial and economic organizations] // *Российское предпринимательство*. Т. 19. №12. С. 3637–3650.
- Лист Ф. (2005). Национальная система политической экономики [List F. (2005). The National system of political economy]. — М.: Издательство «Европа».
- Пороховский А.А. (2023). Экономический суверенитет России: проблемы становления и обеспечения. [Porokhovskiy A.A. (2023). Economic sovereignty of Russia: problems of formation and provision] // *Экономическое возрождение России*. №3. С. 10–15.
- Райнерт Э. (2009). Забытые уроки прошлых успехов [Reinert E. (2009). Forgotten lessons of past successes, "Expert". No. 1 (687). December 28, 2009] // *Эксперт*. №1 (687).
- Райнерт Э. (2010). Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными [Reinert E. (2010). How rich countries became rich and why poor countries remain poor]. — М.: ГУ ВШЭ.
- Романова Т. (2021). Дискурс о суверенитете Европейского Союза: содержание и последствия. [Romanova T. (2021). The discourse on the sovereignty of the European Union: content and consequences] // *Современная Европа*. №5. С. 32–44.

- Романова Т., Коцур Е., Мазаник С., Трещенков Е. (2023). *Стратегический суверенитет Евросоюза и интересы России. От теории к политическим рекомендациям: Аналитическая записка / Российский совет по международным делам.* [Romanova T., Kotsur E., Mazanik S., Treshchenkov E. (2023). The strategic sovereignty of the European Union" and the interests of Russia. From theory to political recommendations. The Russian Council for International Affairs. Analytical note]. <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-EU-Sovereignty-PolicyBrief49.pdf> (дата обращения 12.02.2024).
- Сапир Ж. (2020). Основы экономического суверенитета и вопрос о формах его реализации [Sapir J. (2020). The foundations of economic sovereignty and the question of the forms of its implementation] // *Вопросы прогнозирования.* №2. С. 3–9.
- Цедилин Л.И. (2013). *Протекционизм в российской экономической политике* [Tsedilin L. I. (2013). Protectionism in Russian Economic Policy]. — М.: ИЭ РАН.
- Цедилин Л.И. (2014). Промышленная политика по Фридриху Листу [Tsedilin L.I. (2014). Industrial policy according to Friedrich List] // *Вестник Института экономики РАН.* № 6. С. 102–110.
- Цвайнерт Й. (2007). *История экономической мысли в России, 1805–1905.* [Zweinert J. (2007). The History of Economic Thought in Russia, 1805-1905]. — М.: ГУ ВШЭ.
- Bodin J. (1986). *Les six livres de la République.* Livre I. — Paris: Arthème Fayard.
- Boudreaux D. J. (2011). Do Subsidies Justify Retaliatory of Protectionism? // *Economic Affairs.* Vol. 32. Is. 3. Pp. 4–6.
- Herles B. (2022). Wo beginnt unsere ökonomische Souveränität? // *Capital.de.* 14.03.2022. <https://www.capital.de/wirtschaft-politik/wo-beginnt-unsere-oekonomische-souveraenitaet--31699182.html>. (дата обращения 12.02.2024).

Цедилин Леонид Иванович

lcedilin@yandex.ru

Leonid Tsedilin

Ph.D. (Economics), Leading Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.

lcedilin@yandex.ru

ECONOMIC SOVEREIGNTY: UNDERSTANDING AND JUSTIFICATION IN ACCORDANCE WITH NEW REALITIES

Abstract. The article explores various points on the problem of economic sovereignty with an emphasis on the problem of determining the carrier (subject) of the ES. The theoretical foundations of ES are analyzed from the standpoint of various theoretical schools and directions. Changes in the interpretation of the state economic sovereignty of Russia and the supranational sovereignty of the EU are considered. The political predetermination of the ongoing processes of sovereignization in the foreign economic policy of Russia and the EU is stated.

Keywords: *economic sovereignty, foreign economic policy, strategic independence, economic security, protectionism, strategic autonomy, technological sovereignty.*

JEL: B41, F52, F53, F63.

Г.С. Беляков

*магистрант, Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова (Москва)*

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПОПУЛИЗМА

Аннотация. В работе представлен комплексный анализ теории популизма, находящейся на стыке политической и экономической наук. Первая часть статьи посвящена определению популизма, экономическим триггерам, способствующим росту голосов, отданных за популистские партии; описанию их ядерного электората. Во второй части работы рассматриваются типы политического популизма, причины их актуализации в XXI в., а также институциональные последствия власти популистов. Под политическим популизмом мы понимаем стратегию политической борьбы, в основе которой лежат две установки: антиэлитизм и антиплюрализм. Спрос на популизм предъявляют разобщённые социальные группы, «проигравшие» в ходе социальных трансформаций после неолиберальной революции 1970-х гг. и испытавшие негативные шоки в процессе глобализации. Протестный электорат объединяется вокруг харизматических лидеров, которые находят «виноватых» в лице традиционных элит, мигрантов или меньшинств и претендуют на право говорить от лица всего «народа». Популизм может способствовать демократизации на ранних её этапах. Однако после прихода к власти популисты склонны к разрушению системы сдержек и противовесов, ценой чему становится снижение качества институтов и торможение экономического роста. Третья часть работы посвящена оценке экономического популизма. Мы приходим к выводу, что используемые в научной литературе подходы к определению не отвечают требованию универсальности и не предполагают достаточного уровня операционализации, необходимого для эмпирических исследований. Предлагается альтернативный подход, развивающий «классическое» определение Р. Дорнбуша и С. Эдвардса: экономическая политика, направленная на провоцирование экономических шоков с целью повышения политических рейтингов власти и занижающая социально-экономические риски. Такой подход позволяет: 1) вывести экономический популизм за пределы идеологической рамки «правой-левой» экономической политики; 2) разделить экономический популизм и экономическую программу политических популистов; 3) оценивать популистскую политику мейнстримных партий. Таким образом, теория экономического популизма сближается с теорией политических деловых циклов, однако не ограничена выборами и сосредоточена на оценке спроса, а не предложения.

Ключевые слова: популизм, экономический популизм, правый и левый популизм, институты, демократия, протестное голосование, экономические триггеры, экономические шоки.

JEL: E02, P16

УДК: 32.019.51, 330.88, 338.22.01

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_30_44

© Г.С. Беляков, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Беляков Г.С. Политико-экономическая теория популизма // Вопросы теоретической экономики. 2024. №2. С. 30–44. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_30_44.

FOR CITATION: Belyakov G. The Political and Economic Theory of Populism // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 2. Pp. 30–44. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_30_44.

Введение

Популизм — противоречивое явление экономической и политической жизни XX–XXI вв., корни которого можно найти в прогрессивном движении в США, социалистическом движении в Российской империи, правых авторитарных режимах в Европе и левых — в Латинской Америке. Ко второй половине XX в. первая волна популизма идёт на спад. Однако финансовый кризис 2008 г. и миграционный — середины 2010-х гг. — спровоцировали вторую волну популизма, связанную с ростом поддержки популистских партий в развитых экономиках [Funke, Schularick, Trebesch, 2016]. В 2016 г. Великобритания запускает Брексит, с долгосрочными последствиями которого сталкивается до сих пор, а на президентских выборах в США триумфально побеждает эксцентричный бизнесмен Дональд Трамп, обещающий сделать Америку «снова великой».

К 2018 г. уже более 25% стран оказываются во власти популистов [Funke, Schularick, Trebesch, 2023]. Радикальные силы воспользовались страхами населения во время пандемии COVID-19, укрепив свою власть в Венгрии, Турции и Польше [Acemoglu, Feo, De Luca, Russo, 2022]. В 2022 г. в Италии сформировано самое «правое» правительство со времён Бенито Муссолини во главе с Джорджией Мелони, лидером «Братьев Италии», а радикальные «Шведские демократы» заняли второе место на парламентских выборах. В 2023 г. «Альтернатива для Германии» поднялась на вторую строчку в рейтинге политических партий ФРГ¹, к власти в Финляндии пришла правоцентристская «Национальная коалиция» в союзе с популистами — «Истинными финнами». В том же году сенсационную победу одержала «Партия свободы» в Нидерландах, а президент Турции Реджеп Эрдоган сумел сохранить власть, несмотря на разрушительную макроэкономическую политику и последствия катастрофического землетрясения, унёсшего жизни свыше 50 тыс. человек. Наконец, перед выборами 2024 г. Дональд Трамп становится безоговорочным лидером Республиканской партии США, партия радикализируется², её лидеры вынуждены копировать популистскую риторику бизнесмена (феномен «заражение популизмом»).

С усилением политического, экономического и миграционного кризисов в развитых странах можно ожидать, что популистские силы сумеют не только закрепиться в партийных системах, но и нарастить электоральную поддержку [Rooduijn, et al., 2023]. Таким образом, популизм как предмет научных изысканий не теряет актуальности. Напротив, сегодня исследователи получили достаточное количество данных для эмпирической оценки некоторых постулатов теории популизма.

С середины 2000-х гг. был написан ряд крупных работ, посвящённых: 1) определению популизма; 2) причинам его актуализации в конце XX — начале XXI вв.; 3) факторам голосования за популистские партии; 4) влиянию популизма на институты; 5) процессу демократизации; 6) экономическому популизму. В этой статье ставится цель провести комплексный анализ политического популизма, а также дополнить теорию экономического популизма, предложив альтернативный подход к оценке этого явления.

Определение популизма

В политологической и экономической науке нет единого определения термина «популизм» (при всей очевидности этимологии: от лат. слова «*populus*» — народ). Так, по мнению исследователей Л. Гуизо, Х. Херрера, Т. Сонно, популистскими могут быть названы любые политические силы, которые: 1) выступают за краткосрочную политику защиты

¹ German, national Poll Average. Europe elect. <https://europeelects.eu/germany/> (access date: 20.09.2023).

² Republican Party ideology over time. Voteview. <https://voteview.com/parties/200/republican-party> (access date: 01.10.2023).

населения; 2) скрывая при этом долгосрочные издержки; 3) используя антиэлитную риторику для манипулирования убеждениями населения [Guiso, Herrera, Sonno, 2017].

Исследовательница Н. Урбинати выделяет следующие характеристики популизма («проекта политического обновления») [Urbinati, 2014]:

- ▶ превознесение чистоты народа как условие политики искренности, противопоставляемой повседневной практике компромисса и переговоров, которой заняты политики;
- ▶ апелляцию к правоте большинства и утверждение его права против любого меньшинства, как политического, так и иного (популизм возвращает сильные дискриминационные идеологии, направленные против культурных, гендерных, религиозных и языковых меньшинств);
- ▶ мысль о том, что политика предполагает идентичность, построенную на противопоставлении, конструировании «нас» против «них»;
- ▶ канонизацию единства и однородности народа, противопоставляемых любой его части.

Широко распространено определение, используемое Я.-В. Мюллером: популизм — особое моралистическое воображение политики, способ восприятия политической действительности, предполагающий моральную чистоту и внутреннюю однородность народа³, который противопоставляется коррумпированным и морально деградировавшим элитам [Мюллер, 2018].

С точки зрения политологии, популизм — не идеология⁴. Популизм — стратегическое видение политики, предполагающее использование дискурса, сочетающего в себе два основных элемента: антиэлитизм и антиплюрализм. Популизм легко сочетается практически с любым идеологическим наполнением, которое необходимо для его легитимации. Так, левый популизм делает ставку на эгалитаризм и идею справедливости (социализм) и сосредоточивается на вертикальном делении общества: простой народ и класс-эксплуататор. В основе правого популизма⁵ лежит идеология национализма⁶, которая позволяет провести горизонтальное деление общества: «другими» объявляются этнические меньшинства, мигранты, либералы, социалисты, ТНК, представители сексуальных меньшинств и т.д. [Узланер, 2017]. В действительности, как правило, наблюдается синтез двух идеальных типов⁷.

Причина актуализации того или иного типа популизма кроется в специфике шоков глобализации. Так, Латинская Америка и Южная Европа испытали шоки торговли, финансов и иностранных инвестиций, спровоцировавших рост безработицы и риски дефолтов, — в этих регионах традиционно силён запрос на левый популизм с его «классовым»

³ «Моральная чистота и однородность народа» в данном контексте является фикцией, что Мюллером отдельно подчёркивается.

⁴ Существует, впрочем, и альтернативный подход: взгляд на популизм как на идеологию наряду с левыми и правыми политическими установками, что, по мнению авторов, облегчает оценку «спроса» на популизм со стороны избирателей [Mudde, Kaltwasser, 2017].

⁵ На первый взгляд, правый популизм имеет много пересечений с идеологией фашизма. Тем не менее, как демонстрируют Д. Аджемоглу с соавторами, фашизм — уникальное явление межвоенного периода XX в., связанное с милитаризацией общества в результате Первой мировой войны и вполне реальной угрозой социалистической революции. Всплеск крайне правых настроений был обусловлен страхом правых центристов перед радикальными левыми, что вынудило их отдавать голоса за фашистские партии. Тем не менее правопопулистские движения в целом имеют потенциал для превращения в фашистские — для такой трансформации должна появиться экзистенциальная угроза существующему порядку, которая повысит привлекательность правых радикалов среди умеренных избирателей. Открытым остаётся вопрос, могут ли культурные противоречия и миграционный кризис стать такой угрозой [Acemoglu, Feo, De Luca, Russo, et al., 2022].

⁶ Такая «нация» не охватывает всё население по критерию происхождения, а является социальным конструктом, призванным разделить «народ» и его «врагов». Состав категорий определяется лидером-популистом.

⁷ Конструкт нации приобрёл столь всеобъемлющий характер, что сегодня любая политическая сила вынуждена стать немного «националистической» [Миллер, 2008].

подходом⁸ [Rodrik, 2018]. В Западной и Центральной Европе сохранилось социальное государство, обеспечившее материальную компенсацию пострадавшим слоям населения. Однако в регионе наблюдается миграционный кризис⁹, актуализировавший проблему национальной идентичности, чем и воспользовались правые популисты. США испытали обе разновидности шоков — для страны актуальны как левый (Берни Сандерс¹⁰), так и правый (Дональд Трамп) типы популизма.

В качестве альтернативного объяснения может быть использована концепция пост-материализма Рональда Инглхарта: Европа достигла высокого уровня социально-экономического развития, и «политическими» для неё стали вопросы культуры и идентичности, а не бедности и неравенства [Inglehart, 1997; Mudde, Kaltwasser, 2011]. Таким образом, классовый раскол сменяется либерально-консервативным и про-антиглобалистским, где правые популисты занимают консервативный и антиглобалистский фланг¹¹. Каналом формирования новых идентичностей становятся соцсети, которые способствуют более стереотипному мышлению и «переключают» внимание бедных слоёв населения с экономических вопросов¹² [Gennaioli, Tabellini, 2019].

Типичные избиратели популистов — «проигравшие» социальные группы: представители старшего поколения¹³, люди без университетского образования, проживающие в сельской местности или на периферии, сторонники консервативных ценностей [Norris, Inglehart, 2019]. Наибольшую роль в протестном голосовании играют финансовые кризисы: в такие периоды электоральная поддержка крайне правых в среднем растёт на 30% [Funke, Schularick, Trebesch, 2016]. Финансовый кризис влечёт за собой неопределённость, фрустрацию и поляризацию общества [Gapp, 2005], что создаёт благоприятную почву для популистской риторики, позволяющей найти «виноватых» в лице элиты или мигрантов.

Среди основных факторов роста поддержки популистских сил в 2000-е гг. выделяют: 1) рост безработицы [Algan, et al., 2017] из-за «китайского торгового шока» [Autor, David, Gordon, Majlesi, et al., 2017; Colantone, Stanig, 2017] и автоматизации [Frey, Berger, Chen, 2018; Anelli, Colantone, Stanig, 2019]; 2) миграционный кризис [Dustmann, Vasiljeva, Piil 2016; Mayda, Peri, 2017]; 3) развитие информационных технологий, прежде всего мобильного интернета [Guriev*¹⁴, Papaioannou, 2022]. Популисты активнее других политических сил пользуются интернетом, общаясь со среднестатистическим избирателем на привычном ему языке [Campante, Durant, Sobbrío, 2017]. И это неудивительно, учитывая, что традиционные СМИ контролируются элитными группами.

⁸ Протестное голосование вызвано не неравенством как таковым, а чувством «экономической несправедливости», когда к разным людям применяются разные правила. Стоимость труда в развивающихся странах ниже, в них не применяются западные стандарты качества, что обуславливает более низкую стоимость импортных товаров, которые вытесняют национальную продукцию. В результате рабочие теряют места в ходе нечестной, с их точки зрения, конкуренции [Rodrik, 2018b].

⁹ Большинство мигрантов представляют культуру, отличную от европейской, что упрощает создание вокруг них негативного образа «Другого».

¹⁰ Среди сторонников политика, однако, гораздо больше традиционных левых групп [Sawyer, Moore, 2021]. Правый популизм в США оказывается доминирующим типом.

¹¹ В этом случае такие расколы покажут свою устойчивость, и можно прогнозировать дальнейшую трансформацию партийных систем [Lipset, Rokkan, 1967].

¹² Так, избиратели, пострадавшие от растущего импорта из Китая, в среднем стали более охотно мириться с сокращением госрасходов и более негативно относиться к мигрантам; для них также выросла значимость дискуссии вокруг абортов как одной из центральных тем групповой идентичности консерваторов.

¹³ В последние годы популистские силы всё чаще поддерживают молодые избиратели, недовольные социально-экономическим положением в стране и уставшие от традиционных партий и возрастных политиков. В первую очередь это касается новых популистских партий, как например польская «Конфедерация свободы и независимости» (Wyniki wyborów parlamentarnych 2019 [EXIT POLL]. Forsal. <https://forsal.pl/artykuly/1434700,wybory-2019-wyniki-wyborow-parlamentarnych-exit-poll.html> (access date: 01.10.2023)).

¹⁴ *Гуриев С.М. включён Минюстом РФ в список иностранных агентов.

Политический популизм

Согласно весьма ёмкой метафоре К. Мудде, популизм сводится к нелиберально-демократическому ответу на недемократический либерализм [Mudde, 2007], способу мобилизации общества для противостояния элитам. С одной стороны, популизм противоречит идее либеральной демократии, ограничивающей «чистую волю народа» с помощью институтов, с другой — может стать инструментом давления на политический режим в случае чрезмерного усиления элиты¹⁵ [Mudde, Kaltwasse, 2017]. Часть авторов идёт ещё дальше, признавая популизм необходимым каналом вовлечения разобщённых масс в политику в XXI в. [Laclau, 2005].

Причины актуализации популизма следует искать в политических и экономических трансформациях западного общества во второй половине XX в. Устойчивая представительная демократия в Европе сложилась после Второй мировой войны, в процессе создания социального государства. Кейнсианская экономическая политика стала способом регулирования капитализма и органичным дополнением к демократической легитимности, так как была нацелена на управление спросом через перераспределение благ и снижение неравенства в обществе [Штрик, 2019]. Синтез просуществовал с 1940-х по 1970-е гг. («золотое тридцатилетие»). Оказалось, что и кейнсианский капитализм порождает экономические и политические противоречия, способствуя «усилению» труда в диалоге с капиталом и чрезмерному влиянию профсоюзов, требующих повышения заработной платы.

Экономические проблемы 1970-х гг. (стагфляция), нефтяной кризис и ослабление СССР как альтернативного идеологического полюса привели к отказу от кейнсианской политики и осуществлению так называемой неолиберальной революции. Роль государства в экономике снизилась, а экономический рост начал стимулироваться за счёт задолженности домохозяйств. Процессы деиндустриализации и автоматизации размывают классовую идентичность [Rodrik, 2018] и ослабляют профсоюзы, этому же способствует и миграционный поток в развитые страны. Растёт уровень неравенства [Piketty, 2022], ускорились процессы монополизации — власть и капитал сосредотачиваются в руках крупных корпораций, выстраивающих неформальные связи с государственными органами [Срничек, 2019].

Капитализм стал инициатором «развода» с демократией¹⁶, «брак» с которой был во многом вынужденным и исторически непродолжительным. Свободный рынок порождает «проигравшие» слои населения, уже не определяющиеся классовой идентичностью, — традиционные левые уступают популистам, которые лучше других политических сил справляются с задачей консолидации разобщённого электората вокруг фигуры харизматического лидера¹⁷.

Популисты ставят под вопрос саму необходимость политической конкуренции: если народ един, а популистский лидер выражает его интересы, значит, система представительства оказывается излишней [Bernatt, 2022]. Это политическая сторона популизма:

¹⁵ Влияние популизма на национальные институты зависит от трёх факторов: сила популистской партии (находится ли она в оппозиции или у власти), международная конъюнктура (так, интеграция в рамках ЕС препятствует эрозии демократии) и тип режима. В целом, популизм благоприятен на ранних этапах демократизации и оказывает негативное воздействие на уже устоявшуюся либеральную демократию.

¹⁶ Согласно точке зрения Д. Аджемоглу и С. Джонсона, ключевым фактором неолиберальной революции стал отнюдь не объективный кризис кейнсианской экономической политики, а смена доминирующей научной парадигмы. Воспользовавшись нефтяным кризисом 1973 г. в качестве повода, монетаристы объявили кейнсианство несостоятельным и предложили альтернативный нарратив, согласно которому цели максимизации прибыли бизнеса безусловно согласуются с интересами национальной экономики («доктрина Фридмана») [Acemoglu, Johnson, 2023].

¹⁷ Здесь, однако, кроется и слабость популизма: движение может оказаться неустойчивым из-за неразумных амбиций своего лидера или же, напротив, недостатка у него харизмы, позволяющей объединить разрозненные социальные группы.

он способен мобилизовать граждан, однако в конце концов ведёт к выхолащиванию демократии, что особенно опасно для стран с неустоявшимися институтами [Байме, 2019]. Громкие лозунги способны мобилизовать электорат, но экономика приносится в жертву сиюминутным политическим интересам, и проведение реформ оборачивается стагнацией [Мау, Синельников-Мурылев, Трофимов, 1996]. Стимулирование спроса достигается за счёт увеличения государственного долга и приводит к нарушению макроэкономического равновесия. А увеличение роли государства (и лояльных режиму олигархов) в экономике способствует монополизации и изменению правил игры на рынке в пользу решающей роли центральных органов власти [Мадьяр, Мадлович, 2022b. Т. 2. С. 108], следствием чего становится подрыв основ рыночной конкуренции.

Власть популистской партии (вне зависимости от идеологического наполнения) на горизонте пятнадцати лет в среднем в отдельных случаях может приводить к потере более 10% потенциального роста ВВП [Funke, Schularick, Trebesch, 2023]. Популисты заведомо не способны выполнить все экономические обещания. А потому, придя к власти, они склонны давить на свободные СМИ с тем, чтобы не допустить распространения информации о своих провалах. Исчезновение независимых СМИ, в свою очередь, становится фактором, развязывающим руки коррупционерам. А потому в среднесрочной перспективе коррупция растёт, что снижает качество госуправления.

Впрочем, в некоторых случаях программа популистов может быть даже более реалистичной, чем предложения мейнстримных партий: как правило, она выстроена не вокруг идеологии, а вокруг актуальных социальных проблем¹⁸. Популисты способны закрепиться во власти на длительный срок (включая сценарий коалиции с центристами) [Albertazzi, McDonnell, 2015] и эффективно используют популистскую риторику и меры экономического популизма для достижения лояльности электората в период выборов [Acemoglu, Egorov, Sonin*¹⁹, 2013].

Представляется интересным рассмотрение популизма через призму НИЭТ. Согласно Д. Норт, Дж. Уоллису и Б. Вайнгасту, популизм — следствие неспособности правительства в рамках порядков ограниченного доступа наладить систему предоставления социальных услуг [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011]. Если медианный избиратель имеет доходы ниже среднего, то расширение избирательных прав вынуждает государство следовать масштабному перераспределению с нулевой или даже отрицательной суммой. Это «негативная сторона демократии» в естественных государствах, её следствием становятся макроэкономическая нестабильность и экономические кризисы, нередко оборачивающиеся крахом режима. В порядках открытого доступа, напротив, государство способно перераспределять блага «обезличенно», следовать политике социального страхования и равного доступа к общественно значимым благам, что снижает спрос на популизм.

Другие представители НИЭТ, Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон, рассматривают популизм как явление, превращающее политику в игру с нулевой суммой и препятствующее созданию широкой коалиции общественных сил, необходимой для обуздания государственного Левиафана [Acemoglu, Robinson, 2019]. Фокус внимания исследователей, таким

¹⁸ Так, программа Национального объединения Марин Ле Пен предполагает вполне конкретные методы решения миграционного вопроса — введение квот. На фоне других политических сил Франции, апеллирующих к абстрактным идеологическим постулатам, предложения правых показалось избирателям более выигрышными. То же относится и к идее Дональда Трампа о строительстве стены на границы с Мексикой — пусть и не бесспорное, но всё-таки практическое решение проблемы нелегальной миграции, которую команда Хиллари Клинтон в кампании 2016 г. попросту игнорировала. В результате «Стена Трампа» стала одним из ключевых пунктов программы будущего президента и ярким мемом, привлекающим избирателя.

¹⁹ *Сонин К.И. включён Минюстом РФ в список иностранных агентов.

образом, направлен на популизм «снизу» (со стороны спроса)²⁰, в то время как Д. Норт с соавторами рассматривают популизм «сверху» как один из видов перераспределительной политики государства (сторона предложения).

Несмотря на различные оценки популизма «снизу», большая часть авторов сходится во мнении, что власть популистов приводит к разрушению системы сдержек и противовесов. Популизм «сверху» становится удобным инструментом, при помощи которого авторитарно легитимирует себя и лишает легитимности других [Патцельт, 2018]. С этой целью популисты часто обращаются к (пере)изобретению национальных традиций и религиозному дискурсу²¹, конструируют символическое единство «народа» в противовес всем тем, кто не разделяет его ценности.

Авторитарные популисты, как правило, играют на темах обеспечения безопасности, сохранения традиций и необходимости сильного лидера [Norris, Inglehart, 2019]. Так, в Венгрии и Польше после «правого поворота»²² популизм из оппозиционного движения, связанного с мобилизацией масс, превратился в идеологическую платформу, поддерживающую гибридные режимы²³ [Мадьяр, Мадлович, 2022а. Т. 1. С. 259]. Социальные группы, недовольные status quo, привели к власти «тирана», но «тиран» не отказался от популистской риторики. Напротив, он продолжил её использовать для легитимации собственной власти и отвлечения населения от реальных социально-экономических проблем²⁴. Добившись народной поддержки, популистский лидер снижает затраты на обеспечение лояльности элит, а падение градуса оппозиционных настроений позволяет ему отказаться от механизмов физического принуждения. Фактически популизм «сверху» превращается в стратегию манипулирования общественным мнением [Guriev*, Treisman, 2017].

Экономический популизм

В экономической науке не сложилось не только единого определения популизма, но и общего взгляда на оценку этого явления. В 1990-е гг. под экономическим популизмом понимался подход к экономике, подчёркивающий рост и перераспределение доходов и принижающий риски инфляции и финансового дефицита, внешние ограничения и реакцию экономических агентов на агрессивную антирыночную политику [Dornbusch, Edwards, 1990]. Это описание было сформулировано на основе латиноамериканского опыта реформ, оно не имеет чётких эмпирических рамок и плохо подходит для описания экономической политики в других регионах мира, не прошедших через аналогичные экономические эксперименты. А потому с начала 2000-х гг. экономисты всё чаще пользуются определением

²⁰ В частности, эта идея прослеживается в разделе «Деспотизм снизу», в котором авторы рассматривают приход к власти в Веймарской республике НСДАП.

²¹ Можно наблюдать даже некоторые «цивилизационные основы» правого популизма, которые прослеживаются в Западной Европе. В вопросе противостояния исламским мигрантам правые популисты стремятся говорить от лица всей «христианской цивилизации» [Осколков, Тэвдой-Бурмули, 2018].

²² Приход к власти правых популистов в 2010 г. в Венгрии (Фидес-ХДНП) и в 2015 г. в Польше («Право и справедливость»).

²³ Гибридные режимы — смешанные политические режимы, авторитарные по своей сути, но, как правило, демонстрирующие демократические черты (наличие выборов) [Hameed, 2022]. Стоит, однако, отметить, что сами Б. Мадьяр и Б. Мадлович избегают понятия «гибридный режим» и создают собственную классификацию режимов, не относящихся к либерально-демократическим.

²⁴ Согласно исследованию The Economist, повышенная националистическая риторика правительства ассоциируется с высоким уровнем коррупции. Примитивный человеческий страх перед «другими» позволяет завоевать широкую поддержку электората без необходимости проводить политические и экономические реформы (How cynical leaders are whipping up nationalism to win and abuse power. The Economist. <https://www.economist.com/briefing/2023/08/31/how-cynical-leaders-are-whipping-up-nationalism-to-win-and-abuse-power> (access date: 01.10.2023)).

из области политологии. У такого подхода есть свои издержки: 1) понятие экономического популизма сводится к экономической программе политических популистов, что является очевидным упрощением²⁵; 2) оценка того или иного политического движения в качестве популистского неизбежно подвержена искажениям²⁶.

В последние годы в научной литературе наметился ещё один тренд — использование термина «экономический популизм»²⁷ в качестве одной из составляющих новой парадигмы экономической политики, направленной на преодоление последствий неолыберальной революции. В этом вопросе консенсус также отсутствует. Так, Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон последовательно критикуют (политический) популизм как стратегию, превращающую политику в игру с нулевой суммой²⁸. Однако в работе 2023 г. Д. Аджемоглу с соавтором С. Джонсоном позитивно оценивает прогрессистское движение начала XX в. и Новый курс президента Франклина Рузвельта [Acemoglu, Johnson, 2023], реформы которого другой исследователь, Д. Родрик, прямо называет экономическим популизмом, позволившим предотвратить радикализацию американского общества в межвоенный период²⁹.

В качестве альтернативы Д. Аджемоглу и С. Джонсон настаивают на необходимости вмешательства государства в экономику для контроля над технологическим развитием с целью увеличения производительности труда без снижения предельной производительности. Это приведёт к росту доли труда в производстве, увеличит переговорную силу рабочих и, как следствие, усилит позиции общества в его диалоге с элитой. Д. Родрик предлагает схожую в общих чертах парадигму — «продуктивизм», направленный на преодоление противоречий двухсекторной экономики за счёт роста инвестиций в производство и создания «хороших рабочих мест»³⁰ [Rodrik, 2023]. Использование термина «экономический популизм» для определения новой экономической парадигмы кажется не вполне оправданным. В массовом сознании он имеет чётко выраженную негативную коннотацию и вызывает противоречия даже в научной среде.

В целом, рассмотренные подходы к оценке экономического популизма не предполагают достаточной степени операционализации понятия, что затрудняет эмпирические исследования. Представляется, однако, что теория экономического популизма имеет потенциал для развития при оценке trade-off между политической целесообразностью и экономической эффективностью. А потому в качестве альтернативы мы предлагаем доработанный вариант определения Р. Дорнбуша и С. Эдвардса. *Экономический популизм — экономическая политика правительства, направленная на провоцирование экономических шоков с целью повышения политических рейтингов власти и принижающая социально-экономические риски.* Такой подход позволяет: 1) отделить экономический популизм от левой

²⁵ Уникальные кейсы президента Аргентины — Карлоса Менема, президента Перу — Альберто Фухимори [Armony, 2005] и президента Мексики — Карлоса Салинаса [Knight, 1998], отдававших предпочтение либеральной экономической политике, говорят о том, что политический популизм не всегда предполагает популизм экономический. Во всяком случае, если использовать «классическое» определение 1990-х гг.

²⁶ Определённый компромисс был найден М. Рудуйном с соавторами. При классификации европейских партий учёные использовали методику EiQCC, которая сочетает политическую теорию, компаративистский анализ и кейс-стади, основанные на знаниях экспертов. В результате авторы составили список популистских партий в Европе с 1989 г., включая «пограничные» партии, не относящиеся к левому или правому популизму, например «Народ свободы» Сильвио Берлускони [Rooduijn, et al, 2023].

²⁷ Используется также термин «новый экономический популизм», под которым В. Франко и К. Витко понимают экономическую политику американских штатов, направленную на снижение неравенства [Franko, Witko, 2017].

²⁸ Антиплюрализм на фундаментальном уровне противоречит идее вхождения в «узкий коридор» — траекторию развития общества, на которой удаётся достигнуть равновесия сил государства и общества благодаря созданию широкой коалиции [Acemoglu, Robinson, 2019].

²⁹ Rodrik D. (2018). In Defense of Economic Populism. <https://www.project-syndicate.org/commentary/defense-of-economic-populism-by-dani-rodrik-2018-01> (access date: 20.09.2023).

³⁰ «Продуктивизм» проявляет больший скептицизм по отношению к технократам и менее враждебен популизму в экономической сфере.

экономической политики как таковой, а также рассмотреть случаи использования традиционно «правых» мер для повышения лояльности электората; 2) отделить экономический популизм от экономической программы «политических» популистов, которые могут проводить (умеренную) либеральную экономическую политику; 3) оценивать экономическую программу мейнстримных партий в качестве популистской.

Под шоками мы понимаем внешние по отношению к самой экономике потрясения, вследствие которых объём производства и занятости отклоняются от естественного уровня [Mankiw, 2013. P. 250]. Шоки создают неопределённость, препятствуя проведению сбалансированной экономической политики (в частности, достижению целевого уровня инфляции). Их источниками могут являться действия экономических акторов и правительств, в том числе целенаправленные. Яркий пример — «шоковая терапия»: комплекс радикальных реформ, направленных на оздоровление и либерализацию экономики³¹ [Murrell, 1993].

Согласно модели ретроспективного голосования, решение о поддержке действующего правительства избиратель принимает на основе оценки собственного благосостояния [Fiorina, 1978]. Таким образом, экономические шоки могут способствовать росту или снижению рейтингов власти, в зависимости от функции полезности избирателей. Эта идея легла в основу делового политического цикла: в годы выборов правительство имеет тенденцию проводить экспансионистскую бюджетно-налоговую, а часто и денежно-кредитную политику [Frankel, 2010].

Вмешательство правительства в экономику может реализовываться через три канала:

1) бюджетно-налоговая и социальная политика: рост государственных расходов и/или снижение налоговой нагрузки перед выборами [Rogoff, Sibert, 1988];

2) денежно-кредитная политика: давление на ЦБ с целью манипуляции ключевой ставкой для краткосрочного ускорения экономики [Hibbs, 1977; Alesina, 1987], либо сдерживания реакции ЦБ в ответ на стимулирующую бюджетно-налоговую политику [Drazen, 2000].

3) иные меры: национализация собственности (зарубежных) компаний, ужесточение миграционного законодательства, введение таможенных барьеров, перераспределение ресурсов из экспортно-ориентированных секторов экономики в «импортозамещающие» и т.д. [May, Синельников-Мурылев, Трофимов, 1996].

Теория экономического популизма, таким образом, сближается с теорией политических деловых циклов, однако (1) не ограничена периодом выборов и (2) сосредоточена на оценке спроса, а не предложения [Khemani, Wane, 2008].

Для объяснения выбора популистской политики воспользуемся двухпериодной моделью Д. Аджемоглу, Г. Егорова и К. Сонины* [Acemoglu, Egorov, Sonin*³², 2013]. Популистская политика, по мнению авторов, находится левее «точки блаженства» (bliss point) среднего избирателя: таким образом политик сигнализирует, что будет поддерживать интересы общества, а не элиты. Можно представить обратную ситуацию: если избиратели подозревают политика в левом радикализме, он выбирает стратегию «справа» от медианных предпочтений. Продемонстрируем специфику подхода на некоторых примерах.

Первая волна популизма в Латинской Америке (до 1960-х гг.) связана со становлением индустриального урбанизированного общества и распространением политических свобод. Классическим примером экономического популизма стала программа президента Аргентины Хуана Перона (годы власти: 1946–1955 гг. и 1973–1974 гг.) [Sturzenegger, 1991].

³¹ На первый взгляд, «шоковая терапия» — антипопулистская политика, издержки от которой преимущественно ложатся на беднейшие социальные группы. Даже относительно удачные кейсы её использования (Польша) привели к росту издержек для наименее обеспеченных слоёв населения. Как мы увидим далее, это не всегда так.

³² *Сонин К.И. включён Минюстом РФ в список иностранных агентов.

Экономические реформы, направленные на обеспечение занятости, организацию системы социального страхования, национализацию и индустриализацию, обеспечили переизбрание политика в 1952 г. Короткий экономический бум (1946–1953), однако, обеспечивался за счёт широкомасштабных государственных инвестиций. Когда неблагоприятная внешне-экономическая конъюнктура привела к торговому дисбалансу и росту национального долга Аргентины, в экономике началась стагфляция [Horowitz, 2012]. На фоне общественного недовольства режим перешёл к точечным репрессиям и конце концов был свергнут военными. В отличие других латиноамериканских политиков-популистов первой волны, Хуану Перону удалось вернуться к власти в 1970-е гг. Третий президентский срок (1973–1974 гг.) ознаменовался аналогичной экономической политикой и продолжением борьбы с оппозицией. С 1975 г. в Аргентине начинается период гиперинфляции — вдова Перона, занявшая должность президента после смерти мужа, была свергнута в ходе очередного переворота в 1976 г., который привёл к установлению военной хунты.

На фоне провала левых экономических реформ в Латинской Америке складывается уникальная ситуация: «точка блаженства» медианного избирателя смещается вправо. В 1990-е гг. после падения хунты популизм возвращается в повестку в форме «неопопулизма» с неолиберальной экономической программой [Armony, 2005]. Карлос Менем (1989–1999 гг.) позиционировал себя как продолжателя дела Хуана Перона, однако начало его президентского срока в 1989 г. ознаменовалось очередным скачком цен, для борьбы с которым политик вынужден был пересмотреть экономическую программу в пользу Вашингтонского консенсуса: сокращение госрасходов, приватизация собственности и сферы социальных услуг — реформы имели краткосрочный успех, в 1995 г. Менем переизбрался на второй срок. Однако растущая безработица и снижение уровня жизни беднейших слоёв населения к середине второго срока привели к массовым протестам — вернуться в большую политику Менем уже не смог [Horowitz, 2012]. В 2003 г. президентом Аргентины становится перонист Нестор Киршнер с социально ориентированной экономической программой — начинается очередная итерация аргентинского популистского цикла.

С конца 1990-х гг. после провала неолиберальных реформ запрос избирателей вновь смещается к более «левой» экономической политике. Яркая фигура возрождённого «классического» популизма — президент Венесуэлы Уго Чавес (1999–2013 гг.), сделавший ставку на национализацию нефтяных компаний и широкомасштабные программы социальной помощи («Plan Bolívar 2000») [Вареницова, 2014]; что весьма характерно — нацеленные на краткосрочную перспективу. Вместо структурной перестройки экономики осуществлялось перераспределение нефтяной ренты в обмен на лояльность электората [Maya, 2016]. Однако на фоне снижения цен на энергоносители к третьему сроку Чавеса уровень бедности в Венесуэле фактически вернулся к прежним показателям (с 25,4% в 2012 г. до 32,1% в 2013 г.)³³, с 2010-х гг. финансирование социальных программ происходит за счёт бюджетного дефицита (15,6% в 2012 г.)³⁴. На фоне экономической нестабильности «наследник» Чавеса Николас Мадуро перешёл к установлению авторитарного режима.

Наконец, появление таких политиков, как Жаир Болсонару [Pinheiro-Machado, 2023] в Бразилии и Хавьер Милей в Аргентине, свидетельствует о возможной четвёртой волне популизма на континенте, с возвращением к либеральной экономической программе. В этом отношении Латинская Америка — пример уникальный, но лишь по масштабам явления.

После неудачи неолиберальных реформ популистская реакция наблюдалась в Греции [Agnantopoulos, Lambiri, 2015], где к власти в 2015 г. приходит движение «Сириза». А в Великобритании одной из главных причин Брексита в 2016 г. стала политика «жёсткой

³³ Economic Commission for Latin America and the Caribbean (ECLAC), Social Panorama of Latin America, 2014.

³⁴ Venezuela Government Budget. Tradingeconomics.com. <https://tradingeconomics.com/venezuela/government-budget> (access date: 20.02.2024).

экономии», связанная с урезанием социальных трансфертов [Fetzer, 2023], что привело к протестному голосованию.

Примером провоцирования шоков монетарной политики с целью краткосрочного ускорения экономики служит «макроэкономический популизм» Реджепа Эрдогана. Поддержка турецкого режима согласуется с ростом реального ВВП³⁵, причём контроль над СМИ даёт политической элите возможность исказить информацию о состоянии экономики — сторонники правящей партии склонны к более высокой оценке экономической ситуации [Aytaç, 2020]. За полгода до президентских выборов, с июля 2022 г. по февраль 2023 г., ключевая ставка ЦБ Турции была снижена с 14% до 8,5%, хотя по итогам 2022 г. уровень инфляции превысил 72%. Впрочем, после успешного переизбрания Эрдогана произошло возвращение к ортодоксальной монетарной политике: в июне 2023 г. ЦБ поднял ставку почти в 2 раза (до 15%) и продолжил ужесточение денежно-кредитной политики.

Наличие бюджетного политического цикла, связанного с провоцированием шоков фискальной политики перед выборами (резкое повышение госрасходов, снижение налоговой нагрузки), отмечается в Индонезии [Rizqiyati, Setiawan, 2021], Чили [Corvalan, Cox, Osorio, 2018], Италии [Repetto, 2018] и ряде других стран. Причём наиболее «уязвимыми» оказываются неустоявшиеся демократии со слабыми институтами³⁶ [Shmuel, 2020]. Корреляция между политическими циклами и структурой бюджета прослеживается и на данных стран ОЭСР [Potrafke, 2020]. Важно, однако, подчеркнуть, что вклад политических деловых циклов в отклонения от оптимальной политики в развитых странах ограничен, что усложняет его оценку.

Политический популизм, способствующий деградации институциональной рамки, также увеличивает риск манипуляции экономикой, в том числе и вне электорального цикла [Gavin, Manger, 2023]. Так, в Польше после победы правоконсервативной партии «Право и справедливость» на выборах в 2015 г. были запущены масштабные программы социальной поддержки, способствующие росту политических рейтингов ценой снижения долгосрочной устойчивости бюджета [Wysocki, Wójcik, Freytag, 2022]. Из-за консолидации оппозиционных сил и ряда непопулярных политических решений³⁷ «Право и справедливость» потеряла власть после парламентских выборов 2023 г.

Выводы

Политический и экономический популизм — явления близкие, но отнюдь не тождественные. Первый представляет собой стратегию политической борьбы, направленную на консолидацию протестного электората против элит. Второй — экономическую политику, нацеленную на краткосрочный рост лояльности избирателей, но игнорирующую средние и долгосрочные риски. Такая политика не подразумевает структурную трансформацию экономики в интересах беднейших слоёв населения — и в этом смысле она идейно близка с политическим популизмом, способствующим народному представительству только на ранних этапах демократизации.

³⁵ В 2021 г. турецкий ВВП вырос на 11,4%, а в 2022 г. — на 5,6% (Шибанов О. Макроэкономический эксперимент: о чем говорят приключения ставки турецкого ЦБ. Forbes. <https://www.forbes.ru/mneniya/491676-makroekonomiceskij-eksperiment-o-chem-govorot-priklucenia-stavki-tureckogo-cb> (дата обращения: 20.02.2024)).

³⁶ В автократиях политики обладают более широким набором инструментов по манипулированию общественным мнением, включая монополию в информационном пространстве, а потому менее заинтересованы во вмешательстве в экономику. В либеральных демократиях экономическому популизму препятствуют независимые ЦБ, антимонопольное ведомство, суд, СМИ, снижающие асимметрию информации для избирателей. Защиту от бюджетного политического цикла обеспечивают также строгие бюджетные правила [Gootjes, de Haan, Jong-A-Pin, 2021].

³⁷ Продиктованный идеологией запрет аборт, вызвавший массовые протесты в крупных городах.

Чтобы подчеркнуть краткосрочную ориентацию экономического популизма, мы предлагаем оценивать такую политику по наличию фактов через провоцирование правительством экономических шоков, ведущих к отклонению экономических переменных от своего тренда. Причём характер этих шоков напрямую зависит от функции полезности избирателей. Как правило, более популярными оказываются меры «левой» экономической политики, направленные на снижение безработицы и рост реальных доходов населения. Однако в некоторых случаях предпочтение отдаётся «правой» антиинфляционной политике («неопопулизм» в Латинской Америке).

Наиболее уязвимы перед экономическим популизмом страны с неустоявшейся демократией, где у правительства есть желание вмешательства в экономику с целью переизбрания, а институты, сдерживающие такое желание, развиты слабо. Политические популисты также имеют более высокую склонность к использованию мер экономического популизма. Тем не менее в ряде случаев они отдают предпочтение умеренной экономической программе и ориентируются на вопросы культуры и идентичности (часть европейских правых).

Более того, экономический популизм может использоваться мейнстримными партиями для предотвращения популистской реакции населения. Меры, направленные на поддержку бедных слоёв, могли бы препятствовать радикализации электората в годы финансовых кризисов и приходу к власти сил, склонных к разрушению системы сдержек и противовесов (Польша и Венгрия) и принятию рискованных политических решений (Брексит в Великобритании).

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Байме фон К. (2019). Правый популизм в постдемократии: эрозия партий, подъем экспертов и СМИ. «Разъяренные граждане» [Klaus von B. (2019). Right-wing populism in post-democracy: the erosion of parties, the rise of experts and mass media. "Angry citizens"] // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. С. 23–53.
- Варенцова О.В. (2014). Три волны популизма в Латинской Америке [Varentsova O.V. (2014) Three waves of populism in Latin America] // *Вестник МГИМО Университета*. С. 153–160. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-6-39-153-160.
- Гарр Т.Р. (2005). Почему люди бунтуют [Gurr T.R. (2005). Why do people rebel]. — СПб.: Питер.
- Мадьяр Б., Мадлович Б. (2022). Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура. В 2-х т. [Madyar B., Madlovich B. (2022). Post-communist regimes. Conceptual structure. Volume 1 and 2] / пер. с англ. Ю. Игнатьевой под ред. А. Решетникова. — М.: Новое литературное обозрение.
- Мау В., Синельников-Мурылев С., Трофимов Г. (1996). Экономико-политический цикл и экономический популизм в посткоммунистической России [Maui V., Sinelnikov-Murylev S., Trofimov G. (1996). The economic and political cycle and economic populism in post-communist Russia] // Мау В., Синельников-Мурылев С., Трофимов Г. *Макроэкономическая стабилизация, тенденции и альтернативы экономической политики России*. Научные труды. №1Р. — М.: Институт экономических проблем переходного периода. С. 44–84.
- Миллер А.И. (2008). Дебаты о нации в современной России [Miller A.I. (2008). The debate about the nation in modern Russia] // *Политическая наука*. №1. С. 7–30.
- Мюллер Я.-В. (2018). Что такое популизм? [Müller J.-W. (2018). What is populism?] / пер. с англ. А. Архиповой; под науч. ред. А. Смирнова. — М.: ИД Высшей школы экономики.
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества [North D., Wallis J.J., Weingast B.R. (2011). Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. — М.: Издательство Института Гайдара.
- Осколков П.В., Тэвдой-Бурмули А.И. (2018). Европейский правый популизм и национализм: к вопросу о соотношении функционала [Oskolkov P.V., Tavdoy-Burmuli A.I. (2018). European right-wing populism and nationalism: on the question of the functional relationship] // *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. С. 22–36. DOI: 10.17072/2218-1067-2018-3-19-33.
- Патцельт В.Й. (2018). Популизм — что с ним делать [Patzelt V.Y. (2018). Populism — what to do with it] // *Популизм как общий вызов* / Отв. ред. К. Кроуфорд, Б. И. Макаренко, Н. В. Петров. — М.: Политическая энциклопедия. С. 16–26.

- Срничек Н. (2019). *Капитализм платформ* [Srnicsek N. (2019). Platform Capitalism] / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой. — М.: ИД: НИУ ВШЭ.
- Штрик В. (2019). Купленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма. Цикл лекций в рамках Франкфуртских чтений памяти Адорно [Streeck W. (2019). Buying Time. The Delayed Crisis of Democratic Capitalism] // *Экономическая социология*. Т. 20. № 2. С. 86–103. DOI: 10.17323/1726-3247-2019-2-86-103.
- Acemoglu D., De Feo G., De Luca G., Russo G. (2022). War, Socialism and the Rise of Fascism: An Empirical Exploration // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 137. No. 2. Pp. 1233-1296. DOI: 10.1093/QJE/QJAC001.
- Acemoglu D., Egorov G., Sonin K.³⁸ (2013). A Political Theory of Populism // *Quarterly Journal of Economics*. No. 128(2). Pp. 771–805. DOI: org/10.2139/ssrn.1910241.
- Acemoglu D., Johnson S. (2023). *Power and Progress: Our Thousand-Year Struggle Over Technology and Prosperity*. — London: Hachette UK.
- Acemoglu D., Robinson J. (2019). *The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty*. — London: Penguin.
- Agnantopoulos, A., Lambiri, D. (2015). Variegated capitalism, the Greek crisis and SYRIZA's counter-neoliberalisation challenge // *Geoforum*. Pp. 5–8. DOI: 10.1016/j.geoforum.2015.05.008.
- Albertazzi D., McDonnell D. (2015). *Populists in Power*. — Oxfordshire: Routledge.
- Algan Y., Guriev S.³⁹, Papaioannou E., Passari E. (2017). The European Trust Crisis and the Rise of Populism // *Brookings Papers on Economic Activity*. Pp. 309–400. DOI: 10.1353/ECA.2017.0015.
- Alesina A. (1987). Macroeconomic policy in a two-party system as a repeated game // *Quarterly Journal of Economics*. Pp. 651–678. DOI: 10.2307/1884222.
- Anelli M., Colantone I., Stanig P. (2019). We Were the Robots: Automation and Voting Behavior in Western Europe // *BAFFI CAREFIN Centre Research Paper*. DOI: 10.2139/ssrn.3427624.
- Armony A. (2005). Populism and neo-populism in Latin America // *Université du Québec à Montréal*. Pp. 223–248. DOI: 10.1017/S0022216X98005033.
- Autor D.H., David D., Gordon H. H., Majlesi K. (2017). A Note on the Effect of Rising Trade Exposure on the 2016 Presidential Elections // Appendix to *Importing Political Polarization*. Pp. 3139–3183. https://mpira.ub.uni-muenchen.de/112889/1/MPRA_paper_112863.pdf.
- Aytaç S.E. (2020). Economic voting during the AKP era in Turkey // *The Oxford Handbook of Turkish politics*. Pp. 319–340. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190064891.013.6.
- Bernatt M. (2022). *Populism and Antitrust: The Illiberal Influence of Populist Government on the Competition Law System*. — Cambridge (UK): Cambridge University Press.
- Campante F.R., Durante R., Sobbrío F. (2017). Politics 2.0: The Multifaceted Effect of Broadband Internet on Political Participation // *Journal of the European Economic Association*. Vol. 16. No 4. Pp. 1094–1136. DOI: 10.1093/jeea/jvx044.
- Colantone I., Stanig P. (2017). The Trade Origins of Economic Nationalism: Import Competition and Voting Behavior in Western Europe // *SSRN Electronic Journal*. No. 49. Pp. 936-953. DOI: 10.2139/ssrn.2904105.
- Corvalan A., Cox P., Osorio R. (2018). Indirect political budget cycles: Evidence from Chilean municipalities // *Journal of Development Economics*. Vol. 133(C). Pp. 1–14. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2018.01.001.
- De la Torre C. (2017). Populism and democracy: lessons from Latin America // *Seton Hall Journal of Diplomacy and International Relations; South Orange* Vol. 18. No. 2. Pp 33–46.
- Drazen A. (2000). The political business cycle after 25 years // *NBER macroeconomics annual*. Pp. 75–117. DOI: 10.1086/654407.
- Dornbusch, R., Edwards, S. (1990). Macroeconomic populism // *Journal of Development Economics*. Vol. 32. No. 2. Pp. 247–277. DOI: 10.1016/0304-3878(90)90038-d.
- Dustmann C., Vasiljeva K., Piil A. (2016). Refugee Migration and Electoral Outcomes // *CReAM Discussion Paper Series*. DOI: 10.1093/RESTUD/RDY047.
- Fetzer T. (2023). Contribution to the workshop «Beyond Neoliberalism and Neo-illiberalism: Economic Policies and Performance for Sustainable Democracy» at the New School. <https://www.trfetzer.com/2023/08/04/contribution-to-the-workshop-beyond-neoliberalism-and-neo-illiberalism-economic-policies-and-performance-for-sustainable-democracy-at-the-new-school/> (access date: 20.02.2024).
- Fiorina M.P. (1978). Economic Retrospective Voting in American National Elections: A Micro-Analysis // *American Journal of Political Science*. Vol. 22 No. 2. Pp. 426–443.
- Frankel J. (2010). Monetary Policy in Emerging Market Countries in Emerging Market Countries // *Handbook of Monetary Economics* / B. Friedman and M. Woodford (eds). — Amsterdam, Oxford: North-Holland Publishing Company and American Elsevier Publishing Company. Pp. 205–245.
- Franco W., Witko C. (2017). *The New Economic Populism: How States Respond to Economic Inequality*. — Oxford (UK): Oxford University Press.

³⁸ * Сонин К.И. включён Минюстом РФ в список иностранных агентов.

³⁹ * Гурьев С. включён Минюстом РФ в список иностранных агентов.

- Frey C. B., Berger T., Chen C. (2018). Political machinery: did robots swing the 2016 US presidential election? // *Oxford Review of Economic Policy*. Vol.34. No.3. Pp. 418-442. DOI: 10.1093/oxrep/gry007.
- Funke M., Schularick M., Trebesch C. (2016). Going to extremes: Politics after financial crises, 1870–2014 // *European Economic Review*. Vol. 88(C). Pp. 227–260. DOI: 10.2139/ssrn.2688897.
- Funke M., Schularick M., Trebesch C. (2023). Populist Leaders and the Economy // *American Economic Review*. No. 12. Pp. 3249–3288. DOI: 10.1257/aer.20202045.
- Gavin M., Manger M. (2023). Populism and De Facto Central Bank Independence // *Comparative Political Studies*. Vol. 56. No. 8. Pp. 1189–1223. DOI:10.1177/00104140221139513.
- Gennaioli N., Tabellini G. (2019). Identity, Beliefs, and Political Conflict // *CESifo Working Paper*. No. 7707. Pp. 2371–2411.
- Gootjes B., de Haan J., Jong-A-Pin R. (2021). Do fiscal rules constrain political budget cycles? // *Public Choice*. Vol. 188. Pp. 1–30. DOI: 10.1007/s11127-020-00797-3.
- Guiso L., Herrera H., Sonno T. (2017). Populism: Demand and Supply // *Bankpedia review*. Vol. 7. No. 1–2. Pp. 1–61. https://www.researchgate.net/publication/325472986_DEMAND_AND_SUPPLY_OF_POPULISM#fullTextFileContent (access date: 20.02.2024).
- Guriev S.*, Treisman D. (2017). The Popularity of Authoritarian Leaders: A Cross-National Investigation // *World Politics*. Vol. 72. No. 4. Pp. 601–638. DOI: 10.2139/ssrn.2882915.
- Guriev S.*, Papaioannou, E. (2022). The political economy of populism // *Journal of Economic Literature*. Vol. 60. No. 3. Pp. 753–832. DOI: 10.1257/jel.20201595.
- Hameed M.M. (2022). Hybrid regimes: An Overview // *IPRI Journal*. Vol. XXII. No. 1. Pp. 1–23. DOI: 10.31945/iprij.220101.
- Hassan T.A., Hollander S., Van Lent L., Tahoun A. (2020). The global impact of Brexit uncertainty // *National Bureau of Economic Research*. Working Paper 26609. DOI: 10.3386/w26609.
- Hibbs D. (1977). Political parties and macroeconomic policy // *American Political Science Review*. Vol. 71. No. 4. Pp. 1467–1487. DOI: 10.2307/1961490.
- Horowitz J. (2012) Populism and its legacies in Argentina // *Populism in Latin America* / Ed. by M.L. Conniff. Tuscaloosa (US): University Alabama Press. Pp. 23–48.
- Inglehart R. (1997). *Modernization and Postmodernization*. — Princeton (NJ, USA): Princeton University Press.
- Khemani S., Wane W. (2008). Populist Fiscal Policy // *World Bank Policy Research Working Paper*. No. WPS 4762. — Washington, D.C.: World Bank Group. <http://documents.worldbank.org/curated/en/633551468136199999/Populist-fiscal-policy>.
- Knight A. (1998). Populism and Neo-populism in Latin America, especially Mexico // *Journal of Latin American Studies*. Vol. 30. No. 2. Pp. 223–248.
- Lipset S., Rokkan S. (1967). Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignment // *Party systems and voter alignments: Cross-national perspectives* / S. Lipset, S. Rokkan (eds.) — New York: Free Press. Pp. 3–64.
- Laclau E. (2005). *On populist reason*. — London, New York: Verso.
- Mayda A.M., Peri G. (2017). The Economic Impact of US Immigration Policies in the Age of Trump // *Economics and Policy in the Age of Trump*. / C.P. Brown (Ed.). — London: CEPR Press. <https://voxeu.org/pages/contact-us>.
- Maya M.L. (2016). La crisis venezolana y el futuro del chavismo // *Foreign affairs: Latinoamérica*. Vol. 16. No. 3. Pp. 28–35.
- Mankiw N. G. (2013). *Macroeconomics fifth edition*. — New York: Worth Publishers.
- Mudde C., Kaltwasser C. R. (2011). *Voices of the peoples: Populism in Europe and Latin America compared*. — South Bend, Indiana: Helen Kellogg Institute for International Studies.
- Mudde C. (2007). *Populist Radical Right Parties in Europe*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Mudde C. Kaltwasser C.R. (2017). *Populism: A Very Short Introduction*. — Oxford (UK): Oxford University Press.
- Murrell P. (1993) What is Shock Therapy? What Did it Do in Poland and Russia? // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 9. No. 2. Pp. 111–140. DOI: 10.1080/1060586X.1993.10641362.
- Norris P., Inglehart R. (2019). *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. —Cambridge (MA, USA): Cambridge University Press.
- Pinheiro-Machado R. (2023). Why and How Precarious Workers Support Neo-Illiberalism // *Beyond Neoliberalism and Neo-illiberalism: Economic Policies and Performance for Sustainable Democracy*. Pp. 41-61. https://www.academia.edu/105008856/Why_and_how_precarious_workers_support_neo_illiberalism_IN_Report_on_Neoliberalism_and_Neo_illiberalism_July
- Piketty T. (2022). *A Brief History of Equality*. — Harvard: Belknap Press.
- Potrafke N. (2020). General or central government? Empirical evidence on political cycles in budget composition using new data for OECD countries // *European Journal of Political Economy*. Vol. 63. No. 1. P. 101860. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2020.101860.
- Repetto L. (2018). Political budget cycles with informed voters: evidence from Italy // *The Economic Journal*. Vol. 128. Issue 616. Pp. 3320–3353. DOI: 10.1111/eoj.12570.
- Rizqiyati C., Setiawan D. (2021). Political Budget Cycle on The Regional Elections in Indonesia // *Jurnal Aset (Akuntansi Riset)*. Vol. 13 No. 1. Pp. 85–98. DOI: 10.17509/jaset.v13i1.33879.

- Rodrik D. (2018). Populism and the economics of globalization // *Journal of International Business Policy*. Vol. 1. No. 1. Pp. 12–33. DOI: 10.1057/s42214-018-0001-4.
- Rodrik D. (2019). Is Populism Necessarily Bad Economics? // *AEA Papers and Proceedings*. Vol. 108. Pp. 196–199. DOI: 10.1257/pandp.20181122.
- Rodrik D. (2023). On productivism // *HKS Faculty Research Working Paper Series*. DOI: 10.2139/ssrn.4404241.
- Rogoff K., Sibert A. (1988). Elections and macroeconomic policy cycles // *Review of Economic Studies*. Vol. 55. Issue 1. Pp. 1–16. DOI: 10.2307/2297526.
- Rooduijn M., Pirro Andrea L.P., Halikiopoulou D., Froio C., Kessel S., De Lange S., Mudde C., Taggart P. (2023). The PopuList: A Database of Populist, Far-Left, and Far-Right Parties Using Expert-Informed Qualitative Comparative Classification (EiQCC) // *British Journal of Political Science*. No.1. Pp. 1–10. DOI: 10.1017/S0007123423000431.
- Sawyer P.S., Moore A. (2021). Populism on the American Left: How Populist is the Sanders Electorate? // *The Interdisciplinary Journal of Populism*. Issue 2. Pp. 7–31.
- Shmuel A. (2020). The political budget cycle across varying degrees of democracy // *Electoral Studies*. Vol. 68. No. 3. DOI: 10.1016/j.electstud.2020.102218.
- Sturzenegger F.A. (1991). Description of a populist experience: Argentina, 1973–1976 // *The macroeconomics of populism in Latin America* / R. Dornbusch & S. Edwards (Eds.) — Chicago: University of Chicago Press. Pp. 77–120.
- Urbainati N. (2014). *Democracy Disfigured: Opinion, Truth and the People*. — Cambridge (MA, USA): Harvard University Press. Pp. 131–145.
- Wysocki M., Wójcik C., Freytag A. (2022). Populists and Fiscal Policy: The Case of Poland // *CESifo Working Paper*, 10146. DOI: 10.2139/ssrn.4309197.

Глеб Сергеевич Беляков

beljkoffgleb@mail.ru

Gleb Belyakov

graduate student of the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University

beljkoffgleb@mail.ru

THE POLITICAL AND ECONOMIC THEORY OF POPULISM

Abstract. The paper presents a cross-disciplinary theory of populism. The first part of the article considers a definition of populism, the main electorate of populist forces, and the economic triggers of protest votes for populist parties. The second part deals with the different types of political populism, the reasons for their actualization in the 21st century, and the institutional consequences of populist power. The demand for populism comes from fragmented social groups that lost out in the social transformations following the neoliberal revolution of the 1970s and experienced the negative shocks of globalization. The protest electorate is organized around charismatic leaders who find ‘scapegoats’ in the form of traditional elites, migrants, or minorities and claim to speak for the «nation». Populism can contribute to democratization in its early stages. However, once in power, populists tend to undermine the system of checks and balances, leading to a decline in the quality of institutions and a slowdown in economic growth. The third part of the paper assesses the impact of economic populism. It is concluded that the definitional approaches used in academic literature do not meet the requirement of universality and do not imply a sufficient level of operationalization necessary for empirical research. An alternative approach is proposed that develops the «classical» definition of R. Dornbusch and S. Edwards: economic policy aimed at provoking economic shocks in order to increase the political ratings of the authorities and downplaying socio-economic risks. This approach enables economic populism to transcend the ideological framework of «right-left» economic policy, separate it from the economic policy of political populists, and evaluate the populist policies of mainstream parties. The theory of economic populism converges with the theory of political business cycles, but is not limited to elections and focuses on assessing demand rather than supply.

Keywords: *populism, economic populism, right-wing and left-wing populism, institutions, democracy, protest voting, economic triggers, economic shocks.*

JEL: E02, P16.

В.Л. Тамбовцев

д.э.н., профессор, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова (Москва)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭКОНОМИКИ: КАЧЕСТВЕННЫЕ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МЕТОДЫ

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу двух альтернативных подходов к изучению экономических институтов — методологиям качественных и количественных исследований. Анализ первой показывает, что задача исследования — выявление тех смыслов, которые люди придают своим действиям, в то время как задачей второй выступает выявление закономерностей связей институтов и различных сторон поведения. Институциональный анализ, проводимый на основе качественной методологии, основывается на неясных определениях институтов, лишённых операциональности, тогда как количественные исследования институтов опираются на строгие операциональные определения. В статье приводится порядок процедур как качественных, так и количественных исследований институтов, первый из которых предполагает получение данных преимущественно путём опроса информаторов, а второй — преимущественно посредством наблюдения за поведением. Соответственно, результатом проведения качественного исследования оказывается мѣтис — локальное опытное знание, которым обладают члены некоторого сообщества, тогда как результатом количественного исследования — обобщѐнное знание закономерностей, выражаемое подтверждёнными гипотезами. Полученные результаты сопоставления могут служить информацией для выбора исследователями методологии изучения экономических институтов.

Ключевые слова: качественные исследования, количественные исследования, смешанные методы, толстое понятие, операциональное определение, институциональный анализ, мѣтис.

JEL: B40, B50, C80

УДК: 303.01, 303.04, 330.101

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_45_55

© В.Л. Тамбовцев, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тамбовцев В.Л. Институциональный анализ экономики: качественные и количественные исследования и методы // Вопросы теоретической экономики. 2024. №2. С. 45–55. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_45_55.

FOR CITATION: Tambovtsev V. Institutional analysis of economy: qualitative and quantitative research and methods // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 2. Pp. 45–55. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_45_55.

Введение

В последние десятилетия институциональный анализ экономических процессов, явлений и систем получил широкое распространение. Однако не факт, что практик, увидев заголовок статьи, включающий интересующие его вопросы, сможет найти там те ответы, которые касаются важных для него проблем, предлагая реализуемые и действенные решения. Речь не о том, что не все публикуемые статьи имеют высокое качество, а о том, что они направлены на решение *разных* типов задач, поскольку могут относиться к несопадающим направлениям исследований, бытующим в социально-экономических науках.

Направленность исследований можно характеризовать по разным признакам, однако с точки зрения обобщѐнности их результатов и широты возможностей практиче-

ского применения наиболее значимым является разграничение *качественных* и *количественных* исследований. Понятия качественного и количественного используются, разумеется, не только по отношению к направлениям научных исследований, но и ко многим другим феноменам. В рамках обсуждаемой темы другое применение терминов — это качественные и количественные *методы* исследований. Эти понятия часто не отличают от качественных и количественных *исследований*, что приводит к некорректным высказываниям в дискуссиях.

Отмеченные моменты определяют задачи и структуру статьи. Её цель — выявить и обосновать значимость различий между качественными и количественными исследованиями, в первую очередь применительно к институциональному анализу в экономике. В следующем разделе будут представлены результаты такого сопоставления, далее — различия исследовательских методологий изучения институтов, опирающихся на методологии качественных и количественных исследований в социальных науках, а в заключительном разделе сформулированы основные выводы из проведённого сопоставления.

Качественные и количественные исследования: различия целей и задач

Концепция *качественных исследований* является результатом усилий большого числа философов — методологов социальных наук, нацеленных на обоснование того, что тот способ изучения общества, который фактически реализуется в большинстве книг и статей и разительно отличается от способов изучения природы, единственно адекватен в силу принципиальных различий объектов общественных и естественных наук (см., например, [Kaplan, 1964; Diesing, 1971])¹. В основу этого подхода были положены такие концепции, как символический интеракционизм [Becker, Geer, Hughes, Strauss, 1961], обоснованная теория (grounded theory, или «восхождение к теории») [Glaser, Strauss, 1967], этнометодология [Garfinkel, 1967] и триангуляция [Campbell, Fiske, 1959].

Как было подчеркнуто в [Newman, Ridenour, 1998. P. 2], «дебаты между сторонниками количественных и качественных исследований основаны на предположениях о том, чем является реальность и является ли она измеримой».

Философия качественного исследования исходит из тезиса, что реальность является социальной конструкцией, а само исследование должно обеспечить понимание того, почему люди ведут себя определённым образом, исходя из их собственных объяснений своих поступков. Философия количественного исследования иная: реальность существует объективно, и её анализ нацелен на проверку гипотез и теорий, которые логически вытекают из наблюдений на основе дедуктивных или индуктивных рассуждений. В этом количественные исследования близки к логике естественных наук, где разделяются те же цели анализа и философские предположения.

Очерченная вкратце философия качественных исследований, сформулированная в середине прошлого века, не претерпевает каких-либо ощутимых изменений и в наши дни. Так, в [Yilmaz, 2013. P. 312] качественное исследование характеризуется как «эмерджентный, индуктивный, интерпретативный и натуралистический [naturalistic] подход к изучению людей, случаев, феноменов, социальных ситуаций и процессов в их естественном положении [natural settings] для того, чтобы выявить термины, в которых описываются смыслы, применяемые [attach] людьми в своём переживании мира [experiences of the world]». Соответственно, количественная «альтернатива» — это «исследование, которое объясняет

¹ Применительно к экономической науке как части социальных наук эта концепция была описана в [Wilber, Harrison, 1978].

феномен в соответствии с числовыми данными, которые анализируются математическими, преимущественно статистическими методами» [Ibid. P. 311].

Итак, если количественные исследования нацелены на «сухую», «физикалистскую» цель проверки гипотез и выявления закономерностей, то качественные — на «возвышенный» поиск смыслов, которые люди обнаруживают в своих собственных действиях. Однако эта трактовка качественных исследований не решает для их сторонников такую важную для ученых проблему, как строгость получаемых результатов, далеко не всегда обеспечиваемую: «Исследователи давно спорят о том, как можно добиться строгости в качественном анализе» [Grodal, Anteby, Holm, 2021. P. 591]. По мнению авторов этого наблюдения, повысить строгость можно усилением внимания к корректной *категоризации* получаемых эмпирических данных, в первую очередь за счёт изучения опыта предшествующих качественных исследований.

Однако нельзя не обратить внимание и на то, что категоризация является не чем иным, как *номинальным измерением* [Stevens, 1946; Suppes, Zinnes, 1963]. Точнее говоря, категоризация действительно станет таким измерением, если будет осуществляться через разработку *операциональных* определений формируемых категорий. Напомню, что операциональными принято называть такие определения, которые обеспечивают возможность чётко идентифицировать содержание определяемого понятия, прежде всего путём указания на те операции, которые необходимо для этого совершить [Lundberg, 1942; Boring, 1945]. Значимость таких определений для повышения качества категоризации обусловлена тем, что без них при номинальном измерении вполне возможны *ошибки категоризации*, заключающиеся в отнесении измеряемого объекта не к тому значению шкалы [Anderson, 1991]. К сожалению, формулирование операциональных определений в значительной части социальных наук — весьма редкое явление. Интерес к тематике строгих определений имел место до возникновения концепции качественных исследований (см., например, [Stevens, 1935; Lundberg, 1942]), хотя уже в то время (применительно к социологии) было отмечено, что «способность произносить бессмыслицы, похоже, является особенно преобладающей в интеллектуальных кругах» [Alpert, 1938. P. 855]. Тем не менее до отмеченного выше момента этот интерес не утихал [Adler, 1947; Adler, 1950; Dahlström, 1951], однако в наше время стало возможным говорить о скором исчезновении строгих понятий в основном направлении (мейнстриме) социологии [Swedberg, 2017]².

Важная характеристика качественных исследований — устойчивое подчёркивание их сторонниками значительных трудностей или даже невозможности выявлять регулярности или закономерности в социальных системах в силу их сложности и неизмеримости большого числа их свойств [Bryman, 1984; Tobin, Begley, 2004]. Как подчеркнуто в [Lanka E., Lanka S., Rostron, Singh, 2021. P. 3]: «Качественное исследование стремится быть построенным на эпистемологической предпосылке, что психологические и социальные феномены по своей сути [inherently] сложны и переплетены до такой степени, что разделить их на измеримые переменные невозможно, в лучшем случае чрезвычайно сложно». Думается, что такая убеждённость в значительной мере основана на плохом знакомстве авторов с эмпирическими исследованиями в сфере познавательных способностей как животных, так и людей. Ещё около двух десятилетий назад было установлено, что мозг человека и его «братьев меньших» эволюционно устроен так, что независимо от нашей воли и сознания постоянно ищет (и находит! — правда, в том числе и ошибочно) регулярности в характеристиках воспринимаемых нашими органами чувств объектов, событий, процессов и т.п. [Turk-Browne, Junge, Scholl, 2005; Zhao, Al-Aidroos, Turk-Browne, 2013; Summerfield, de Lange,

² Справедливости ради нельзя не отметить, что в *психологии* интерес к разработке чёткого понятийного аппарата после появления концепции качественных исследований не утихал [Skinner, 1984; Rosenwald, 1986; Feest, 2005; Slife, Wright, Yanchar, 2016; Hibberd, 2019]. Более того, было выделено пять десятков понятий психологии и психиатрии, не рекомендованных к использованию [Lilienfeld et al., 2015].

2014]. Другими словами, то, что объявляется «невозможным, в лучшем случае чрезвычайно сложным», в реальности автоматически и «эволюционно бессознательно» [Bargh, Huang, 2014] осуществляется нашим мозгом. Почему такие действия полагаются невозможными для социальных исследователей — остаётся только гадать.

Какие же знания об окружающем нас социальном мире дают возможность выявить качественные исследования, проводимые в чётком соответствии с разработанной для этого методологией? Поскольку их основной результат — те смыслы, которые люди придают совершаемым действиям в различных ситуациях, то совокупность получаемых знаний достаточно точно можно охарактеризовать как *мётис* (metis). Этим термином в [Scott, 1998. P. 174] охарактеризованы практические знания, порождаемые опытом решения различных задач и адаптируемые к изменениям тех ситуаций, в которых эти задачи возникают и решаются. Другими словами, это *локальное прикладное* знание, нацеленное на преодоление проблем, с которыми люди сталкиваются в своей жизни³. *Обобщение* таких знаний, т.е. выход за пределы конкретной ситуации и формирование *теоретической модели*, связывающей значимые факторы, принимаемые решения и их последствия, методологи качественных исследований считают, как было отмечено выше, сложной или вообще нерешаемой задачей для «качественных исследователей». И действительно, ведь именно *количественные* исследования позволяют строить проверяемые и адаптирующиеся теории, т.е. обобщённые модели объектов, связи их свойств и изменений, в том числе динамические, и т.п. Тем самым, получение в рамках качественных исследований таких знаний, которые могли бы стать полезными для индивидов, действующих *вне* изученной местности или конкретной организации, означало бы «нарушение границ» качественных исследований и переход на «недружественную территорию» естественных наук.

Преодоление подобных трудностей, созданных философской методологией качественных исследований, может стать результатом использования так называемых «смешанных методов» (mixed methods), представляющих сочетание в одном исследовании некоторого объекта способов его изучения, использующих как качественные, так и количественные (числовые) данные [Greene, Caracelli, Graham, 1989; Johnson, Onwuegbuzie, 2004; Johnson, Onwuegbuzie, Turner, 2007]. Важно, однако, подчеркнуть, что характер получаемых в результате знаний зависит не столько от применяемых данных и методов их обработки, сколько от *целей исследования*: являются ли ими смыслы, которые индивиды приписывают своим действиям, либо закономерности и/или регулярности происходящих процессов и явлений (событий). Замечу также, что само выделение смешанных методов как отдельного методического подхода присуще именно качественным исследованиям, поскольку для количественных исследований соединение качественных и количественных методов является общим местом. Ведь перед представлением математической модели и результатов её анализа обычно всегда дается качественное, словесное описание изучаемого объекта, его свойств и т.п. Формулирование и обсуждение качественных выводов — также типичная заключительная фаза анализа. Поэтому встречающиеся суждения о том, различие между качественными и количественными исследованиями проблематично (см., например, [Allwood, 2012]) затруднительно считать корректными: дело не в методах, а в целях, которые ставятся перед действиями по изучению объектов.

³ Нельзя не отметить, что методы исследования, производящего *мётис*, могут быть полезными для проведения *социальной работы* [Padgett, 1998], которая, как известно, является работой с конкретными людьми в конкретных ситуациях.

Исследовательские методологии институционального анализа

В последние два-три десятилетия институциональный анализ в экономике осуществляется в рамках около десяти исследовательских программ, которые, несмотря на различия в самоназваниях, являются вариантами двух основных подходов к изучению институтов — оригинальной (или старой) институциональной экономической теории (ОИЭТ) и новой институциональной экономической теории (НИЭТ) [Тамбовцев, 2021a]. Методологические основания этих подходов таковы, что говорить о возможностях их интеграции в единую институциональную экономическую теорию не приходится [Тамбовцев, 2021b]. Поэтому полезно сразу подчеркнуть, что в этой статье институт трактуется в рамках понимания этого термина Д. Нортом, одним из создателей НИЭТ, как «множество ограничений поведения в форме правил и регуляций, множество процедур обнаружения отклонений... и, наконец, множество... норм, которые ограничивают способы, которыми правила и регуляции специфицируются и принуждаются к исполнению» [North, 1984. P. 8]. Другими словами, институты — это правила поведения в определённых условиях в единстве с механизмами принуждения к их исполнению.

Альтернативные трактовки, которые даются в рамках ОИЭТ, многообразны, поэтому приведу три: 1) «Институты — слово, которое эволюционные (институциональные) экономисты используют для обозначения регулярного, запрограммированного поведения людей в обществе, и ценностей, ассоциирующихся с этими регулярностями. Для определения институтов и отдельного института используются различные выражения: образ действий, который становится автоматической привычкой; коллективное действие для контроля за индивидуальным действием; широко распространённые, высоко стандартизированные социальные привычки; образ мысли и действия, запечатлённый в групповых привычках или обычаях; предписанные программы согласованного поведения» [Neale, 1994. P. 402]; 2) «...мы можем определить институты как системы установленных и преобладающих (prevalent) социальных правил, которые структурируют социальные взаимодействия» [Hodgson, 2006. P. 2]; 3) «...институты — это социальные структуры, которые достигли высокой степени жизнестойкости (resilience) и составлены из культурно-когнитивных, нормативных и регуляторных элементов, которые, вместе с ассоциированными действиями и ресурсами, обеспечивают стабильность и смысл социальной жизни» [Scott, 2008. P. 48]. Нетрудно убедиться, что установить по этим определениям однозначно, что в обществе и экономике является институтом, а что — нет, затруднительно, если вообще возможно.

Между тем, если для теоретических текстов такая расплывчатость не только приемлема, но и весьма удобна, так как позволяет сколь угодно долго рассуждать о чём-то, не формулируя ясно, о чём именно, то для эмпирических исследований требуется большая определённость, что обуславливает необходимость наличия процедуры идентификации института как объекта изучения. Такая процедура описана в уже цитированной статье У. Нила [Neale, 1994. Pp. 402–403] и предполагает следующие действия: а) наблюдение за поведением людей в различных ситуациях и выявление различных регулярностей (повторяемостей); б) характеристика обнаруженных регулярностей как следствий наличия правил, которые руководят действиями, т.е. фактически выдвижение гипотезы о существовании некоторого правила; в) беседы с людьми, в чьём поведении обнаружены повторяемости, для выявления их народных воззрений (folkviews), ценностей и убеждений, которыми они объясняют и/или оправдывают свои действия. Тем самым, «доказательством существования института является регулярность в действиях людей и их ответы на вопросы о том, что они делают» [Op. cit., P. 404].

Такой подход сталкивается, как минимум, с двумя проблемами. Во-первых, у информаторов могут быть основания для того, чтобы *скрывать* причины их действий, например, если, по их мнению, последние нарушают общепринятые в сообществе правила, либо

потому, что эти правила, согласно убеждениям членов сообщества, не подлежат раскрытию чужакам. Во-вторых, поведение может быть повторяемым не по социальным, а по естественным причинам: например, люди регулярно питаются, но говорить о существовании «института питания» вряд ли имеет смысл, хотя критерий существования института, сформулированный У. Нилом, при этом выполняется.

Иной подход к процедурам выявления институтов, отвечающий НИЭТ, был предложен в [Тамбовцев, 2020]. Речь в нём идёт о *неформальных* институтах, которые отличаются от формальных тем, что в них принуждение к исполнению правил реализуется не специализирующимися на этих действиях индивидами, получающими за свой труд заработную плату, а любым индивидом, считающим, что данному правилу нужно следовать. У неформальных институтов, кроме того, обычно отсутствуют тексты, в которых фиксируются входящие в них правила и механизмы их инфорсменты, в то время как у формальных институтов такие тексты обычно имеются. Поэтому исходная процедура идентификации неформальных институтов, как и в подходе У. Нила, — это наблюдение за поведением людей и выявление повторяемости в их действиях. Однако исследователю нужно обнаруживать не только регулярности, но то, что происходит с людьми, ведущими себя не так, как все, т.е. *отклоняющимися* от более распространённого типа поведения. Если такого рода несоответствия не вызывают никаких негативных реакций со стороны тех членов сообщества, которые его видят (от изменения выражения лица и критических взглядов до прямых замечаний в виде слов и жестов), то нестандартное поведение явно не оценивается окружающими как нарушение какого-то института, т.е. гипотетический институт, который обеспечивал бы более часто повторяющееся поведение большинства, не существует. Напротив, если «уклонисты» вызывают такие реакции, то мы явно имеем дело с некоторым неформальным институтом.

Следующий этап институционального анализа — выявление *структуры* обнаруженного института. Поскольку приведённое выше определение, сформулированное Д. Нормом, характеризуют два основных компонента — правило и механизм обеспечения его исполнения, то структура изучаемого института должна раскрывать их содержание. Тем самым, в неё включаются: а) формулировка правила в его логической форме «если находишься в ситуации А, делай Б»; б) описание того, кто является адресатом этого правила, т.е. кто именно должен делать Б; в) описание санкций, которыми наказываются нарушители.

После выявления (исходя из наблюдений) этих элементов, их корректность *может* быть проверена путём опроса потенциальных адресатов (информаторов). Такой опрос имеет смысл производить исключительно для экономии времени и усилий исследователя, т.е. он не является одним из необходимых его действий (в отличие от процедур, описываемых У. Нилом). Более того, не следует забывать о том, что ответы информаторов могут быть неточными и неправдивыми (см. выше).

Заключительный этап изучения выявленного института — это его экономический анализ, т.е. оценка затрат и выгод от следования ему как адресатов, так и гарантов, а также выявление экономических последствий самого существования и действия института. На этом этапе основой является также наблюдение, в то время как опрос может применяться для проверки правильности полученных выводов. Ведь и затраты, и выгоды вряд ли могут иметь фиксированную денежную оценку, они касаются преимущественно таких сторон жизни людей, как непосредственное получение/неполучение удовольствия, ожидание сохранения/несохранения сложившихся отношений с членами сообщества и т.п. Отмеченные моменты могут получить и косвенную денежную оценку со стороны исследователя, однако вряд ли такие оценки делают для себя адресаты/гаранты института.

Важной составной частью анализа выступает оценка *качества* выявленного института, т.е. уровня его легитимности [Тамбовцев, 2021d]. Следование тому или иному институту, в том числе неформальному, можно объяснить одной из двух причин: во-первых, стремлением максимизировать получаемое удовлетворение (удовольствие, полезность), а во-вторых, желанием

минимизировать ожидаемые издержки. В первом случае институт, которому решает следовать его адресат, оценивается им как качественный, как тот, который и должен существовать и действовать. Во втором случае адресат не считает институт качественным, но он существует, хотя, по мнению адресата, не должен существовать. В таких условиях, следуя нелегитимному институту, адресат принял своё решение, поскольку, сопоставив издержки от выполнения требований правила с издержками, которые он может получить, нарушив его, находит, что первые меньше вторых. Поэтому по *наблюдаемому* уровню исполнения требований некоторого института нельзя сделать корректного вывода о степени его легитимности, здесь необходимы опросы адресатов по специально разработанному опроснику, описанному нами [Там же].

Таким образом, очерченные различия между трактовками институтов в ОИЭТ и НИЭТ находят своё отражение и в методологиях их изучения. Нельзя не отметить, что приёмы качественного исследования институтов представлены в литературе достаточно широко (кроме приведённых выше работ см. также [Schneiberg and Clemens, 2006; George Mwangi, Bettencourt, 2017]). Кроме них, нельзя не упомянуть статью Д. Скарбека, где автор подверг критике «простое» определение институтов Д. Норта, утверждая, что оно препятствует изучению их качественных свойств: «Даже если мы смотрим на институты просто как на “правила игры”, это открывает широкий круг их возможных значимых атрибутов. Институты могут варьировать в разных отношениях, включая ранжирование от правового до неправового, от формального до неформального, от централизованного до децентрализованного, от гибкого до жёсткого, от постоянного до временного, от хрупкого до устойчивого и антихрупкого [antifragile]. Хорошее описание института должно часто быть многогранным и многомерным... Часто бывает невозможно аккуратно или точно измерить вариации этих свойств. Взятые вместе, эти вопросы свидетельствуют о сложности или невозможности свести толстые понятия⁴, подобные институту, к простым количественным мерам без утраты ключевой [сrucial] части их смысла» [Skarbek, 2020. P. 410].

В этих рассуждениях перепутаны два разных вопроса: об определении института и о его свойствах. Ведь продуктивное определение призвано решить одну задачу, а именно, позволить отделять институты от не-институтов. Если выявлен объект, соответствующий определению, это вовсе не означает, что одновременно *ipso facto* выявлены и все его свойства. Ведь последние могут значительно колебаться у разных элементов множества, которым является содержание понятия, причём у каких-то элементов некоторые свойства могут просто отсутствовать, а у других — иметься в наличии. В нашем случае «худоба» (thin) понятия институт, используемого в НИЭТ, в противовес «толстому понятию» (thick concept) института в ОИЭТ и социологии (и многих других социальных науках) никак не связаны с разнообразием свойств институтов, которые обнаруживаются при их изучении как в первой, так и в других исследовательских программах. Насколько разнообразным может быть измерение свойств «просто определённых» институтов ясно показано в [Тамбовцев, 2021с]. Поэтому приведённое выше утверждение Д. Скарбека о невозможности сведения «толстого понятия» института к простым количественным мерам без утраты его смысла просто неверно.

Что же касается обобщающего описания техники количественного институционального анализа, то в этой области публикаций практически нет, хотя работы по моделированию влияния институтов на различные стороны экономики, в особенности — экономический рост, представлены в весьма большом числе. С моей точки зрения, это обусловлено тем, что основой для соответствующих исследований выступают различные измерители национальных и региональных *совокупностей* экономических институтов⁵, позволяющие

⁴ О понятии «толстого понятия» см. [Eklund, 2011; Van der Weele, 2021].

⁵ Вопрос о том, измеряют ли эти индикаторы экономические институты или нечто иное, обсуждается в [Тамбовцев, 2021с].

проводить масштабное эконометрическое моделирование, в то время как для отдельных институтов такого рода индикаторов нет. Соответственно, если подобные измерения осуществляются, то оказываются результатом значительных усилий отдельных исследователей, как правило, не ставящих перед собой задачи разработки обобщающей методологии. Поскольку упомянутые интегральные индикаторы за достаточно длительные периоды времени легко доступны, в то время как проведение измерений для отдельных институтов требует значительных усилий, неравномерное распределение внимания исследователей между макро- и микроуровнем моделирования институтов вполне понятно. Для качественных исследований институтов ситуация прямо противоположная: на микроуровне они вполне осуществимы для отдельных исследователей, и даже макроэкономический качественный анализ не требует масштабных усилий по созданию каких-либо новых баз данных, но требуют чтения большого числа локальных качественных институциональных исследований для обобщения.

Выводы

Проведённый анализ и сопоставление методологий качественных и количественных исследований институтов в экономике показывает, что эти направления нельзя считать дополняющими или, тем более, заменяющими друг друга. Они различаются не столько методами, сколько целями их проведения и, как следствие, типами получаемых в результате знаний. При строгом следовании методологии качественных исследований будет производиться мѣтис (т.е. знание, отражающее практический опыт решения проблем участниками локальных сообществ), который вряд ли сможет найти применение за их пределами. Качественные исследования, также при строгом следовании их методологии, будут приносить обобщѣнное знание, отражающее проверенные (и подтверждённые) гипотезы о связанности или не связанности различных свойств объектов изучения. Такого вида знание может распространяться на связи других объектов, схожих с элементами тех выборок, на которых проверялись гипотезы. Разумеется, если различия объектов велики, обобщѣнное знание для своего применения может потребовать конкретизации и уточнения, но вряд ли радикального характера. Напротив, мѣтис в разных сообществах может различаться именно радикально.

Одна из черт различий качественных и количественных исследований — отношение их сторонников к строгости и операциональности используемых и вводимых понятий. В методологии качественных исследований неясность и расплывчатость понятий считается нормой, поскольку сложность изучаемых объектов, по их мнению, затрудняет или делает просто невозможным выявление регулярностей и закономерностей [Lanka E., Lanka S., Rostron, Singh, 2021]. Однако определение понятия и изучение его содержания — разные когнитивные процессы, практически не связанные друг с другом. Это означает, что «предпочтения неясности» имеют иные основания, чем сложность изучаемых социальных феноменов. Исследования процессов коммуникации с использованием естественного языка [Blume, Board, 2014; Beauchêne, Li J., Li M., 2019; Suzuki, 2023] показывают, что использование неясности (ambiguity или vagueness) может иметь намеренный стратегический характер, поскольку позволяет избегать конфликта. Действительно, в нашем случае появление публикации с неясными понятиями даёт основания её читателям писать и публиковать собственные статьи с комментариями и обсуждением, что повышает цитируемость прочитанной работы и тем самым в целом выгодно всей совокупности авторов в той институциональной среде науки, которая является преобладающей в последние десятилетия.

В количественных исследованиях преобладают строгие операциональные определения понятий, что обуславливается самими их аналитическими процедурами, прежде всего

стремлением измерять свойства изучаемых феноменов. Разумеется, неясность здесь также имеет место, особенно в рамках перехода от содержательных понятий к их модельному выражению, однако эта тематика выходит за рамки данной статьи и заслуживает специального исследования.

В целом же представленный анализ, демонстрирующий основные черты методологий качественных и количественных исследований, даёт исследователям, особенно начинающим, некоторую информацию, способную оказаться полезной для более обоснованного выбора того, какой из этих методологий следовать.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Тамбовцев В.Л. (2020). Методология эмпирического анализа неформальных институтов [Tambovtsev V.L. (2020). Methodology for empirical analysis of informal institutions] // *Journal of Institutional Studies*. Т. 12. № 3. С. 6–23. <http://dx.doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.3.086-099>
- Тамбовцев В.Л. (2021a). Институционализмы в экономической науке: что стоит за их разнообразием? [Tambovtsev V. L. (2021a). Institutionalisms in economics: What are behinds their variety?] // *Journal of Institutional Studies*. Т. 13. № 1. С. 20–36. <http://dx.doi.org/10.17835/2076-6297.2021.13.1.86-99>
- Тамбовцев В.Л. (2021b). Возможна ли единая институциональная экономическая теория? [Tambovtsev V.L. Is unified institutional economics possible?] // *Вопросы экономики*. № 1. С. 33–51. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-33-51>
- Тамбовцев В.Л. (2021c). Измерение институтов: что бы это значило? [Tambovtsev V.L. (2021c). Measuring institutions: What is behind this?] // *Журнал экономической теории*. Т. 18. № 2. С. 197–211. DOI: 10.31063/2073-6517/2021.18-2.3.
- Тамбовцев В.Л. (2021d). Качество институтов: проблемы определения и оценки [Tambovtsev V.L. The quality of institutions: Problems of definition and evaluation.] // *Вопросы экономики*. № 7. С. 49–67. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-7-49-67
- Adler F. (1947). Operational Definitions in Sociology // *American Journal of Sociology*. Vol. 52. No. 5. Pp. 438–444.
- Adler F. (1950). Quantitative Systems of Sociology // *Journal of the Arkansas Academy of Science*. Vol. 3. Is. 1. Pp. 85–92.
- Allwood C.M. (2012). The distinction between qualitative and quantitative research methods is problematic // *Quality & Quantity*. Vol. 46. No. 5. Pp. 1417–1429. DOI: 10.1007/s11135-011-9455-8.
- Alpert H. (1938). Operational Definitions in Sociology // *American Sociological Review*. Vol. 3. No. 6. Pp. 855–861.
- Anderson J.R. (1991). The adaptive nature of human categorization // *Psychological Review*. Vol. 98. No. 3. Pp. 409–429. DOI: 10.1037/0033-295X.98.3.409.
- Bargh J.A., Huang J.Y. (2014). The evolutionary unconscious: From 'selfish genes' to 'selfish goals' // *Sydney symposium of social psychology. Motivation and its regulation: The control within* / J.P. Forgas, E. Harmon-Jones (Eds.). — New York: Psychology Press. Pp. 35–54.
- Beauchêne D., Li J., Li M. (2019). Ambiguous persuasion // *Journal of Economic Theory*. Vol. 179. Pp. 312–365. DOI: 10.1016/j.jet.2018.10.008.
- Becker H.S., Geer B., Hughes E. & Strauss A.L. (1961). *Boys in White*. — New Brunswick: University of Chicago Press.
- Blume A., Board O. (2014). Intentional vagueness // *Erkenntnis*. Vol. 79. Pp. 855–899.
- Boring E.G. (1945). The use of operational definitions in science // *Psychological Review*. Vol. 52. No. 5. Pp. 243–245. <https://doi.org/10.1037/h0054934>
- Bryman A. (1984). The debate about quantitative and qualitative research: A question of method or epistemology? // *British Journal of Sociology*. Vol. 35. No. 1. Pp. 78–92. DOI: 10.2307/590553.
- Campbell T.T., Fiske D.W. (1959). Convergent and discriminant validation by the multivariate-multimethod matrix // *Psychological Bulletin*. Vol. 56. Is. 2. Pp. 81–105.
- Dahlström E. (1951). Some Aspects of Quantitative Verification in Sociology // *Theoria*. Vol. 17. Is. 1–3. Pp. 27–38.
- Diesing P. (1971). *Patterns of Discovery in the Social Sciences*. — New York: Routledge.
- Eklund M. (2011). What are Thick Concepts? // *Canadian Journal of Philosophy*. Vol. 41. No. 1. Pp. 25–49.
- Feest U. (2005). Operationism in psychology: What the debate is about, what the debate should be about // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. Vol. 41. No. 2. Pp. 131–149.
- Garfinkel H. (1967). *Studies in Ethnomethodology*. — Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- George Mwangi C.A., Bettencourt G. (2017). A Qualitative Toolkit for Institutional Research // *New Directions for Institutional Research*. Vol. 2017. Is. 174. Pp. 11–23.
- Glaser B.G., Strauss A. (1967). *The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research*. — New York, NY: De Gruyter.
- Greene J.C., Caracelli V.J., Graham W.F. (1989). Toward a conceptual framework for mixed-method evaluation designs // *Educational Evaluation and Policy Analysis*, Vol. 11. No. 3. Pp. 255–274. DOI: 10.3102/01623737011003255.

- Grodal S., Anteby M., Holm A.L. (2021). Achieving rigor in qualitative analysis: The role of active categorization in theory building // *Academy of Management Review*. Vol. 46. No. 3. Pp. 591–612. DOI: 10.5465/amr.2018.0482.
- Hibberd F.J. (2019). What is Scientific Definition? // *Journal of Mind and Behavior*. Vol. 40. No. 1. Pp. 29–52.
- Hodgson G.M. (2006). What Are Institutions? // *Journal of Economic Issues*. Vol. 40. No. 1. Pp. 1–25.
- Johnson R.B., Onwuegbuzie A.J. (2004). Mixed methods research: A research paradigm whose time has come // *Educational Researcher*. Vol. 33. Is. 7. Pp. 14–26.
- Johnson R.B., Onwuegbuzie A.J., Turner L.A. (2007). Toward a Definition of Mixed Methods Research // *Journal of Mixed Methods Research*. Vol. 1. No. 2. Pp. 112–133.
- Kaplan A. (1964). *The Conduct of Inquiry: Methodology for Behavioral Science*. — San Francisco: Chandler Publishing
- Lanka E., Lanka S., Rostron A., Singh P. (2021). Why we need qualitative research in management studies // *Revista de Administração Contemporânea*. Vol. 25. No. 2. article e200297. DOI: 10.1590/1982-7849rac2021200297.en.
- Lilienfeld S.O., Sauvigné K.C., Lynn S.J., Cautin R.L., Lutzman R.D., Waldman I.D. (2015). Fifty psychological and psychiatric terms to avoid: A list of inaccurate, misleading, misused, ambiguous, and logically confused words and phrases // *Frontiers in Psychology*. Vol. 6. article 1100 DOI: 10.3389/fpsyg.2015.01100.
- Lundberg G.A. (1942). Operational definitions in the social sciences // *American Journal of Sociology*. Vol. 47. No. 5. Pp. 727–745. DOI: 10.1086/219004.
- Neale W.C. (1994). Institutions. In: Hodgson G., Samuels W. and Tool M. (Eds.). *The Elgar Companion to Institutional and Evolutionary Economics*. — Aldershot: Edward Elgar. Vol. 1. Pp. 402–406.
- Newman I., Ridenour C. (1998). *Qualitative-quantitative research methodology: Exploring the interactive continuum*. — Carbondale, IL: Southern Illinois University Press.
- North D.C. (1984). Transaction Costs, Institutions, and Economic History // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. Vol. 140. No. 1. Pp. 7–17.
- Padgett D.K. (1998). *Qualitative Methods in Social Work Research: Challenges and Rewards*. — Thousand Oaks: Sage.
- Rosenwald G.C. (1986). Why operationism won't go away: Extra-scientific incentives of social-psychological research // *Philosophy of the Social Sciences*. Vol. 16. Is. 3. Pp. 303–330.
- Schneiberg M., Clemens E.S. (2006). The Typical Tools for the Job: Research Strategies in Institutional Analysis // *Sociological Theory*. Vol. 24. No. 3. Pp. 195–227.
- Scott J.C. (1998). *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. — New Haven, CT: Yale University Press.
- Scott W.R. (2008). *Institutions and Organizations: Ideas and Interests*, 3rd edn. — Thousand Oaks: Sage.
- Skarbek D. (2020). Qualitative research methods for institutional analysis // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 16. Is. 4. Pp. 409–422. DOI: 10.1017/S174413741900078X.
- Skinner B.F. (1984). The operational analysis of psychological terms // *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 7. No. 4. Pp. 547–581.
- Slife B.D., Wright C.D., Yanchar S.C. (2016). Using operational definitions in research: A best-practices approach // *Journal of Mind & Behavior*. Vol. 37. No. 2. Pp. 119–140.
- Stevens S.S. (1935). The operational definition of psychological concepts // *Psychological Review*. Vol. 42. No. 6. Pp. 517–527.
- Stevens S.S. (1946). On the theory of scales of measurement // *Science*. Vol. 103. No. 2684. Pp. 677–680. DOI: 10.1126/science.103.2684.677
- Summerfield C., de Lange F.P. (2014). Expectation in perceptual decision making: Neural and computational mechanisms // *Nature Reviews Neuroscience*. Vol. 15. Pp. 745–756. DOI: 10.1038/nrn3838.
- Suppes P., Zinnes J. (1963). Basic measurement theory. In: D. Luce, R. R. Bush, E. Galanter (eds.). *Handbook of mathematical psychology*. Vol. 1. — Chichester: John Wiley & Sons. Pp. 3–76.
- Suzuki T. (2023). Endogenous ambiguity and rational miscommunication // *Journal of Economic Theory*. Vol. 211. Article 105686.
- Swedberg R. (2017). On the near disappearance of concepts in mainstream sociology. In: Leiulfsrud H. & Sohlberg P. (Eds.). *Concepts in Action: Conceptual Constructionism*. — Leiden: Brill. Pp. 23–39.
- Tobin G.A., Begley C.M. (2004). Methodological rigour within a qualitative framework // *Journal of Advanced Nursing*. Vol. 48. Is. 4. Pp. 388–396.
- Turk-Browne N.B., Junge J.A., Scholl B.J. (2005). The automaticity of visual statistical learning // *Journal of Experimental Psychology: General*. Vol. 134. No. 4. Pp. 552–564. DOI: 10.1037/0096-3445.134.4.552.
- Van der Weele S. (2021). Thick Concepts in Social Research: What, Why, and How? // *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 20. Pp. 1–11. DOI: 10.1177/16094069211066165.
- Wilber C., Harrison R. (1978). The methodological basis of institutional economics: Pattern model, storytelling, and holism // *Journal of Economic Issues*. Vol. 12. No. 1. Pp. 61–89.
- Yilmaz K. (2013). Comparison of quantitative and qualitative research traditions: Epistemological, theoretical, and methodological differences // *European Journal of Education*. Vol. 48. No. 2. Pp. 311–325. DOI: 10.1111/ejed.12014.
- Zhao J., Al-Aidroos N., Turk-Browne N.B. (2013). Attention is spontaneously biased toward regularities // *Psychological Science*. Vol. 24. No. 5. Pp. 667–677. DOI: 10.1177/0956797612460407.

Тамбовцев Виталий Леонидович

tambovtsev@econ.msu.ru

Vitaly Tambovtsev

Doctor of Sciences (Economics), professor, Chief Researcher, faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University

tambovtsev@econ.msu.ru

INSTITUTIONAL ANALYSIS OF ECONOMY: QUALITATIVE AND QUANTITATIVE RESEARCH AND METHODS

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of two alternative approaches to the study of economic institutions — qualitative and quantitative research methodologies. Analysis of the first shows that the task is to identify the meanings that people attach to their actions, while the task of the second is to identify regularities of connections between institutions and various aspects of behavior. Institutional analysis conducted on the basis of qualitative methodology is based on vague definitions of institutions that lack operationalization, while quantitative studies of institutions rely on strict operational definitions. The article outlines the procedures for both qualitative and quantitative research on institutions, the first of which involves obtaining data primarily through interviewing informants, and the second, primarily through observation of behavior. Accordingly, the result of a qualitative research is *metis* — local experiential knowledge possessed by members of a certain community, while the result of a quantitative study is a generalized knowledge of regularities expressed by confirmed hypotheses. The obtained comparison results can serve as information for researchers to select a methodology for studying economic institutions.

Keywords: *qualitative research, quantitative research, mixed methods, thick concept, operational definition, institutional analysis, metis.*

JEL: B40, B50, C80.

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

А.Е. Шаститко

д.э.н., профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, директор Центра исследований конкуренции и экономического регулирования РАНХиГС при Президенте РФ (Москва)

А.А. Моросанова

к.э.н., н.с., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, н.с., Институт прикладных экономических исследований РАНХиГС при Президенте РФ (Москва)

ДОРОГАЯ БЕСПЛАТНОСТЬ¹

Аннотация. Цифровые платформы, как правило, предлагают свои услуги, как минимум, для одной из сторон без денежной платы, но взимая иной ресурс — информационный — в виде персональной информации и «цифровых следов», оставляемых пользователями. Механизмы, позволяющие анализировать собранную информацию, дают компаниям скрытую конкурентную силу, которая, с одной стороны, позволяет повышать эффективность, но с другой — несёт в себе потенциальные угрозы как для множества отдельных пользователей, так и для экономического благосостояния в целом. Главные исследовательские вопросы, поднимаемые в статье, относятся к наличию стимулов по сохранению или усилению приватности в интернете. Последнее касается не только пользователей, но и бизнеса, а также относится к роли государственных регуляторов данного процесса. Некоторые назревшие регуляторные решения по развитию конкурентной среды на цифровых рынках и обеспечению прозрачности процессов внутри экосистем, обсуждаемые в данной статье, могут обеспечить прогресс в плане увеличения пользовательского контроля за своей персональной информацией. Вместе с тем предполагаемые изменения приведут к возникновению дополнительных рисков в части информационной (и других аспектов) безопасности. Вопрос об обеспечении надёжности гаранта, связанный с приватностью в интернете, все равно остаётся открытым.

Ключевые слова: приватность, цифровая экономика, персональные данные, экосистемы, платформы.

JEL: L15, L20, L50, L86

УДК: 330.341.1, 330.342.3

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_56_72

© А.Е. Шаститко, А.А. Моросанова, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шаститко А.Е., Моросанова А.А. Дорогая бесплатность // Вопросы теоретической экономики. 2024. №2. С. 56–72. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_56_72.

FOR CITATION: Shastitko A., Morosanova A. Expensive Free // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 2. Pp. 56–72. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_56_72.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Введение

Само допущение о преследовании участниками экономической деятельности собственного интереса, который проявляется в том числе в стремлении к прибыли (если не в краткосрочном, то в долгосрочном плане), предполагает, что кажущиеся альтруистические устремления должны пройти проверку через призму устойчивости базовой поведенческой предпосылки экономической науки — следования собственному интересу.

Повсеместное распространение цифровых платформ и связанных с ними экосистем сопряжено со значительным распространением практики предоставления бесплатных сервисов, когда пользователи платформ (домашние хозяйства) оплачивают по нулевой денежной цене предоставляемые им услуги. Казалось бы, куда ещё дешевле? Разве что предположить, что сервисы будут доплачивать пользователям за потребление ими искомым услуг? Неужели перед нами феноменальный результат конкуренции, усиленный технологическим развитием? И возможно ли тогда такое, что сервисы, которые ориентированы на взаимодействие с несколькими группами пользователей, обеспечивают услуги по нулевой цене для всех групп? Да, такое предположение имеет право на существование, но именно как гипотеза, которую необходимо: а) объяснить; б) проверить.

Однако, как нетрудно догадаться, есть и иная картина мира, если согласиться с тем, что пользователи могут расплачиваться не только деньгами или иными конвенциональными активами с возможной их бухгалтерской оценкой. Практика демонстрирует и иные возможности, например, расплачиваться своим вниманием (и связанными с ним действиями), а также собственными данными — не только привычными идентификаторами личности, но и гораздо более широким спектром данных, на основе которых можно, применяя соответствующие алгоритмы их обработки, построить индивидуальный поведенческий профиль, с помощью которого можно как предугадывать желания пользователя (предиктивная аналитика поведения), так и подталкивать его к желаемому для контролёра доступа (gate-keeper) решению. Казалось бы, эта безобидная практика может помочь крупным компаниям лучше понимать потребности пользователя и тем самым улучшить качество его обслуживания и, соответственно, соотношение «цена-качество». Однако не всё так просто. Стоит только вдуматься, как обработка такого рода данных и их последующее использование может повлиять на потребительский выбор пользователя и распределение выигрышей между вовлечёнными в транзакции с применением цифровых алгоритмов действующими лицами (контролёрами доступа, или суперплатформами, разработчиками приложений/платформами, поставщиками услуг, пользователями).

Если раньше образованный, критически мыслящий взрослый человек с высокой вероятностью мог распознать попытки манипулирования его сознанием и поведением, то теперь эта задача многократно усложняется, поскольку эксплуатирующие и исключаящие практики могут выглядеть как вполне проконкурентные и дружественные потребителю. Соответственно, для распознавания таких практик могут потребоваться специальные знания и приёмы, в том числе основанные на применении алгоритмов, препятствующих как отслеживанию поведения, сбору данных, так и их использованию. В то же время такая ситуация подталкивает к тому, чтобы вспомнить о феномене превращённых форм, о которых писал Карл Маркс в «Капитале». Только в данном случае она будет выглядеть как *наблюдаемое, осознаваемое* — прямая противоположность *сущему*.

Если мы осознаём, что практика бизнеса подводит пользователей к мысли, что «Солнце вращается вокруг Земли», то, соответственно, встают практические вопросы: 1) кто может объяснить, как выглядит реальное положение вещей; 2) почему, на каком

основании широкая публика должна доверять этим объяснениям; 3) откуда возьмутся стимулы у тех, кто может доказательно объяснить и показать, как кажущееся соотносится с сущим, тратить ресурсы на добывание и распространение знания об этом среди широких масс конечных пользователей услуг платформ и экосистем?

Сначала мы рассмотрим возможные подходы к определению ценности информации и приватности, а также аспекты, влияющие на эту оценку со стороны потребителей. Далее мы покажем, что на подходы цифровых компаний к оценке полезности информации влияют технические (раздел 2: Технические границы приватности) и институциональные (раздел 3) ограничения, которые диктуют их возможности по извлечению дополнительных экономических выгод от сбора и анализа собираемых данных (раздел 4). Однако развитие цифровых технологий не обязательно должно быть сопряжено с расширением возможностей по сбору данных, о чём свидетельствуют возникающие на рынках решения, деятельность некоммерческих организаций и государственные инициативы (раздел 5). В заключении приведены наши выводы.

Цена информации, цена приватности

Информация давно стала объектом исследования экономистов, а экономика информации — отдельным направлением, в основании которого лежат работы Фридриха фон Хайека [Hayek, 1945], Джорджа Стиглера [Stigler, 1961], Кеннета Эрроу [Arrow, 1962], Джорджа Акерлофа [Akerlof, 1970]. В начале XXI в. поднялась волна исследований эффектов от распространения цифровых технологий в современной экономике [Varian, 2010; Chen, Narasimhan, Zhang, 2001; Taylor, 2004]. Со становлением Web 2.0 и в связи с общим снижением уровня анонимности в интернете особо актуальными стали вопросы приватности и конфиденциальности, которые затрагивают не только правовые, но и социальные, этические и экономические аспекты. Экономика информации, как правило, рассматривает предоставление персональной информации пользователями как нахождение баланса между раскрытием информации и её защитой (и зачастую защита отождествляется с приватностью). Однако экономика приватности отталкивается от несколько иной интерпретации приватности, трактуя её не столько как отказ от предоставления данных, сколько как *контроль* над этим процессом разных сторон — пользователей, бизнеса, государства. При этом контроль может иметь различные измерения — и юридические, и технологические, и экономические.

Прежде всего речь идёт о контроле над персональными данными, т. е. «информацией, относящейся прямо или косвенно к определённому или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)»². Однако даже приведённое юридическое определение не даёт чётких границ между «персональной» и «неперсональной» информацией, о чём свидетельствуют не только различные подходы к проблеме в научной литературе, но и правоприменительная (в том числе судебная) практика [Петров, 2021]. Более того, пользователи «делятся» с цифровыми компаниями не только персональной информацией, но и оставляют «цифровые следы» («цифровые отпечатки») — данные, которые не только позволяют напрямую идентифицировать человека, но и многое говорят о предпочтениях и поведении пользователей в интернете, а это является зачастую более ценным ресурсом для анализа со стороны бизнеса. Такие «цифровые отпечатки» не только скрыты для самих пользователей, но и в большинстве юрисдикций не попадают в сферу контроля со стороны регулятора.

² Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Статья 3.

Главный вопрос, который стоит перед исследователями в экономике информации — это вопрос о её цене и ценности, в особенности, если речь идёт о характеристиках персональных данных. С одной стороны, для компаний цена информации может быть определена разными способами. Например, информация может рассматриваться как ресурс, который помогает повысить эффективность производства основного товара/услуги через налаживание логистических цепочек, более совершенную прогнозную деятельность, что приведёт к снижению издержек. Компания может подойти к измерению цены персональной информации и схожим с затратным методом способом, включающим издержки на разработку и поддержание информационной системы, на защиту информации, а также потенциальные штрафы в случае «утечек».

Альтернативную цену информации можно искать на «чёрном рынке» — через стоимость «утекших» баз данных. На такую цену влияют множество факторов — полнота и глубина базы, её актуальность и тип информации. Согласно исследованиям цена за одну строчку может колебаться от 5 до 30 руб.³ Есть примеры как бесплатного распространения актуальных баз данных, так и обратной ситуации — большой стоимости «старых» баз. Однако эти оценки мало что могут сказать о реальной стоимости информации для бизнеса. Во-первых, цена на «чёрном рынке» прежде всего ориентирована на спрос со стороны мошенников или иных лиц, преследующих противозаконные цели, а во-вторых, здесь нельзя найти отражения процессов, которые происходят внутри компании: как эта информация «перерабатывается» (возможно, для многих целей одновременно) и анализируется.

С точки зрения пользователей, попытки оценить собственную информацию являются сложной задачей, которая зависит не только от моральных убеждений, но и от контекста — внешних условий и ситуации, в которой пользователь оказывается. В этой связи часто упоминают парадокс конфиденциальности (*privacy paradox* [*Marthews, Tucker, 2019*]), который отражает расхождение между декларируемыми ценностями потребителя (заинтересованностью в защите информации или даже полной конфиденциальности) и выявленными действиями (т. е. фактическим поведением в интернете, связанным с предоставлением доступа к данным). Согласно оценкам ВЦИОМ, большинство россиян настороженно относятся к предоставлению информации и частным компаниям, и государственным организациям (в том числе размещению её на портале госуслуг): 52% опрошенных не готовы делиться персональными данными ни с какими сервисами⁴. В то же время число пользователей портала Госуслуг превысило 110 млн пользователей⁵, что составляет около 75% от населения РФ⁶. Можно учесть, что в число пользователей портала могут входить и иностранные граждане (но для регистрации требуется российский мобильный телефон и СНИЛС), а также, что доступ к интернету имеет около 81% населения⁷. Даже с учётом этих корректировок видно, что, несмотря все опасения, население оставляет свои очень чувствительные персональные данные на значимых ресурсах вопреки заявленным предпочтениям о конфиденциальности.

Если рассматривать парадокс конфиденциальности с точки зрения экономической теории, он перестаёт быть «парадоксом», а становится отражением ограничено-рационального поведения индивидуумов. Пользователи не только имеют ограниченное представле-

³ Эксперты подсчитали, сколько стоят личные данные россиян на чёрном рынке // ПРАЙМ. URL:https://1prime.ru/telecommunications_and_technologies/20210721/834254826.html (дата обращения: 03.03.2024).

⁴ Экономика должна быть персональной // Коммерсантъ. URL:<https://www.kommersant.ru/daily?from=burger> (дата обращения: 03.03.2024).

⁵ Чернышенко заявил, что более 110 млн россиян зарегистрированы на «Госуслугах» // ТАСС. URL:<https://tass.ru/obschestvo/19202341> (дата обращения: 03.03.2024).

⁶ По данным Росстата, по состоянию на 1 января 2023 года численность постоянного населения Российской Федерации составила 146 447,4 тыс. человек.

⁷ Медиаскоп. URL:<https://mediascope.net/news/1681112/#:~:text=В%20первом%20полугодии%202023%20года,ниже%2C%20a%20зимой%20—%20выше> (дата обращения: 03.03.2024).

ние о реальной ценности своих данных для компаний, но не знают условия их обращения и готовы ими делиться в обмен на удобство пользования сервисами. На принятие решений о предоставлении своей персональной информации влияют нижеприведенные факторы.

Отсутствие или наличие значимых альтернатив и сетевые эффекты. В некоторых сферах экономики не существует явных конкурентов-компаний (как цифровых, так и нецифровых), что не оставляет выбора потребителю не только в части выбора поставщика товара/услуги, но и условий раскрытия информации. Сетевые эффекты [Шаститко, Маркова, 2020], свойственные цифровым платформам, могут выступать как барьерами входа для компаний-конкурентов, так и «барьерами выхода» для потребителей.

Проблема коллективных действий и мезоинституты. Этот пункт напрямую связан с наличием компаний-контролёров доступа (gate-keeper) к определённым цифровым услугам. Подобные компании создают собственные правила (мезоинституты [Шаститко, Курдин, Филиппова, 2023]), которые зачастую для пользователя приобретают форму «take it or leave it» («принимай или уходи»). Пользователи не имеют возможности вступать в переговоры с контролёрами доступа по поводу правил оборота их информации. Указанные компании часто используют практику, дающую право вносить изменения в условия защиты данных без согласия потребителя, и налагают на потребителей обязательство периодически проверять наличие таких изменений, пользуясь выгодной переговорной позицией.

Сфера деятельности/область предоставления данных. Пользователи гораздо чаще обращают внимание на условия предоставления информации, если соглашение касается этого напрямую (например, при подписании условий использования антивирусной компьютерной программы или переустановки операционной системы на телефоне), но проявляют большую беспечность в сфере электронной торговли и даже медицины [Hirschprung, 2023].

«Глубина» запрашиваемых данных. Пользователь видит «вершину айсберга» — только те данные, которые ему требуется внести при регистрации и пользовании сервисом, но не ощущает значимости своего «цифрового следа», даже если соглашение об использовании cookies доступно в явном виде. Естественно, что при более полном раскрытии информации компаниями пользователи будут более осторожно относиться к предоставлению данных.

Оценка потребителем защищённости информации. Из-за отсутствия профильных специальных знаний уровень технической защищённости пользователя, скорее, оценивают последствия принимаемых решений, исходя из случившихся негативных явлений (утечек персональных данных). То есть всё происходит по факту наступившего — как правило, негативного — события (своего рода «ошибка выжившего» наоборот).

Осведомлённость о целях и способах использования личных данных. Здесь важно подчеркнуть, что само по себе наличие условий пользовательского соглашения не приравнивается автоматически к осведомлённости пользователей. Заинтересованные компании находятся в поиске баланса между полнотой раскрытия информации и её доступностью для прочтения. Но даже в случае достаточно подробного изложения деталей преградой к осведомлённости пользователей выступают следующие факторы:

- ▶ сложность предоставления информации, проблематичность преодоления пользователями прагматического фильтра в изучении юридических текстов, что зачастую может запутать пользователя и становится преградой к адекватному анализу раскрытой информации. В некоторых случаях это может быть элементом манипулирования пользовательскими решениями — в случаях, где акценты не расставлены на важных особенностях использования информации, а формулировки позволяют избегать юридических претензий [Kemp, 2020];
- ▶ размытость определений и понятий, присутствие выражений «иные цели», «иные третьи лица» и пр., которые вносят неопределённость во всё пользовательское соглашение;

- ▶ соглашения о конфиденциальности, прежде всего касаются информации, запрашиваемой у индивида в явном виде, но для компаний значимой является информация, собранная с помощью cookies — механизмов, встроенных в сайт, позволяющих отслеживать действия пользователей. При этом, как правило, информация о собираемых данных достаточно размыта. В лучшем случае даются характеристики по типу собираемых cookies (строго необходимые, статистические, технические и пр.), но без раскрытия технических характеристик.

Если рассматривать категорию «персональные данные» как благо, то можно столкнуться с множеством противоречий в интерпретации в зависимости от стороны. Для пользователя эти данные являются неотчуждаемыми, неограниченными, но с точки зрения обеспечения приватности могут быть конкурентными (пользователь может выбирать сервис, который заслуживает доверия). Для компаний-агрегаторов персональные данные неконкурентны, так как они могут собирать данные из любых источников, а сами эти данные могут дублироваться и на других платформах. Однако с точки зрения анализа ценность несут, главным образом, «цифровые следы» («цифровые отпечатки») пользователей, оставленные на сервисе компании, которые, как правило, являются уникальными для каждого ресурса.

Так же как нет единого определения «персональных данных» как блага или как товара, нет и единого рынка персональных данных [Lane, Stodden, Bender, Nissenbaum, 2014]. Существует несколько сегментов, на которых данные обращаются, а также имеет значение конфиденциальность: рынки данных между компаниями; рынки между потребителями и компаниями (данные в обмен на «бесплатные услуги» или персонализированный подход); рынки «конфиденциальности», на котором потребители ищут защиту своим данным и пр. Поэтому затруднено создание и применение какого-либо единого и универсального подхода к регулированию в сферах, касающихся персональных данных и/или «цифровых следов».

Технические границы нарушения (сохранения) приватности

С точки зрения стороннего наблюдателя, цифровые компании, как правило, являются «чёрными ящиками», внутри которых происходят процессы сбора, хранения, и главное — анализа персональной информации и «цифровых отпечатков», о которых этот наблюдатель либо не задумывается, либо, если и задумывается, то все равно не имеет предметного представления. Главным объектом анализа обычно выступает реклама, ибо с помощью алгоритмов можно классифицировать пользователя как представителя той или иной группы (по интересам, статусу, доходу), соответствующую определённым запросам, и тем самым обеспечить релевантность и адресность рекламы.

При этом компании держат в тайне глубину процесса сбора данных, а также способы их шифрования и защиты. Пролить свет на возможности цифровых гигантов могут утечки исходных кодов, как случилось, например, с компанией Яндекс в январе 2023 г. В сеть утекли архивы с части сервисов Яндекса, содержащие алгоритмы сбора и хранения «цифровых следов» пользователей. Эксперты в области цифровых технологий [McCrea, 2023] сделали следующие выводы:

- ▶ все сервисы компании (которых более 90) передают большое количество данных в единую систему Crupta, которая классифицирует пользователя по различным параметрам — не только по половозрастным характеристикам, но и по предпочтениям в музыке и кино, уровню доходов, семейному статусу и количеству детей. Система способна распознавать и объединять в одну группу семьи, находить соседей и коллег;
- ▶ данные хешируются (шифруются) — каждому пользователю присваивается определённый код, но код является уникальным и шифрование происходит непоследовательно, данные легко обратимы и сопоставимы друг с другом;

- ▶ система не хранит явные персональные данные (номер телефона, ФИО и пр.), однако позволяет при необходимости сопоставлять конкретный «цифровой след» с данными из Яндекс.Паспорт (где эти персональные данные хранятся). Более того, данные из Скрыта могут синхронизироваться с данными крупных российских провайдеров (например, государственной компанией Ростелеком) за пределами сервисов Яндекса.

Компании скрывают истинную глубину сбора информации, при этом нет гарантий, что, не соглашаясь с отслеживанием определённой информации (например, геолокации), пользователь не будет найден с помощью иных данных (через сети Wi-Fi, сотовых операторов или соседства с другими устройствами). Компании, как правило, отрицают наличие каких-либо скрытых целей помимо целей таргетированной рекламы, частично же присутствующие персональные данные в «цифровых следах» оправдывают ошибками, связанными с желанием улучшить качество сервиса⁸. Однако наличие межкорпоративных связей говорит о возможности применения данных в иных целях, не прописанных в соглашении пользователя.

Даже если рассматривать улучшение эффективности таргетированной рекламы как главную и единственную цель сбора и анализа «цифровых следов», то можно наблюдать, как она способна воздействовать на выбор пользователя, просачиваясь через фильтр рефлексии и самоконтроля. Не секрет, что устройства умеют отслеживать разговоры находящихся поблизости людей, даже в «спящем» режиме, что приводит к настройке показываемой рекламы, соответствующей распознанным «тегам», ключевым словам [Kröger, Raschke, 2019]. Это непосредственно оказывает влияние на принимаемые индивидом решения — как осознанно, так и не осознанно. Также компании могут создавать дополнительные технологические препятствия для пользователя при использовании сервиса в случае отказа делиться какой-то информацией [Acquisti, Taylor, Wagman, 2016].

Главная проблема, связанная с техническими характеристиками систем отслеживания персональных данных и «цифровых следов», кроется в закрытости этих технологий не только для пользователей или регулятора, но даже для самой компании, особенно если эта компания характеризуется разветвлённой системой сервисов (таким свойством обладают в первую очередь цифровые экосистемы). Большинство данных собирается автоматически, без участия человека, так что становится трудно оценить реальное положение дел с обеспечением приватности в сфере сбора, обработки и использования данных о пользователях сервисов.

Институциональные границы нарушения (сохранения) приватности

Озабоченность нарушением приватности приводит к тому, что регуляторы ищут возможности её восстановления для пользователей и/или введения ограничений на применение технологий отслеживания.

С точки зрения теории есть три структурные альтернативы отношений регулятора, цифровых компаний и пользователей, которые соответствуют различным предпосылкам о цене информации [Кетр, 2020]:

- ▶ с точки зрения полной рациональности поведения конфиденциальность является осознанным выбором каждого индивида, основанным на субъективных предпочтениях. Согласно этой позиции, только небольшая группа потребителей предпочтёт приватность удобству пользования из-за рисков раскрытия информации и ненадлежащего её использования, в том числе с причинением вреда

⁸ «Яндекс» раскрыл первые итоги расследования утечки кода. РБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/30/01/2023/63d7ee2e9a794727f84e437c?from=copy (дата обращения: 03.03.2024).

пользователю. Однако, несмотря на отсутствие необходимости вводить дополнительные ограничения по использованию средств сбора и анализа данных, перед регулятором стоит вопрос о принуждении компаний раскрывать информацию об использовании данных;

- ▶ если признать существование асимметрии информации (как о ценности собираемых данных, так и о способах их защиты) и отсутствие переговорной силы у потребителей, то перед регулятором стоят вызовы не только в информационной политике, но и в разработке «компенсаторного» механизма, позволяющего возместить примерную недоплачиваемую цену потребителям за использование их данных. При этом «компенсация» не обязательно будет иметь денежную характеристику, а выражаться в предоставлении более широкого спектра персонализированных услуг, в улучшении качества услуг и товаров, а также их институциональных характеристик («бьюкененовские товары» [Тамбовцев, 2005; Shastitko, Markova, Morozov, 2022]);
- ▶ предпосылка о возможности ценового измерения персональной информации и «цифрового следа», с одной стороны, упрощает возможности по созданию механизма компенсации, так как становится возможным «доплачивать» потребителям за сбор и обработку их информации. С другой стороны, для регулятора необходимо не только добиться полного раскрытия информации компаниями о механизмах использования данных, но и обладать сопоставимыми технологическими мощностями и навыками, позволяющими контролировать выполнение компаниями установленных регуляторных требований.

Тем не менее политика по раскрытию информации для потребителя лежит в основе любой из предложенных альтернатив. Требования по снижению асимметрии информации могут также иметь различные степени.

1. Уведомление пользователя об использовании данных. В этом случае пользователю, по сути, либо предлагают контракт «take it or leave it», либо возлагают на пользователя ответственность по поиску возможностей отказаться от предоставления данных (например, на собственном сайте).

2. Предоставление информации об использовании данных в явном виде, но без расширенных подробностей о целях/качестве/количестве данных.

3. Необходимость разрешения о сборе определённой информации от пользователя. Например, в европейском Общем регламенте по защите данных (General Data Protection Regulation, GDPR) есть требование о полном предоставлении информации о типах собираемых cookies, с их описанием и характеристиками, с возможностью выбрать приемлемый вариант из «меню контрактов» (а также с возможностью так же легко отписаться от всех соглашений, как и подписаться на них).

Поскольку внимание пользователя является ограниченным ресурсом, а также из-за того, что существуют различные когнитивные искажения (например, предпочтение «status quo»), то вышеперечисленные альтернативы будут неравнозначны с точки зрения последствий для пользователей и платформ. Более того, если регулирование будет основано только на необходимости получения согласия пользователя, это может привести к ухудшению конкурентной среды на рынке. Ведь пользователи «с большей вероятностью дадут свое согласие крупным сетям с широким охватом, а не менее авторитетным фирмам» [Campbell, Goldfarb, Tucker, 2015. P. 64], что создаёт барьеры для входа на рынок.

Один из фундаментальных вопросов развития алгоритмической экономики — кто заинтересован в ограничении отслеживания информации и как эти заинтересованные лица или организации соотносятся с множеством тех, кто имеет возможность: а) установить подобные ограничения; б) обеспечить их соблюдение. На наш взгляд, простого и очевидного ответа тут нет, хотя известны практические случаи, когда участники рынка, идя

против течения, помогают пользователям обеспечить необходимый уровень приватности (см. раздел 5). Актив, который может получить компания и тем самым обеспечить избирательность стимулов, — доверие со стороны пользователей на фоне непонятных для них практик других компаний.

Уровень нарушения (сохранения) приватности, соответствующий максимизации прибыли платформами

Несмотря на то, что цифровые компании конкурируют на разных рынках, большинство технологических гигантов применяют, по крайней мере, одну бизнес-модель: *негласное наблюдение* [Cypfers, Doctorow, 2021]. Цифровые экосистемы собирают информацию о пользователях из каждого своего сервиса, объединяют эти данные в профили и используют эти профили для таргетирования рекламы. Они также собирают информацию о своих конкурентах через магазины приложений и сторонние трекеры, что может также приводить к поглощениям или вытеснениям с рынка.

Компании, обладающие большой персональной информацией клиентов, могут их классифицировать по различным признакам и проводить дискриминацию третьей или даже первой степени. Персонализированное ценообразование помогает компании улавливать излишек потребителя, и чем совершеннее алгоритмы, тем точнее будут прогнозные значения цены спроса конкретного индивида. В литературе встречается большое количество работ, посвящённых динамическому или персонализированному ценообразованию [Chen, 1997; Шаститко, Маркова, Мелешкина, Морозов, 2020], но лишь некоторые из них касаются вопросов конфиденциальности.

В некоторых исследованиях подчёркиваются положительные стороны для потребителей от раскрытия персональной информации. Так, фирмы могут устанавливать цены ниже для «переманивания» клиентов с конкурирующих сервисов [Asplund, Eriksson, Strand, 2008], снижать цену для новых клиентов [Jeong, Maruyama, 2009] или для любых клиентов «в обмен» на больший объём информации [Chen, Narasimhan, Zhang, 2001], в том числе и для обмена информацией с другими компаниями [Calzolari, Pavan, 2006].

Исследования политики конфиденциальности в целом подтверждают тот факт, что степень необходимости регуляторного вмешательства из-за опасений злоупотреблений со стороны доминирующих компаний зависит от уровня просвещённости потребителей в вопросах о целях и методах использования их данных [Taylor, 2004]. Верно и обратное, если пользователи обладают технологией «анонимизации» (например, способны удалять файлы cookie), то сбор и анализ персональных данных станет положительно сказываться на прибыли компании только в случае предоставления потребителям широкого спектра персонализированных услуг [Acquisti, Varian, 2005]. Компании могут даже инициировать собственную разработку механизма конфиденциальности и без вмешательства регулятора, но в этом случае пользователи будут платить некоторый «эквивалент» ценности персональной информации [Conitzer, Taylor, Wagman, 2012]. Тем не менее такое позитивное влияние на экономическое благосостояние возможно только в случае, если пользователи не только могут управлять степенью своей конфиденциальности, но и уверены, что эти механизмы работают прозрачно и никаких действий компании от них не скрывают. Но на данный момент времени это практически недостижимо.

Практику, когда компании имеют слабые стимулы для защиты конфиденциальности пользователей, в то время как объём и глубина данных, методы работы с ними и последствия этих методов скрыты от потребителей, называют «практикой сокрытия данных» («concealed data practices» [Kemp, 2020]). Это приводит к чрезмерному сбору, хранению и анализу персональной и иной информации сверх ожиданий пользователя.

Из-за возможностей по сокрытию информации и истинной её ценности компания (неявно или даже явно) увеличивает цену для потребителя за пользование ресурсом. Более того, если компания может удерживать пользователей и при снижении уровня защиты и/или конфиденциальности персональных данных, то это является одним из показателей её рыночной власти [Shelanski, 2013]. Обратное также верно: доминирующая на рынке фирма (или «gate-keeper», если речь идёт о компании, которая контролирует несколько связанных между собой сервисов/платформ) способна в одностороннем порядке и без уведомлений изменять уровень и качество собираемой информации, применяя для этого корректировки институтов мезоуровня (мезоинституты). В частности, в Германии антимонопольная служба (Bundeskartellamt) вводила ограничение на действия Facebook⁹ из-за признания злоупотребления доминирующим положением в виде навязывания своим пользователям «эксплуататорских деловых условий» [Bundeskartellamt, 2019]. Более того, цифровые гиганты аккумулируют данные не только со своих сервисов, но и информацию, собираемую их «друзьями-соперниками» [Эзрахи, Стаки, 2022], — компаниями, которые размещаются или связаны с этими «суперплатформами» (например, Google имеет доступ к информации разработчиков приложений в Google Play). Это приводит к искажённым стимулам (с точки зрения пользователей) для разработчиков — тайный сбор и обмен информацией поощряется, но ровно до тех пор, пока сама «суперплатформа» не решит вытеснить или поглотить своего «друга-конкурента» из своей ниши.

При участии третьей стороны — рекламодателей, которые заинтересованы в улучшении эффективности показа таргетированной рекламы, возникают дополнительные эффекты. С одной стороны, персонализированная реклама может усиливать ценовую конкуренцию: из-за ограниченного внимания потребителя, увеличения эффективности «мэтчинга» в контекстной рекламе компании будут вынуждены применять специальные ценовые стратегии [de Cornière, 2016]. Но если платформа, размещающая рекламу, будет злоупотреблять своим доминирующим положением, взимая слишком высокую плату за размещение рекламы, то это может нивелировать любые преимущества персонализированного подхода. Опасность завышения цены для рекламодателей со стороны платформы кроется и в самой специфике работы с данными. Она связана и с улучшением механизмов таргетинга, и с увеличением количества персональных данных и повышением их качества, и даже с дополнительным раскрытием информации о сегменте пользователей.

При этом, у крупной платформы есть стимулы к корректировке эластичности спроса через дискриминирующее поведение: рекламодатель, предложивший наибольшую цену (или иные привлекательные условия для платформы), может получить большее число показов [Hagiu, Jullien, 2011]. Можно учесть, что экосистемы в таком случае могут быть заинтересованы в продвижении собственных, а не сторонних сервисов. Но даже в случае наличия нескольких конкурентов-платформ, если все они способны отслеживать и фиксировать действия потребителей в интернете, может возникнуть равновесие, при котором каждая из таких фирм будет вести себя как монополист — манипулировать потребителями, заставляя их покупать наиболее маржинальные продукты, а не те, которые наиболее соответствуют их потребностям [Board, Lu, 2018].

В целом механизмов для извлечения выгод со стороны компаний, собирающих и анализирующих персональные данные, множество, и они, при всей их закрытости для других сторон, приносят огромную прибыль и дают не только возможности конкурентного преимущества, но и рыночной власти. Логично, что крупные платформы и экосистемы не заинтересованы в установлении более жёстких норм в обеспечении приватности в интернете, но всё же решения, направленные на обеспечение большей сохранности данных, возникают на цифровых рынках.

⁹ Социальная сеть *Facebook (принадлежит Meta) запрещена в РФ. Решением суда от 21.03.2022 компания Meta признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации.

Приватность в интернете: кто за?

Если есть основания для постановки вопроса о необходимости поддержания определённого уровня приватности, то как эта необходимость может быть связана со способностью (в данном случае — использованием стимулов) отдельных действующих лиц или групп, обладающих возможностями если и не обеспечить, то, по крайней мере, содействовать поддержанию приватности.

Частные цифровые компании

Частные компании — владельцы уже популярных операционных систем и/или программного обеспечения могут быть заинтересованы в продвижении своих продуктов, как обеспечивающих большую приватность. Это может как служить дополнительным аргументом в их пользу в конкурентной борьбе, так и положительно сказаться на мнении регуляторов, следящих за соблюдением прав и свобод в интернете. Однако ситуация с HTTP-заголовком «Do Not Track» (DNT), который был призван сигнализировать сайтам о том, что пользователь не хочет, чтобы его данные отслеживались, демонстрирует, что без законодательной поддержки подобные технические инициативы не найдут широкого применения даже при активной деятельности некоторых крупных цифровых коммерческих компаний. Функция DNT могла быть включена пользователем в большинстве браузеров (в некоторых даже была установлена по умолчанию, например, в Internet Explorer 10). Однако уже спустя несколько лет её функционирования стало понятно, что многие сайты (особенно активно использующие персональные данные для продвижения рекламы, такие как Google и *Facebook) игнорируют ограничение, продолжая аккумулировать «цифровые следы». Компания Apple и вовсе убрала эту функцию из браузера Safari с 2019 г., полагая, что эта HTTP-метка не мешает, а, наоборот, помогает следить за пользователями [Simon, 2019], заменив её, по их словам, более совершенной технологией — интеллектуальным предотвращением отслеживания.

На замену DNT в 2020 г. пришёл протокол Global Privacy Control (GPC), который имеет «законодательное подкрепление» — California Consumer Protection Act (CCPA) — действующий на территории Калифорнии (США) закон, который предписывает цифровым компаниям соблюдать ограничения, выставленные пользователем. Разработчиками новой версии протокола являются компании New York Times, DuckDuckGo и Brave, а также Уэслианский университет. Со временем эту практику могут перенять иные юрисдикции. Самым очевидным потенциальным участником видится Евросоюз со своим строгим законодательством (пока насчёт применимости GPC в имеющихся формулировках GDPR есть большие сомнения [Pandit, 2021]).

Независимые разработчики приватного ПО/поисковых систем

Несмотря на парадокс конфиденциальности, определённая доля потребителей обеспечена контролем своих персональных данных в интернете. Поэтому неудивительно, что на рынке присутствуют частные компании, сделавшие «приватность» главной особенностью своего продукта (поисковой системы и/или браузера). Компании могут пойти различными путями для обеспечения прибыли такой компании:

- ▶ платное ПО. Самый очевидный способ — взимать плату с потребителей за покупку/подписку на производимый «приватный» продукт. Однако этот путь непопулярен среди производителей по следующим причинам: 1) разрабатываемое независимое ПО, как правило, основывается на открытом исходном коде; 2) конкурентное давление со стороны иных распространённых «бесплатных» браузеров, сопряжённое со сложностью оценки со стороны потребителя ценности приватности; 3) идеология, согласно которой поль-

зование интернетом должно быть бесплатно и безопасно для потребителей. Плата может взиматься за предоставление каких-либо дополнительных функций, например, функции VPN (как в браузере от Avast) и возможностей тонкой настройки на нескольких устройствах (как в программе Disconnect);

- ▶ размещение рекламы. Как ни парадоксально, но привлечение «третьей стороны» в виде рекламодателей не противоречит условию обеспечения приватности. Однако компании делают упор на безопасных, с точки зрения пользователей, методах размещения рекламы — например, контекстной. Это позволяет не собирать дополнительную информацию, но вполне может отражать интересы пользователя (так как она соответствует его поисковому запросу). Примером может служить экосистема компании Brave, которые предоставляют бесплатный браузер с интегрированной поисковой системой, но также и со своей платформой для рекламодателей, а также довольно известный сервис DuckDuckGo;
- ▶ краудфандинг/пожертвования. Некоторое ПО разработано некоммерческими организациями (см. далее), осуществляющими широкую деятельность по продвижению приватности и безопасности в интернете, оно также может быть создано в рамках краудфандинга, под определённые запросы потребителей.

Стоит отметить, что в последнее время подобные компании выстраивают собственные «экосистемы», состоящие из браузера, поисковой системы, платформы для рекламодателей, сервиса VPN и даже антивируса. Это продиктовано не только коммерческим интересом, но и тем, что только использование всех сервисов в совокупности может служить гарантией приватности (например, пользование «приватной» поисковой системой отдельно таких гарантий дать не может из-за агрессивных действий со стороны цифровых гигантов, использующих уязвимости внутри рекламных баннеров). Но здесь так или иначе возникает вопрос о действенности этих гарантий — как проверить заявления компании о том, что она не собирает персональные данные? Действительно ли она этого не делает? И как быть, если какой-то пользователь, обладающий специфическими навыками, обнаружит обратное? Это приводит к необходимости не столько введения регуляторного контроля, сколько наличия правовых механизмов, на которые могут опереться пользователи или содействующие им некоммерческие организации.

Некоммерческие организации

Как было сказано ранее, пользователи по одиночке не могут противостоять нормам мезоуровня, диктуемым цифровыми гигантами. Но помощь в этом могут оказать некоммерческие объединения, заинтересованные в продвижении гражданских свобод и защиты приватности в интернете. Самой крупной подобной организацией является Фонд электронных рубежей (Electronic Frontier Foundation, EFF) — американская некоммерческая компания, действующая с 1990 г. Компания существует на пожертвования, в основном индивидуальные, но и корпорации вносят свою лепту [EFF, 2023].

Под эгидой EFF был разработан ряд приложений, помогающих сохранить приватность в интернете, например, Privacy Badger — расширение для браузера, которое не позволяет рекламодателям или иным трекерам тайно отслеживать действия пользователя в интернете. Приложение не блокирует рекламу, если она «не следит» за пользователем, что, по мнению компании, стимулирует рекламодателей к внедрению лучших практик конфиденциальности, т. е. помогает выполнять функцию фильтрации. Согласно данным в Google Chrome это расширение установило более 1 млн пользователей, в Firefox — более 1,2 млн, в Opera — более 800 тыс. Помимо прочего Фонд оказывает поддержку в судебных разбирательствах, которые касаются соблюдения прав и свобод человека в интернете: обеспечения приватности, но вместе с тем и гласности, прозрачности в части обеспечения защиты заявленных ценностей, а также осуществляет лоббирование соответствующих нормативных документов.

Некоммерческие организации могут выступать и в роли надзорного органа, как минимум, осуществляя технический мониторинг компаний на предмет соблюдения условий распространения персональных данных/обеспечения приватности. Обеспечение прозрачности и гласность в этой сфере сами по себе могут служить заметным рычагом давления на коммерческие компании, но из-за ряда причин, перечисленных в начале статьи, это может не сказаться на деятельности цифровых гигантов, что ещё раз говорит о необходимости государственных механизмов, способствующих защите пользователей.

Государство (регулятор)

Ответы на вопрос о том, насколько регулятор должен и может принимать активное участие в защите приватности пользователей, в литературе различны — многие эксперты полагают, что саморегулирование в отрасли является самым эффективным вариантом. Такая позиция основывается на том, что затраты фирм и пользователей на соблюдение приватности выше, чем затраты, которые связаны с её нарушением [Rubin, Lenard, 2002]. Можно сказать, что подобный подход был характерен для политики США, где предпочитали не внедрять жёсткое регулирование цифровой экономики. Но ситуация изменилась с введением уже упомянутого California Consumer Protection Act (ССРА), который в какой-то мере сопоставим с европейским GDPR. Принятие ССРА, конечно, не означает изменения политики США. Однако не будем забывать, что Калифорния является «флагманским» штатом, в котором находятся и Кремниевая долина, и Голливуд, а это сопряжено с большим числом результатов интеллектуальной деятельности и развитием креативной экономики.

В целом из представленных выше примеров видно, что даже при наличии сильных частных игроков, заинтересованных в усилении приватности и контроля за данными в интернете, другая сторона — цифровые «компании-привратники» — обладают мощными технологическими и институциональными механизмами, которые препятствуют этому. «Механизмы прозрачности», призванные дать больший контроль в руки потребителей, не работают: нередко те, кто отстаивают политику конфиденциальности, не информируют пользователей о своих истинных целях, манипулируют мнением и даже вносят путаницу в понимание сути проблемы конфиденциальности в интернете [McDonald, Cranor, 2008].

Может ли государство выступать здесь надёжным регулятором и, главное, гарантом? Не будет ли вступать в противоречие концепция «государства как защитник» с концепцией «государство как интересант»? Государство не меньше, если не больше, чем цифровые гиганты, заинтересовано в сборе персональной информации, которую можно получать или напрямую от граждан (через собственные цифровые сервисы), или же опосредованно — от цифровых компаний. Это может происходить как открыто, так и неявно — например, в целях безопасности. И сами задачи скрытого наблюдения и мониторинга могут быть достаточно широкими [Königs, 2022]. Следовательно, появляется задача не только создания условий открытости процессов для цифровых компаний, но и выработки механизмов по регулированию этих процессов, что, как правило, означает возможность участия в этих процессах, хотя бы на уровне законотворческой деятельности, некоммерческих и саморегулируемых отраслевых организаций.

Вопрос о государственном регулировании уже не рассматривается с точки зрения необходимости — очевидно, что там, где имеются «цифровые гиганты», оно необходимо, но применяемые механизмы могут быть разными и, вероятно, унифицированных решений нет. Вопросы приватности сопряжены с необходимостью поддержания конкуренции, которая даёт пользователям возможность выбирать, с кем делиться информацией, а с кем — нет, и «голосовать ногами». К механизмам, которые призваны усилить или сохранить конкуренцию, можно причислить:

- ▶ унификацию стандартов сбора и обращения больших и персональных данных — повышение уровня «конкурентной совместимости» (competitive compatibility, ComCom) [Doctorow, 2020]. Единые технологические стандарты могут помочь в перенесении данных с одной платформы на другую, а также снизить барьеры входа для новых фирм, но могут и негативно сказаться на приватности пользователей — так как станут легко сопоставимы друг с другом. Получается некоторый парадокс — путь к конкуренции создаёт дополнительные риски для конфиденциальности, которые тоже необходимо учитывать. Текущее международное законодательство, например, Закон об авторском праве в цифровую эпоху (DMCA), используется корпорациями для защиты от возможных регуляторных вмешательств;
- ▶ «внутреннюю совместимость» [Cyphers, Doctorow, 2021] платформ — требование, по которому пользователи схожих или смежных сетей могут взаимодействовать кроссплатформенно (т. е. не заводя дополнительного аккаунта). Эта норма сопряжена с большими затратами со стороны компаний и нуждается в дополнительном строгом инфорсменте и мониторинге. Однако в целом она эффективна и способна снизить рыночную власть цифровых гигантов;
- ▶ принятие права «переноса данных» пользователями с платформы на платформу, которая гарантирует, что данные с переносимой платформы будут удалены. Данная мера внедрена в Евросоюзе (GDPR) и в Калифорнии (CCPA);
- ▶ сосредоточение внимания на процессах, происходящих внутри экосистем при обработке и анализе данных, а не только на возможностях их обмена или продажи;
- ▶ анализ эффектов от сделок экономической концентрации, включающий в себя возможные синергетические эффекты от слияния данных и/или технологий их обработки;
- ▶ повышение информированности пользователей о рисках и последствиях предоставления персональной информации, просветительская деятельность, направленная на повышение цифровых навыков.

Главная задача регулятора — перестройка стимулов больших платформ и экосистем в соответствии со стимулами их пользователей. Сильное вмешательство в деятельность компаний, действительно, может принести большой ущерб для экономических процессов, чем даже сохранение status quo, так как ни у кого нет более эффективных технических решений, связанных с безопасностью данных платформ, чем у самих платформ.

Заключение

Размножение цифровых платформ и появление цифровых экосистем, функционирующих на основе сбора, обработки и использования больших данных, включая «цифровые следы» отдельных пользователей, поднимает вопрос о том, в какой мере кажущаяся рядовым пользователям бесплатность сервисов угрожает их благосостоянию, с одной стороны, и может стать ограничителем поддержания и развития конкуренции — с другой. Осознание цены бесплатности сервисов выводит на широкий пласт вопросов о приватности пользователей в интернете и инструментов обеспечения контроля чувствительных данных. Перспективные направления исследований и поиска вариантов сбалансированного решения вопроса обеспечения приватности тесно связаны с существованием отдельных групп интересов, одним из приоритетов в деятельности которых является поддержание искомого уровня приватности.

Рынок сам по себе не гарантирует воспроизводство частных стимулов по удержанию/усилению приватности в интернете. При безусловной экономической привле-

кательности этой ниши само отсутствие корректно спроектированных регуляторных механизмов в отношении крупнейших цифровых платформ (главных охотников за персональными данными) создаёт дополнительные проблемы, что в результате не приводит к желаемым эффектам. Однако важно понимать сложность проблемы. Хотя для регуляторов, защищающих конкуренцию, критерием достижения целей является степень защищённости прав потребителей и их выигрыши, они также не могут не учитывать и то, что находится на другой чаше весов. А это — и вопросы экономической эффективности, благосостояния всего общества (что включает в себя и доходы цифровых платформ, лидеров цифровых экосистем и их участников), и в то же время заинтересованность органов власти в получении доступа к большому объёму информации не только для решения чисто экономических задач, но и задач, связанных с безопасностью как всего общества, так и государства.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Петров А. (2021). Являются ли e-mail и IP-адрес персональными данными? [Petrov A. (2021). Are email and IP address personal data?] // ФГБУ «Редакция «Российской газеты». <https://pravo.rg.ru/rubrics/question/38477> (дата обращения: 03.03.2024).
- Тамбовцев В.Л. (2005). *Экономическая теория институциональных изменений* [Tambovcev V.L. (2005). Economic theory of institutional changes]. — М.: ТЕИС.
- Шаститко А.Е., Курдин А.А., Филиппова И.Н. (2023). Мезоинституты для цифровых экосистем [Shastitko A.E., Kurdin A.A., Filippova I.N. (2023). Mesoinstitutions for digital ecosystems] // *Вопросы экономики*. № 2. С. 61–82. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-2-61-82.
- Шаститко А.Е., Маркова О.А. (2020). Старый друг лучше новых двух? Подходы к исследованию рынков в условиях цифровой трансформации для применения антимонопольного законодательства [Shastitko A.E., Markova O.A. (2020). An old friend is better than two new ones? Approaches to market research in the context of digital transformation for the antitrust laws enforcement] // *Вопросы экономики*. № 6. С. 37–55. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-6-37-55.
- Шаститко А.Е., Маркова О.А., Мелешикина А.И., Морозов А.Н. (2020). Ценообразование на основе больших данных: предметное поле проблемы [Shastitko A.E., Markova O.A., Meleshkina A.I., Morozov A.N. (2020). Pricing based on big data: subject field of the problem] // *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. № 6. С. 3–22. DOI: 10.38050/01300105202061.
- Эзрахи А., Стаки М. (2022). *Виртуальная конкуренция: посулы и опасности алгоритмической экономики: Учебник* [Ezrahi A., Staki M. (2022). Virtual competition: promises and dangers of algorithmic economics: textbook]. — М.: Дело РАНХиГС.
- Acquisti A., Taylor C., Wagman L. (2016). The Economics of Privacy // *Journal of Economic Literature*. No. 442. Pp. 447–448.
- Acquisti A., Varian H. (2005). Conditioning Prices on Purchase History // *Marketing Science*. No. 24(3). Pp. 367–381. DOI:10.1287/mksc.1040.0103
- Akerlof G.A. (1970). The Market for ‘Lemons’: Quality Uncertainty and the Market Mechanism // *Quarterly Journal of Economics*. No. 84(3). Pp. 488–500.
- Arrow K.J. (1962). The Economic Implications of Learning By Doing // *Review of Economic Studies*. No. 29(3). Pp. 155–73.
- Asplund M., Eriksson R., Strand N. (2008). Price Discrimination in Oligopoly: Evidence from Regional Newspapers // *Journal of Industrial Economics*. No. 56(2). Pp. 333–46. DOI: 10.1111/j.1467-6451.2008.00343.x.
- Board S., Lu J. (2018). Competitive Information Disclosure in Search Markets // *Journal of Political Economy*. No. 126(5). Pp. 1965–2010. DOI: 10.1086/699211.
- Bundeskartellamt. (2019). *Bundeskartellamt prohibits Facebook* from combining user data from different sources: Background information on the Bundeskartellamt’s Facebook* proceeding*. https://www.bundeskartellamt.de/SharedDocs/Meldung/EN/Pressemitteilungen/2019/07_02_2019_Facebook.html (access date: 03.03.2024).
- Calzolari G., Pavan A. (2006). On the Optimality of Privacy in Sequential Contracting // *Journal of Economic Theory*. Vol. 130. No. 1. Pp. 168–204. DOI: 10.1016/j.jet.2005.04.007.
- Campbell J., Goldfarb A., Tucker C. (2015). Privacy Regulation and Market Structure // *Journal of Economics and Management Strategy*. Vol. 24. No. 1. Pp. 47–73. DOI: 10.1111/jems.12079.
- Chen Y. (1997). Paying Customers to Switch // *Journal of Economics and Management Strategy*. Vol. 6. No. 4. Pp. 877–897. DOI: 10.1111/j.1430-9134.1997.00877.x.
- Chen Y., Narasimhan C., Zhang Z. J. (2001). Individual Marketing with Imperfect Targetability // *Marketing Science*. Vol. 20. No. 1. Pp. 23–41. DOI: 10.1287/mksc.20.1.23.1020.

- Conitzer V., Taylor C., Wagman L. (2012). Hide and Seek: Costly Consumer Privacy in a Market with Repeat Purchases // *Marketing Science*. Vol. 31. No. 2. Pp. 277–92. DOI: 10.1287/mksc.1110.0691.
- Cornière A. de (2016). Search Advertising // *American Economic Journal: Microeconomics*. No. 8(3). Pp. 156–88. DOI: 10.1257/mic.20130138.
- Cyphers B., Doctorow C. (2021). Privacy Without Monopoly: Data Protection and Interoperability // *Electronic Frontier Foundation*. <https://www.eff.org/wp/interoperability-and-privacy> (access date: 03.03.2024).
- Doctorow C. (2020). Competitive Compatibility: Year in Review 2020 // *Electronic Frontier Foundation*. www.eff.org/deeplinks/2020/12/competitive-compatibility-year-review (access date: 03.03.2024).
- EFF. (2023). 2022 Annual report // *Electronic Frontier Foundation*. <https://annualreport.eff.org> (access date: 03.03.2024).
- Hagiu A., Jullien B. (2011). Why Do Intermediaries Divert Search? // *RAND Journal of Economics*. Vol. 42. No. 2. Pp. 337–362. DOI: 10.1111/j.1756-2171.2011.00136.x.
- Hayek F.A. (1945). The Use of Knowledge in Society // *American Economic Review*. Vol. 35. No. 4. Pp. 519–530.
- Hirschprung R.S. (2023). Is the Privacy Paradox a Domain-Specific Phenomenon // *Computers*. No. 12. P. 156. DOI: 10.3390/computers12080156.
- Jeong Y., Maruyama M. (2009). Commitment to a strategy of uniform pricing in a two-period duopoly with switching costs // *Journal of Economics*. No. 98. Pp. 45–66. DOI: 10.1007/s00712-009-0083-x.
- Kemp K. (2020). Concealed data practices and competition law: why privacy matters // *European Competition Journal. UNSW Law Research Paper*. No. 19–53. DOI: 10.1080/17441056.2020.1839228.
- Königs P. (2022). Government Surveillance, Privacy, and Legitimacy // *Philosophy and Technology*. Vol. 35. No. 8. Pp. 1–22. DOI: 10.1007/s13347-022-00503-9.
- Kröger J., Raschke P. (2019). Is My Phone Listening in? On the Feasibility and Detectability of Mobile Eavesdropping // *Data and Applications Security and Privacy XXXIII*. Vol. 11559. DOI: 1007/978-3-030-22479-0_6.
- Lane J., Stodden V., Bender S., Nissenbaum H. (2014). *Privacy, Big Data, and the Public Good: Frameworks for Engagement*. — Cambridge and New York: Cambridge University Press.
- Marthews A., Tucker C. (2019). Privacy policy and competition // *Brookings report Brookings Economic Studies*. Pp. 1–27.
- McCrea K. (2023). The Yandex Leak: How a Russian Search Giant Uses Consumer Data. *Confiant*. <https://www.confiant.com/news/the-yandex-leak-how-a-russian-search-giant-uses-consumer-data> (дата обращения: 03.03.2024).
- McDonald A., Cranor L. F. (2008). The Cost of Reading Privacy Policies // *A Journal of Law and Policy for the Information Society*. Vol. 4. No. 3. Pp. 540–565.
- Pandit H.J. (2021). Global Privacy Control (GPC) + GDPR: Will It Work? // *Sustainable Computing Lab*. <https://www.sustainablecomputing.eu/blog/5993/gpc-gdpr-will-it-work/> (дата обращения: 03.03.2024).
- Rubin P., Lenard T. (2002). *Privacy and the Commercial Use of Personal Information*. — New York: Springer, Kluwer Academic. DOI: 10.1007/978-1-4615-1719-1.
- Shastitko A.E., Markova O.A., Morozov A.N. (2022). Deceptive evidence: The experience of product market definition for the purpose of competition law enforcement // *Russian Journal of Economics. ARPHA Platform*. Vol. 8. No. 3. Pp. 255–275. DOI: 10.32609/j.ruje.8.82144.
- Shelanski H. (2013). Information, Innovation, and Competition Policy for the Internet // *University of Pennsylvania Law Review*. Vol. 161. No. 6. Pp. 1663–1705.
- Simon M. (2019). Apple is removing the Do Not Track toggle from Safari, but for a good reason. *Macworld*. <https://www.macworld.com/article/232426/apple-safari-removing-do-not-track.html> (access date: 03.03.2024).
- Stigler G.J. (1961). The Economics of Information // *Journal of Political Economy*. Vol. 69. No. 3. Pp. 213–225.
- Taylor C.R. (2004). Consumer Privacy and the Market for Customer Information // *RAND Journal of Economics*. Vol. 35. No. 4. Pp. 631–50.
- Varian H.R. (2010). Computer Mediated Transactions // *American Economic Review*. Vol. 100. No. 2. Pp. 1–10.

Шаститко Андрей Евгеньевич

aes99@yandex.ru

Andrey Shastitko

Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Competitive and Industrial Policy, Faculty of Economics, Moscow State University; Director of the Center for Research on Competition and Economic Regulation of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)

aes99@yandex.ru

Моросанова Анастасия Андреевна

aamorosanova@gmail.com

Anastasia Morosanova

Candidate of Economics, Researcher of Lomonosov Moscow State University; Researcher of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)

aamorosanova@gmail.com

EXPENSIVE FREE¹⁰

Abstract. Digital platforms, as a rule, offer their services to at least one of the parties without a monetary fee, but by charging another resource — information — in the form of personal information and digital footprints. Analysis mechanisms of collected information provide companies with hidden competitive power, which, on the one hand, allows them to increase efficiency, but on the other hand, carries potential threats for many individual users and for economic welfare. The main research question concerns the presence of incentives to maintain or enhance privacy on the Internet, which arise not only from users, but also from business, as well as the role of government regulators in this process. Some of the urgent regulatory decisions to develop a competitive environment in digital markets and ensure transparency of processes within ecosystems, discussed in this article, can provide progress in user control over their personal information. At the same time, the proposed changes will lead to additional information security risks (and other aspects). The question of ensuring the guarantor reliability related to privacy on the Internet remains open.

Keywords: *privacy, digital economy, personal data, ecosystems, platforms.*

JEL: L15, L20, L50, L86.

¹⁰ The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

В.С. Щербаков

*к.э.н., Банк России, Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского (Омск)*

Р.Е. Гартвич

*аспирант, Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского, Банк России (Омск)*

ПОДХОДЫ К ПОСТРОЕНИЮ ТРЕЙСЕРА БИЗНЕС-ЦИКЛОВ НА ПРИМЕРЕ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ

Аннотация. Важность изучения бизнес-циклов обуславливается масштабом их влияния на экономику и общество, это, в свою очередь, приводит к необходимости разработки методов противодействия их негативному влиянию. Учитывая сложность темы, существования множества теорий и дискуссии в этой области, возникает потребность в наличии простого инструмента, позволяющего представить информацию о деловых циклах в интуитивно понятной форме для широкой аудитории. Таким инструментом является трейсер бизнес-цикла. Данная статья посвящена проверке возможности использования трёх подходов для его построения: первый (трендовый) основывается на определении фазы делового цикла, исходя из того, находится ли цикл выше или ниже долгосрочного тренда, и увеличивается ли он или уменьшается; второй (приростной) — находятся ли темпы прироста выше нуля, а также растут они или снижаются по сравнению с соседним временным интервалом; третий (факт-ожидания) — находятся ли оценки текущей ситуации и ожидания выше или ниже нуля (тренда, многолетнего среднего и т.д.). В работе использовались данные о динамике выпуска, объёме будущих заказов и результаты опросов обрабатывающей промышленности. В статье показано, что лучше всего себя проявляет первый подход, позволяющий чётко определять фазы и поворотные точки бизнес-цикла. Второй подход, хотя и позволяет выделять фазы делового цикла, имеет некоторые недостатки: возле пограничных значений часто могут возникать случаи скачков из одного квадранта в другой и обратно, что затрудняет анализ. Третий подход оказался неприемлемым для построения трейсера, поскольку не позволяет в полной мере выделить все фазы делового цикла, а также может иметь несоответствующую общей логике бизнес-циклов динамику. В статье продемонстрирована высокая взаимосвязь циклов обрабатывающей промышленности и индикатора бизнес-климата Банка России (данные конъюнктурных опросов предприятий), указывающего на изменение динамики делового цикла с опережением статистики на 1–3 месяца, в зависимости от подхода. Это с учётом более быстрой публикации результатов опросов, чем данных статистики, позволяет использовать его в качестве опережающего индикатора.

Ключевые слова: *бизнес-циклы, трейсер бизнес-циклов, краткосрочные колебания, опросы предприятий, опережающие индикаторы, индикатор бизнес-климата, обрабатывающая промышленность.*

JEL: E32, C22, C81

УДК: 338.12.017

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_73_85

© В.С. Щербаков, Р.Е. Гартвич, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Щербаков В.С., Гартвич Р.Е.* Подходы к построению трейсера бизнес-циклов на примере обрабатывающей промышленности России // Вопросы теоретической экономики. 2024. №2. С. 73–85. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_73_85.

FOR CITATION: *Shcherbakov V.S., Gartvich R.E.* Approaches to Building a Business Cycle Tracer Based on the Example of the Russian Manufacturing Industry // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 2. Pp. 73–85. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_73_85.

Настоящая статья отражает личную позицию авторов. Содержание и результаты данного исследования не следует рассматривать, в том числе цитировать в каких-либо изданиях как официальную позицию Банка России или указание на официальную политику или решения регулятора. Любые ошибки в данном материале являются исключительно авторскими.

Введение

Деловые циклы являются предметом многих исследований, дискуссий о трактовке этого понятия и теорий о причинах их возникновения. В качестве примеров причин деловых циклов называют: эндогенные или экзогенные шоки, шоки спроса или предложения, технологические, монетарные, фискальные, нефтяные, политические шоки и т.д. [Ребело, 2010; Тупчиенко, Кривцова, 2014; Доманина, 2015].

В свою очередь, одними из самых известных типов деловых циклов являются длинноволновые циклы экономической конъюнктуры Кондратьева (40–60 лет, динамика капиталовложений, технологических инноваций), циклы Кузнеца (15–25 лет, демографические процессы и изменения в объемах строительства, технологические, инфраструктурные циклы), Жюгляра (7–11 лет, колебания инвестиционной активности, временные задержки принятия и реализации инвестиционного решения), Китчина (3–5 лет, динамика запасов предприятий, асимметрия рыночной информации) [Korotayev, Tsirel, 2010; Покидченко, 2017].

Учитывая многообразие теорий, статистическое управление Нидерландов (Statistics Netherlands (CBS)) замечает, что большинство экономистов согласились бы с определением, данным в 1946 г. Бернсом и Митчеллом (последний является одним из основателей Национального бюро экономических исследований (NBER)), которое уже около 100 лет изучает деловые циклы США: «Бизнес-циклы — это тип колебаний, наблюдаемых в совокупной экономической активности стран, которые организуют свою работу, главным образом, на коммерческих предприятиях: цикл состоит из расширений, происходящих примерно в одно и то же время во многих видах экономической деятельности, за которыми следуют аналогичные общие спады, сокращения и оживления, которые переходят в фазу расширения следующего цикла; эта последовательность изменений является повторяющейся, но не периодической» [Ruth, Schouten, Wekker, 2005].

Эти колебания экономической активности могут измеряться как изменение объема производства (например, реального ВВП) относительно его долгосрочного потенциала [Gyomai, Guidetti, 2008]. Потенциал представляет из себя такой уровень выпуска, который экономика способна произвести при полной загрузке факторов производства при существующих ресурсных, технологических и институциональных ограничениях [Банк России, 2023]. Он не статичен и может меняться в зависимости от динамики факторов производства и скорости технологического развития. Разница между наблюдаемым и потенциальным выпуском называют разрывом выпуска. При превышении фактического выпуска над потенциалом говорят о положительном разрыве выпуска, если он ниже потенциала, то об отрицательном (рис. 1).

Также, как показано на рис. 1, в теории деловых циклов выделяют две укрупнённые фазы (подъём и спад) деловой активности и две поворотные точки (пик [высшая точка подъёма] и впадина [низшая точка спада]) [Тупчиенко, Кривцова, 2014; Abberger, Nierhaus, 2008]. В свою очередь, бизнес-циклом называют промежуток времени между двумя одинаковыми состояниями экономики (например, от пика к пику) (рис. 1).

В данной работе мы, в свою очередь, более не будем углубляться в причины деловых циклов. Целью данной работы является выделение подходов к построению трейсера

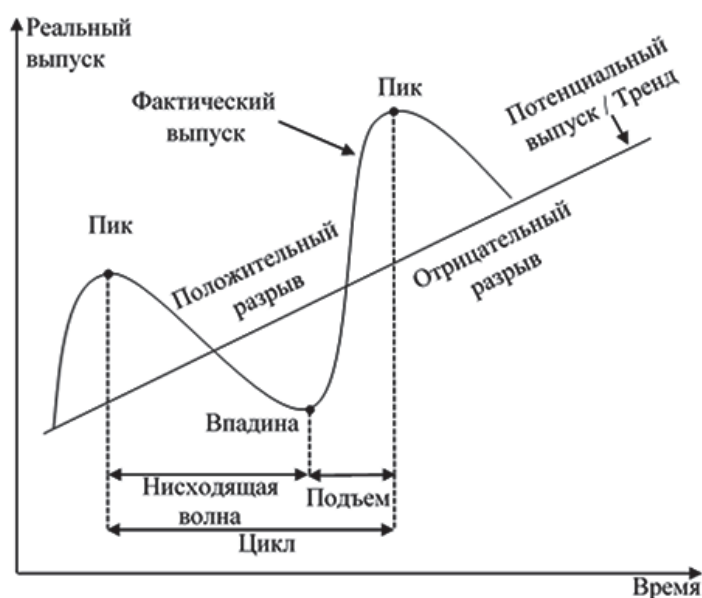

Рис. 1. Деловые циклы и потенциальный выпуск

Источник: составлено авторами.

деловых циклов, как простого инструмента визуализации бизнес-циклов для широкой аудитории, а также сравнение их пригодности для использования на примере российских данных.

Концептуальные основы отслеживания бизнес-циклов на основе трейсера

С точки зрения широкого круга исследователей (отраслевых аналитиков, сотрудников органов государственной власти и СМИ) возникает необходимость своевременного отслеживания изменений бизнес-циклов, при этом используя легкодоступные инструменты, которые позволяют представить информацию о них в интуитивно понятной форме для широкой аудитории [Wekker, 2017]. Одним из таких решений является трейсер бизнес-циклов (business cycle tracer). Термин «трейсер» подразумевает идею отслеживания (мониторинга) во времени изменений в экономике для повышения точности диагностики фазы деловых циклов, прежде всего выделение краткосрочных колебаний.

Трейсер в общем виде выглядит как диаграмма рассеяния с четырьмя квадрантами. Здесь фазу подъёма дополнительно разделяют на фазы замедления падения и ускорения роста, а фазу спада на замедление роста и ускорение спада. Расположение точек на трейсере зависит от особенностей выбранного подхода, в целом можно выделить 3 варианта:

1) первый подход (назовем его «трендовый»): находится ли цикл выше (ниже) долгосрочного тренда (ось ординат) и увеличивается (уменьшается) ли он (ось абсцисс) [Ruth Schouten, Wekker, 2005; Wekker, 2017]. Ещё один вариант: для стандартизированных значений с нулевой средней и единичными среднеквадратическими отклонениями по оси ординат откладывают отклонения от средней, а по оси абсцисс их месячные изменения (абсолютные приросты) [Китрар, Липкинд, Остапкович, 2018; Китрар, Липкинд, 2020; ИЭН ВШЭ, 2023];

2) второй подход («приростной»): находятся ли темпы прироста выше (ниже) нуля (ось ординат) и растут (сокращаются) ли они по сравнению с соседним временным промежутком (ось абсцисс). Могут использоваться разные варианты темпов прироста: месяц по сравнению с тем же месяцем прошлого года ($t/t-12$), месяц по сравнению с пре-

дыдущим месяцем с учётом исключения сезонности ($t/t-1$ SA), с учётом скользящего среднего в каком-то временном промежутке (например, скользящее 3 или 12 месячное окно) [Colombo, Cortes, Cruz, Paese, 2018];

3) третий подход («факт-ожидания»): находятся ли оценки текущей ситуации фирмами (ось абсцисс) и ожидания изменений в ближайшем будущем (ось ординат) выше или ниже нуля. Здесь в основном используют результаты конъюнктурных опросов предприятий, балансы ответов или их стандартизированные значения [Wohlrabe, Wollmershäuser, 2021; Abberger, 2006]. Причём, чтобы логика квадрантов совпадала с предыдущими двумя подходами, оси нужно поменять местами: ось абсцисс — ожидания, ось ординат — текущие оценки.

Схема трейсера деловых циклов для трёх подходов представлена на рис. 2.

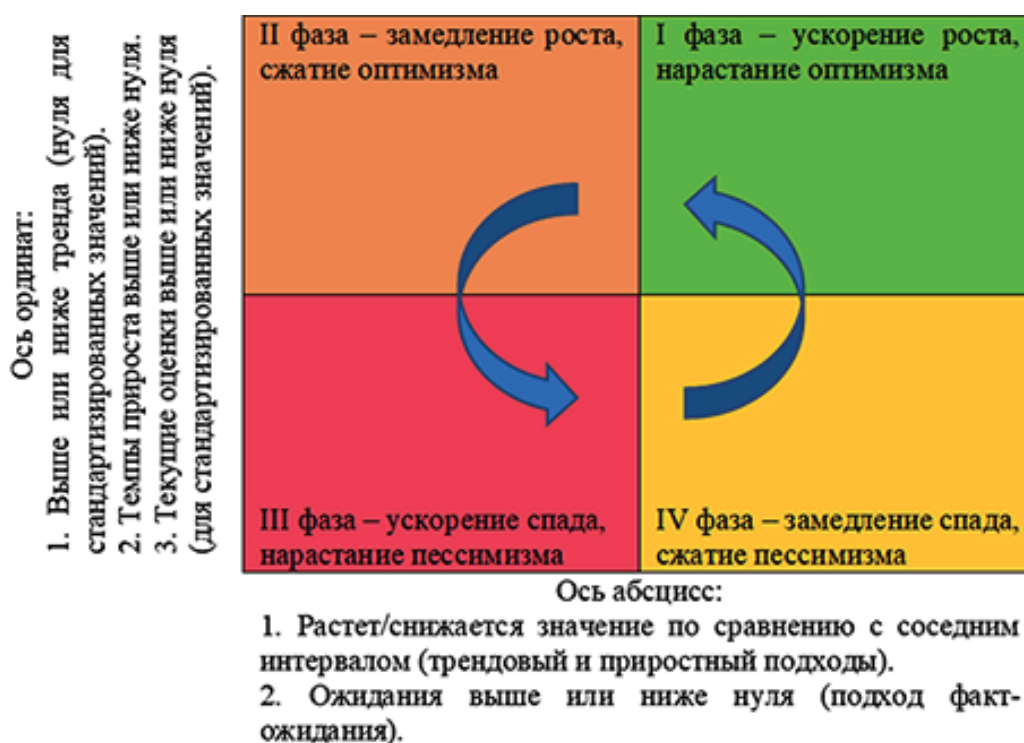

Рис. 2. Схема трейсера бизнес-циклов

Источник: составлено авторами.

Движение трейсера по квадрантам происходит против часовой стрелки, что показывает продвижение индикатора четырёх стадий бизнес-цикла. Циклические пики находятся в верхней центральной области диаграммы, а циклические впадины — в нижней центральной области. Интерпретация положения показателя будет следующая:

- 1) верхний правый квадрант: фаза экспансии (подъём), ускорения роста, нарастания оптимизма, пик доверия;
- 2) верхний левый квадрант: фаза замедления роста (сокращение), сжатие оптимизма, стагнация доверия;
- 3) нижний левый квадрант: фаза спада (рецессия), ускорение спада, нарастание пессимизма, кризис доверия;
- 4) нижний правый квадрант: фаза восстановления, замедление спада, сжатие пессимизма, замедление недоверия [Китрап, Липкинд, 2020].

Эксперименты с трейсерами бизнес-циклов в российской практике

Рассмотрим применение трейсера бизнес-циклов с использованием статистических и опросных данных на примере обрабатывающей промышленности России, которая является одной из важнейших частей экономики страны и занимает первое место по доле в структуре валовой добавленной стоимости по отраслям экономики (14,5% в среднем за 2018 — первую половину 2023 г.)¹. Промышленность в целом или обрабатывающие производства в частности называют отраслями, создающими (определяющими) цикл экономики разных стран (*cycle-maker*). Также их динамику используют для оценки деловых циклов экономики, поскольку их колебания взаимосвязаны, а ежемесячная статистика по ним публикуется раньше квартальных данных ВВП [*Lehmann, 2022; Грачёв, 2014*].

Первый подход (трендовый)

Перед построением трейсера на основе трендового подхода необходимо выделить долгосрочный тренд и цикл эталонного показателя. В нашем случае это динамика выпуска обрабатывающей промышленности, которая часто представляется в виде приведённой к базе динамики индексов производства (с учётом сезонной корректировки).

Для выделения тренда и циклической составляющей использовался двухшаговый фильтр Ходрика-Прескотта, как наиболее часто применяющийся в таких случаях [*Ruth, Schouten, Wekker, 2005; Gyomai, Guidetti, 2008; Кумрап, Липкинд, Остапкович, 2018; Colombo, Cortes, Cruz, Paese, 2018*]. Как известно, данный метод применяется для сглаживания временных рядов для нивелирования циклической компоненты и определения трендовой составляющей. Двойной проход фильтра обусловлен тем, что после первого прохода циклическая составляющая может содержать высокочастотные компоненты, которые размывают циклический сигнал [*Abberger, Nierhaus, 2011*].

Первый шаг устраняет тренд, второй — сглаживает полученную циклическую компоненту [*Gyomai, Guidetti, 2008*]. Выбор частоты (длины подразумеваемого цикла) фильтра Ходрика-Прескотта определяется специальным параметром λ . Этот показатель выступает своеобразным регулятором чувствительности тренда в рамках краткосрочных колебаний. Однако авторы используют различные его значения для первого прохода на месячных данных: 14 400 (стандартное предложение в эконометрическом пакете Eviews); 42 131,155 (цикл от 5 до 8–9 лет); 133 107,94 (циклы свыше 10 лет) [*Gyomai, Guidetti, 2008; Colombo, Cortes, Cruz, Paese, 2018; Макаревич, Малюгин, 2018; Малюгин, Крук, 2019*]. Для второго прохода фильтром Ходрика-Прескотта используют значения λ , равное 13,93 (высокочастотные колебания 6–12 месяцев). На рис. 3 продемонстрированы описанные три варианта для выделения разрыва выпуска обрабатывающей промышленности.

Как видно из рис. 3, второй вариант (42 131,155; 13,93) выступает в качестве компромисса. При этом с 2019 г. значения разрыва практически не отличаются друг от друга в разных вариантах. В этой ситуации используем далее второй вариант со значениями λ : 42 131,155 — для первого прохода фильтра Ходрика-Прескотта; 13,93 — для второго варианта.

В качестве показателя опросов используем индикатор бизнес-климата Банка России (далее — ИБК) для обрабатывающей промышленности, который отражает фактические и ожидаемые на ближайшие 3 месяца изменения в сфере производства и спроса, определяемые на основе оценок предприятий [*Банк России, 2022*]. Ежемесячные опросы Банка России имеют одни из самых широких охватов респондентов в мире и России (около 14 тыс. предприятий разных отраслей из всех субъектов РФ), из обрабатывающей

¹ Росстат. Национальные счета. Произведенный ВВП. Росстат — Национальные счета. <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения 10.10.2023)

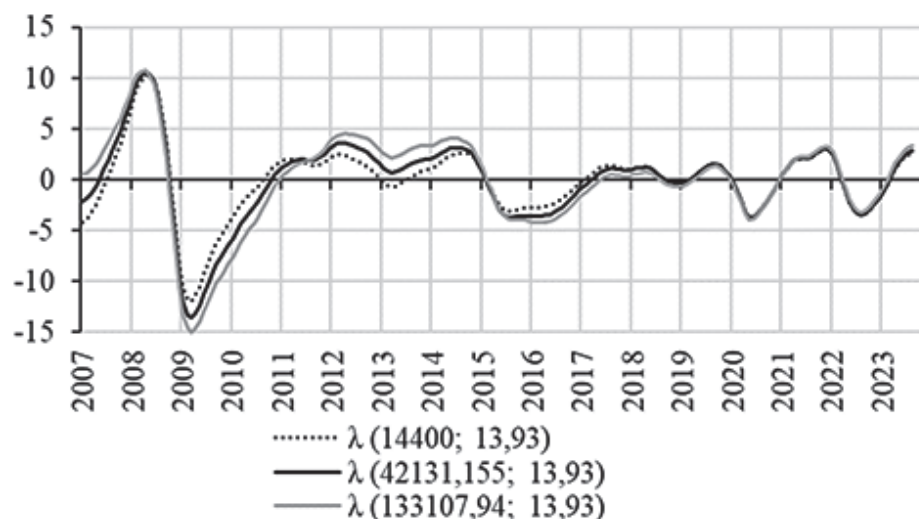

Рис. 3. Динамика делового цикла обрабатывающих производств для разных подходов применения фильтра Ходрика–Прескотта, в %% от потенциала (янв. 2007 — авг. 2023 г.).

Источник: рассчитано авторами на данных Росстата.

промышленности в этом опросе участвуют около 2,9 тыс. предприятий². Помимо этого, опросы имеют длительный период наблюдения (более 20 лет), а результаты размещаются в свободном доступе на сайте Банка России: исходные и сезонно скорректированные данные. Представляется, что в текущих условиях использование данного показателя является обоснованным и одним из наиболее приемлемых по сравнению с возможными альтернативами.

ИБК также проходит двухшаговую фильтрацию фильтром Ходрика–Прескотта (аналогично выпуску). Это позволяет использовать стационарные ряды, поскольку периодически в результатах опроса может накапливаться чрезмерный оптимизм или пессимизм [Китрар, Липкинд, Остапкович, 2018]. На рис. 4 показано сравнение деловых циклов, выделенных в данных статистики выпуска и результатах опросов.

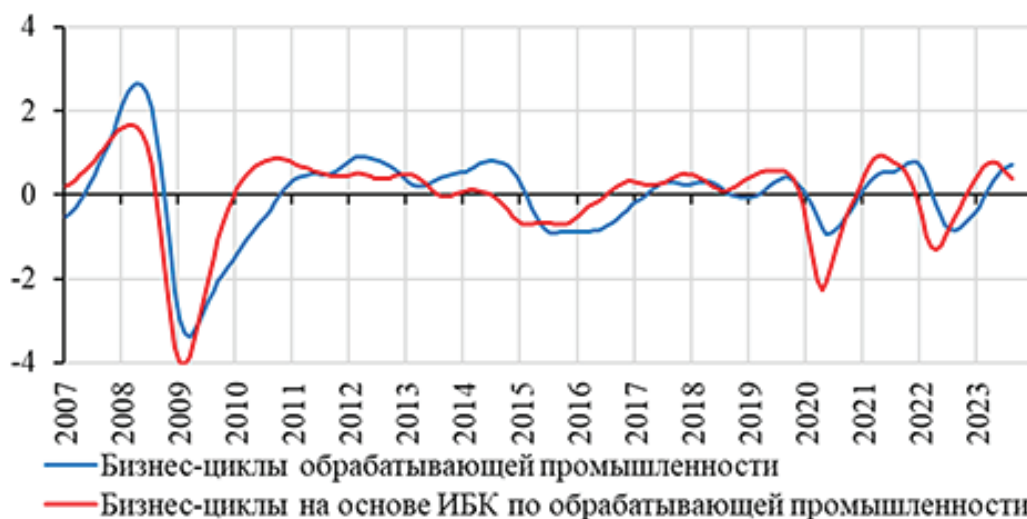

Рис. 4. Динамика бизнес-циклов обрабатывающей промышленности на основе данных о выпуске и опросов Банка России, ст. откл. (янв. 2007 — авг. 2023 г.)

Источник: рассчитано авторами на данных Росстата и Банка России.

² Данные опросов. Мониторинг предприятий. Банк России. <https://www.cbr.ru/dkp/mp> (дата обращения 10.10.2023).

Деловые циклы, выделенные на основе результатов опросов предприятий, определяют динамику цикла и поворотные точки раньше, чем расчёты по данным официальной статистики. Максимальные коэффициенты корреляции достигаются при лаге на 2–3 месяца и равны 0,87 (без лагов [0,77], с лагом на 1 месяц [0,84], на 2 и 3 месяца [0,87]), что дополнительно указывает на опережающие свойства индикатора опросов.

Например, статистическое управление Нидерландов для проверки возможности применения опережающих индикаторов для выделения бизнес-циклов эталонного ряда использует следующий критерий: значение корреляции между базовым циклом и проверяемым показателем должно быть больше или равно 0,7 [Wekker, 2017]. Ниже построены трейсеры бизнес-цикла на основе трендового подхода, показаны последние два года доступных данных в исследовании (сентябрь 2021 — август 2023 г.) (рис. 5).

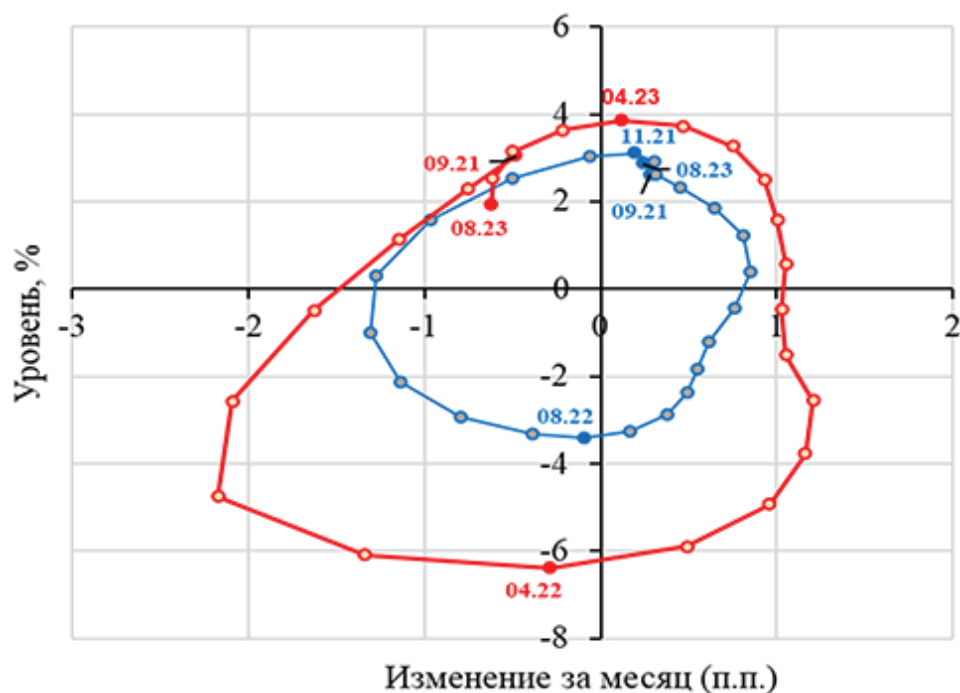

Рис. 5. Трейсер бизнес-циклов обрабатывающих производств на основе статистики по выпуску (синий) и опросов (красный) на основе трендового подхода (сен. 2021 — авг. 2023 гг.)

Источник: рассчитано авторами на данных Росстата и Банка России.

Можно увидеть, что применение трендового подхода позволяет довольно чётко выделять фазы деловых циклов, а также поворотные точки при использовании как данных статистики так и опросов предприятий. Стоит отметить плавное движение линии без резких скачков, которая проходит через все квадранты, что позволяет легко определять переход из одной фазы цикла в другую. Мы считаем, что подобная визуализация является весьма доступной для понимания и интерпретации, в том числе для широкой аудитории пользователей.

Второй подход (приростной)

Для демонстрации приростного подхода мы использовали годовые темпы прироста в скользящем трехмесячном окне, это обусловлено тем, что без усреднения данные более волатильны. Это приводит к более скачкообразной динамике линии на трейсере, а усреднение за более длинный период будет носить запаздывающий характер (рис. 6 и 7).

Установлено, что данные опросов несколько опережают данные статистики. Максимальные коэффициенты корреляции достигаются при лаге на 1–2 месяца и равны 0,83 (без лагов [0,75], с лагом на 1 и 2 месяца [0,83], на 3 месяца [0,78]). Ниже продемонстрированы трейсеры бизнес-цикла на основе приростного подхода (рис. 8).

Рис. 6. Сравнение динамики годовых темпов прироста индекса производства и отклонений от тренда выпуска обрабатывающей промышленности (январь 2008 — август 2023 г.)

Источник: рассчитано авторами на данных Росстата.

Рис. 7. Динамика годовых темпов прироста индекса производства и индикатора бизнес-климата Банка России, скользящее значение за 3 месяца, % (январь 2007 — август 2023 г.)

Источник: рассчитано авторами на данных Росстата и Банка России.

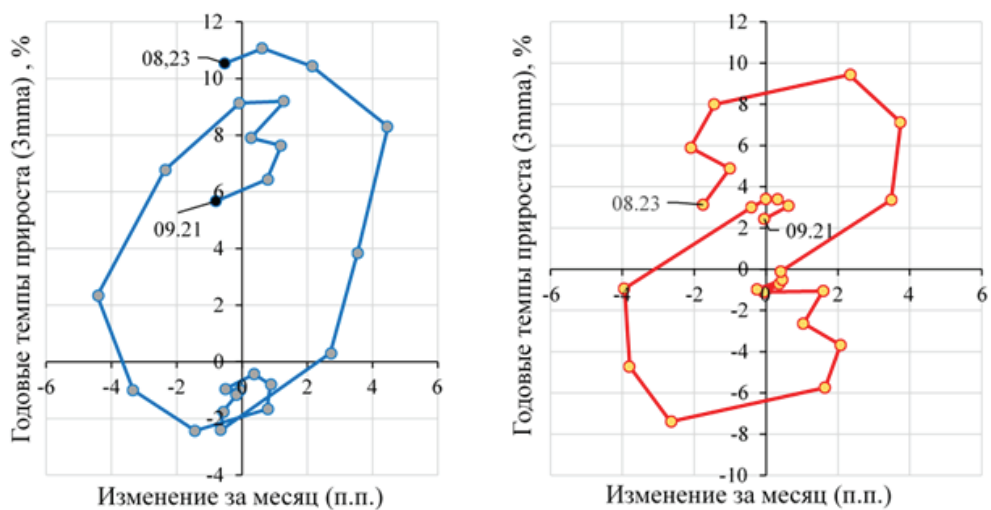

Рис. 8. Трейсер бизнес-циклов обрабатывающих производств на основе статистики по выпуску (синий) и опросов (красный) на основе приростного подхода (сентябрь 2021 — август 2023 г.)

Источник: рассчитано авторами на данных Росстата и Банка России.

Из рис. 8 видно, хотя фазы делового цикла при помощи данного подхода определить возможно, но возле пограничных значений могут возникать случаи скачков из одного квадранта в другой и обратно. Такая картина наблюдалась и при усреднении на более длинные периоды (за 6 и 12 месяцев). Если же значения удаляются от пограничных значений, то картина становится довольно ясной. Однако такая возможная скачкообразная динамика может вводить в заблуждение, а также снижать привлекательность использования трейсера как простого инструмента определения фаз бизнес-циклов. Поэтому при использовании данного подхода следует рассмотреть возможность дополнительных процедур сглаживания рядов.

Третий подход (факт-ожидания)

Для иллюстрации подхода «факт-ожидания» использовались данные опросов Банка России о текущих оценках (индикатор бизнес-климата [факт]) и ожиданиях (индикатор бизнес-климата [ожидания]) фирм на 3 месяца вперёд в области производства и спроса (рис. 9). Они также прошли двухшаговую фильтрацию фильтром Ходрика–Прескотта.

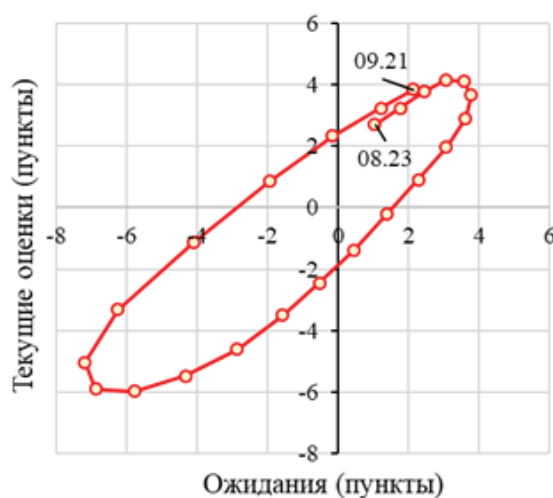

Рис. 9. Трейсер бизнес-циклов обрабатывающих производств на основе опросов в зависимости от текущих оценок и ожиданий предприятий (сен. 2021 — авг. 2023 г.)

Источник: рассчитано авторами на данных Банка России.

Данный подход в основном позволяет определить фазы подъёма (верхний правый квадрант) и спада (нижний левый квадрант), при этом фазы замедления роста и восстановления показатель проходит довольно быстро. В литературе этот подход также подвергается критике, причём называют следующие проблемы:

- ограниченная предсказуемость будущего развития экономики, которая отражается в довольно коротком горизонте надёжных прогнозов и, соответственно, ожиданий. Поэтому такое представление ограничивается тем, находятся ли текущие оценки и ожидания выше или ниже своих трендовых (или многолетних средних) значений;
- квадранты графика задаются на специальной основе (через текущие оценки и ожидания, а не от уровней и изменений), что не в полной мере соответствует фазам цикла [Gayer, 2007].

В качестве альтернативы результатам опросов можно сопоставить текущие данные о выпуске в обрабатывающей промышленности с общим объёмом заказов на поставку продукции в последующие периоды. Заказы формируются на основе заключённых в отчётный и прошлые периоды договоров, независимо от срока их исполнения, за вычетом выполненных и аннулированных договоров. Общий объём заказов размещается в номинальном выражении, поэтому мы его скорректировали с учётом динамики цен производителей

промышленной продукции этой отрасли. В качестве примера указана динамика показателей со скользящими трехмесячными значениями годовых темпов прироста (рис. 10–11).

Рис. 10. Индекс производства и общий объём заказов на поставку продукции в последующие периоды, темпы прироста год к году, % (скользящ. за 3 мес.)
 Источник: рассчитано авторами на данных Росстата.

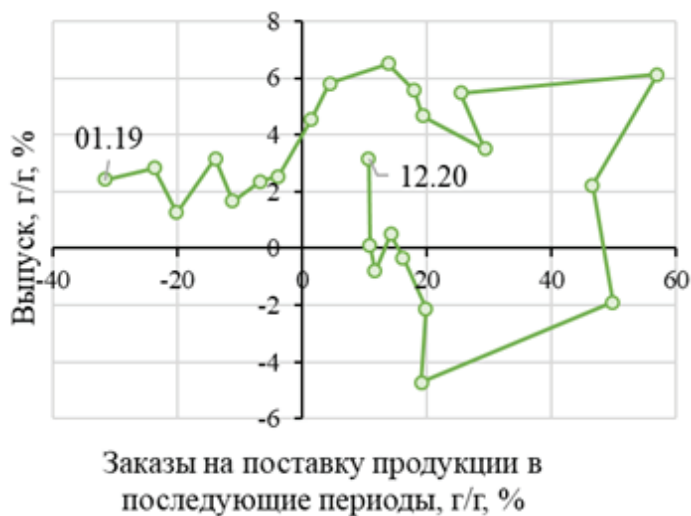

Рис. 11. Трейсер бизнес-циклов обрабатывающих производств на основе статистики по выпуску и общему объёму заказов на поставку продукции в последующие периоды, темпы прироста год к году, % (скользящ. за 3 мес.) (январь 2019 — декабрь 2020)
 Источник: рассчитано авторами на данных Росстата.

На рис. 11 показан пример за период январь 2019 — декабрь 2020 г., когда трейсер в данной интерпретации ведёт себя неестественно, он никак не определяет фазу ускорения спада, а также переходит из фазы ускорения роста сразу в фазу замедления падения, что не соответствует логике деловых циклов. Исходя из этого, мы считаем третий подход неприемлемым для построения трейсера бизнес-циклов.

Выводы

В данной статье на основе изученного опыта были выделены и протестированы три подхода для построения трейсера бизнес-циклов на примере обрабатывающей промышленности России:

1) первый подход (трендовый) основывается на определении фазы делового цикла, исходя из того, находится ли цикл выше или ниже долгосрочного тренда, и увеличивается ли он или уменьшается. Этот подход с плавной динамикой показателя по всем квадрантам трейсера даёт возможность чётко определять фазы и поворотные точки бизнес-цикла. Для демонстрации подхода использовались деловые циклы, выделенные из данных о динамике выпуска (статистика) и индекса бизнес-климата Банка России (опросы). Стоит отметить, что индекс бизнес-климата Банка России имеет опережающие свойства по отношению к статистике и позволяет определять динамику циклов на 2–3 месяца раньше;

2) второй (приростной) — находятся ли темпы прироста выше нуля, а также растут они или снижаются по сравнению с соседним временным интервалом. Этот подход, хотя и позволяет выделять фазы делового цикла, однако имеет некоторые недостатки: возле пограничных значений часто могут возникать случаи скачков из одного квадранта в другой и обратно, что затрудняет анализ. Здесь также было показано, что данные опросов (индекс бизнес-климата Банка России) опережают данные статистики (на 1–2 месяца);

3) третий (факт-ожидания) — находятся ли оценки о текущей ситуации и ожидания выше или ниже нуля (или трендового значения, многолетнего среднего и т.д.). Дополнительно проверена возможность использования данных статистики о текущем выпуске и объёме заказов на поставку в будущие периоды. В целом третий подход оказался неприемлемым для построения трейсера, поскольку он не позволяет в полной мере выделить все фазы делового цикла, а также может иметь несоответствующую общей логике бизнес-циклов динамику.

Таким образом, рекомендуется применять первый подход в качестве основного для построения трейсера бизнес-циклов, второй подход как дополнительный, а также использовать данные опросов предприятий (индекс бизнес-климата Банка России) как опережающих индикаторов деловых циклов.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Банк России (2022). *Мониторинг нефинансовых предприятий: методология Банка России* [Bank of Russia (2022). Monitoring of non-financial enterprises: methodology of the Bank of Russia]. https://www.cbr.ru/Content/Document/File/130872/mm_br.pdf (дата обращения 10.10.2023).
- Банк России (2023). *Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2024 г. и период 2025 и 2026 гг.* [Bank of Russia (2023). The main directions of the unified state monetary policy for 2024 and the period 2025 and 2026.]. https://cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2024_2026/ (дата обращения 05.11.2023).
- Грачёв Г.А. (2014). Выделение и оценка параметров деловых циклов российской экономики [Grachev G.A. (2014). Selection and estimation of parameters of business cycles of Russian economy] // *Terra Economicus*. №2. С. 12–21.
- Доманина А.О. (2015). Деловые циклы и их основные характеристики [Domaniina A.O. (2015). Business cycles and their main characteristics] // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. №3. С. 183–192.
- ИЭН ВШЭ — Индекс экономического настроения (2023) / Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики. [Economic Sentiment Index (2023) / National Research University Higher School of Economics]. <https://www.hse.ru/monitoring/buscl/bl5?ysclid=lpkz2xs9yp509237883> (дата обращения 10.10.2023).
- Китрар Л.А., Липкин Т.М. (2020). Анализ взаимосвязи индикатора экономических настроений и роста ВВП [Kitrar L.A., Lipkind T.M. (2020). Analysis of the relationship between the Economic Sentiment Indicator and GDP growth] // *Экономическая политика*. №15 (6). С. 8–41.

- Китрар Л.А., Липкинд Т.М., Остапкович Г.В. (2018). Новый Индекс делового климата в обрабатывающей промышленности России [Kitrar L.A., Lipkind T.M., Ostapkovich G.V. (2018). A new Business Climate Index in the Russian manufacturing] // *Вопросы статистики*. Т. 25. № 8. С. 15–24.
- Макаревич А., Малюгин В. (2018). Сравнительный анализ фильтров Ходрика — Прескотта и Хамильтона при оценивании поворотных точек бизнес-цикла белорусской экономики [Makarevich A., Malugin V. (2018). A comparative analysis of the Hodrick — Prescott and Hamilton Filters for business cycle turning points estimation for the Belarusian economy] // *Банкаўскі веснік (Банковский вестник)*. № 8/661. С. 49–56.
- Малюгин В., Крук Д., Милевский П. (2019). Индекс экономических настроений белорусской экономики: методические, модельные и программные средства [Malugin V., Kruk D., Milevsky P. (2019). The Economic Sentiment Index of the Belarusian economy: methodical, modeling and software tools] // *Исследования банка* № 16. 31 с. / Национальный банк Республики Беларусь.
- Покидченко М.Г. (2017). Существует ли экономический цикл? [Pokidchenko M.G. (2017). Is there an economic cycle?] // *Вопросы теоретической экономики*. №1. С. 66–73.
- Ребело С. (2010). Модели реальных деловых циклов: прошлое, настоящее и будущее [Rebello S. (2010). Real Business Cycle Models: Past, Present, and Future] // *Вопросы экономики*. № 10. С. 56–67.
- Тупчиенко В.А., Кривоцова М.К. (2014). Ключевые теории экономического цикла [Turchienko V.A., Krivtsova M.K. (2014). Key theories of the economic cycle] // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. №3. С. 2–12.
- Abberger K. (2006). Another Look at the Ifo Business Cycle Clock // *Journal of Business Cycle Measurement and Analysis*. OECD Publishing, Centre for International Research on Economic Tendency Surveys. Vol. 2005(3). Pp. 431–443.
- Abberger K., Nierhaus W. (2011). Ifo Geschäftsklima, Produktion und Ertragslage in der gewerblichen Wirtschaft // *Ifo Schnelldienst, ifo Institute* — Leibniz Institute for Economic Research at the University of Munich. Vol. 64(03). Pp. 21–24 (на немецком яз.).
- Abberger K., Nierhaus W. (2008). How to Define a Recession? // *CESifo Forum*. No. 9. Pp. 74–76.
- Colombo J., Cortes R., Cruz F., Paese L. (2018). Building State-Level Business Cycle Tracer Tools: Evidence from a Large Emerging Economy // *International Journal of Economics and Finance*. DOI: 10.5539/ijef.v10n5p14.
- Gayer C. (2007). Report: The Economic Climate Tracer. A tool to visualise the cyclical stance of the economy using survey data // *European Commission, Directorate General for Economic and Financial Affairs*. Economic_Climate_Tracer.doc (europa.eu) (access date: 10.10.2023).
- Gyomai G., Guidetti E. (2008). OECD system of composite leading indicators // *Organisation for Economic Co-Operation and Development* (OECD). URL: <https://pdf4pro.com/view/oecd-system-of-composite-leading-indicators-560fd1.html> (access date: 10.10.2023).
- Korotayev A.V., Tsirel S.V. (2010). A Spectral Analysis of World GDP Dynamics: Kondratieff Waves, Kuznets Swings, Juglar and Kitchin Cycles in Global Economic Development, and the 2008–2009 Economic Crisis // *Structure and Dynamics*. Vol. 4 No. 1. DOI: 10.5070/SD941003306.
- Lehmann R. (2022). The Forecasting Power of the ifo Business Survey // *Journal of Business Cycle Research*. Vol. 19. Pp. 1–52. DOI: 10.1007/s41549-022-00079-5.
- Ruth F., Schouten B., Wekker R. (2005). *The Statistics Netherlands' Business Cycle Tracer*. Methodological aspects; concept, cycle computation and indicator selection Methodological aspects; concept, cycle computation and indicator selection (cbs.nl) (access date: 10.10.2023).
- Wekker R. (2017). A Business Cycle Tracer for Small and Medium Sized Enterprises // *The United Nations Economic Commission for Europe* (UNECE). https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.42/2017/Seminar/UN_conference_paper_BCT_Dutch_SME.pdf (access date: 10.10.2023).
- Wohlraube K., Wollmershäuser T. (2021). Two New Analysis Tools for the ifo Business Survey: The New ifo Business Cycle Clock and the ifo Heatmap // *Ifo Schnelldienst, ifo Institute* — Leibniz Institute for Economic Research at the University of Munich. Vol. 74. No. 03. Pp. 51–55.

Щербаков Василий Сергеевич

shcherbakovvs@mail.ru

Vasilii Shcherbakov

Ph.D. (economics), head of economic department Omsk Regional Division of the Siberian Main Branch of the Central Bank of the Russian Federation; docent, Dostoevsky Omsk State University

shcherbakovvs@mail.ru

Гартвич Роман Евгеньевич

gartvich.roma@mail.ru

Roman Gartvich

postgraduate student, Dostoevsky Omsk State University; Lead Economist of the Omsk Region Branch of the Siberian Main Directorate of the Central Bank of the Russian Federation

gartvich.roma@mail.ru

APPROACHES TO BUILDING A BUSINESS CYCLE TRACER BASED ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN MANUFACTURING INDUSTRY

Abstract. The importance of studying business cycles is determined by the scale of their impact on the economy and society, which leads to the need to develop methods to counteract their negative impact. Given the complexity of the topic and the many theories and debates in the field, there is a need for a simple tool to present business cycle information in an intuitive way for a wide audience. Such a tool is a business cycle tracer. This article is devoted to testing the possibility of using three approaches for its construction: the first (trend approach) is based on information whether the cycle is above or below the long-term trend, and whether it is increasing or decreasing; the second (growth rate approach) is whether the growth rates are above zero, and they are growing or decreasing compared to the neighboring time period; the third (fact-expectation approach) is whether estimates of the current situation and expectations are above or below zero (trend, long-term average, etc.). The work used data on the dynamics of output, the volume of future orders and the results of surveys of the manufacturing industry. The article shows that the first approach works best and allows you to clearly define the phases and turning points of the business cycle. The second approach makes it possible to identify phases of the business cycle, but has some disadvantages: jumps in the series from one quadrant to another and back near the boundary values occur, which complicates the analysis. The third approach is not acceptable for constructing a tracer, since it does not allow us to fully identify all phases of the business cycle and may have dynamics that do not correspond to the general logic of business cycles. The article also demonstrates the high relationship between the business cycles of the manufacturing industry and the business climate indicator of the Bank of Russia (data from business surveys of enterprises), indicating a change in the dynamics of the business cycle with 1–3 months ahead of statistics. Given the faster publication of survey results than statistical data, it can be used as a leading indicator.

Keywords: *business cycles, business cycle tracer, short-term fluctuations, business surveys, leading indicators, business climate indicator, manufacturing industry.*

ИСТОРИЯ МЫСЛИ

Г.Д. Гловели

д.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

М.С. Зайцева

студентка, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Е.А. Минаева

студентка, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

КОНЦЕПЦИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ РЕВОЛЮЦИЙ: ВКЛАД Н. ВИНЕРА И А.И. АНЧИШКИНА

Аннотация. Статья рассматривает концепции двух промышленных революций основателя кибернетики Н. Винера и трёх промышленных революций основателя российской школы макроэкономического прогнозирования академика А.И. Анчишкина в контексте эволюции экономических концепций второй промышленной революции и научно-технической революции (НТР). Выявлено смещение смысла концепции второй промышленной революции — от реформистского синонима НТР к ретроспективной характеристике глобальных сдвигов в технологиях и мировой экономике во второй половине XIX — начале XX вв. Отдельное внимание уделено инфраструктурным аспектам второй промышленной революции; подчеркнут вклад в их осмысление российского политэконома А.И. Чупрова и основателя неоклассики А. Маршалла.

Ключевые слова: *первая промышленная революция, вторая промышленная революция, научно-техническая революция, Всемирные промышленные выставки, инфраструктура.*

JEL: A12, B 20, B24, B31, B40, N10, F60, O33

УДК: 330.836, 338(091)

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_86_102

© Г.Д. Гловели, М.С. Зайцева, Е.А. Минаева, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Гловели Г.Д., Зайцева М.С., Минаева Е.А. Концепция промышленных революций: вклад Н. Винера и А.И. Анчишкина // Вопросы теоретической экономики. 2024. №2. С. 86–102. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_86_102.*

FOR CITATION: *Gloveli G., Zaitseva M., Minaeva E. The Concept of Industrial Revolutions: the Contribution of N. Wiener and A.I. Anchishkin // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 2. Pp. 86–102. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_86_102.*

Введение

Растущее число исследований и публикаций, посвящённых проблемам четвёртой промышленной революции, или Индустрии 4.0., включает в себя и работы, затрагивающие тему предшествующих промышленных революций. Однако в этих работах заметны два пробела. Во-первых, даже авторы, специально обращавшиеся к истории «второй промышленной революции» [Гловели, 2013; Зубков, 2014; Худокормов, 2022], не уделили внимание историческому парадоксу двух не совпадающих по времени и содержанию значений этого

термина, из которых одно — ретроспективное — в итоге вытеснило другое, подразумевавшееся основателем кибернетики Норбертом Винером (1897–1964) и рядом его современников. Во-вторых, в обозрениях промышленных революций — от первой, осмысление которой начали политэкономы середины XIX в., до четвёртой, провозвещённой во втором десятилетии нашего века [Шваб, 2017], обходится вниманием стройная концепция трёх промышленных революций, представленная известным советским экономистом, основателем и первым директором Института экономики и прогнозирования научно-технического прогресса АН СССР (ныне — Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН) Александром Ивановичем Анчишкиным (1933–1987) в его итоговом труде «Наука. Техника. Экономика» [Анчишкин, 1989]. Цель данной статьи — заполнить отмеченные пробелы.

Н. Винер и разные концепции второй промышленной революции

На переломе XX столетия стал очевиден переход научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок в новое качество: с концентрацией исследований в наукоёмких отраслях промышленности, перемещением акцента из университетских и академических центров непосредственно в лаборатории на крупных промышленных предприятиях и одновременно с активным вмешательством государства, которое приняло на себя роль гаранта технологического прогресса, обязуясь контролировать фундаментальные и прикладные исследования на границе технологического знания [Van der Bee, 1994. С. 124, 127, 184]. В подтверждение лозунга «Наука — бесконечный фронт» [Bush, 1945], провозглашённого председателем Управления научных исследований и разработок США Вэниваром Бушем (1890–1974), время после окончания Второй мировой войны было отмечено не только «атомной дипломатией» и гроздьями инноваций на основе открытий предвоенного и военного периода в области транспорта, электроники, химии, фармацевтики и т.д. [Van der Bee, 1994. С. 140], но и новыми прорывами в фундаментальной науке — от математической теории информации до молекулярной биологии. Среди этих прорывов было и основание кибернетики Н. Винером, чей главный труд вышел в 1948 г., а спустя два года — новый трактат «Человеческое использование человеческих существ. Кибернетика и общество», в котором Винер отдельную главу посвятил «первой и второй промышленным революциям» [Винер, 1959. С. 140].

Начало первой промышленной революции основатель кибернетики отсчитывал от изобретения паровой машины, рождённого применением точности техники изготовления часов к более обширной области. Важнейшими последствиями стали оснащение машино-двигателями крупных текстильных фабрик, урбанизация, появление машиностроения и парового транспорта, а более отдалённым продолжением — переход от механических систем к электрическим. Кульминацией этого перехода Винер считал изобретение электронной лампы и расширение её использования вплоть до прямого соединения с рабочей машиной [Там же. С. 150].

Ключевое явление второй промышленной революции Винер определил как переход к фабрикам, оснащённым электронно-ламповыми быстродействующими счётно-решающими устройствами, обеспечивающими распространение на систему машин «идеи программирования на фабрике», апробированной в управлении трудом основателями научного менеджмента Ф.У. Тэйлором и супругами Джилбрет [Там же. С. 155]. «Величайшие цивилизаторские возможности» инновации автоматического управления Винер усматривал в сокращении в сотни раз «расстояния от законов природы до их использования» и в передаче конструкции машин, соединённых цепями, из распоряжения квалифицированного рабочего мастерских в ведение научно-исследовательского работника лабораторий. «Промышленная революция до настоящего времени шла по линии замены человека

и животного как источника энергии машинами, не затрачивая в какой-либо значительной степени другие человеческие функции»; развитие автоматизации несёт замену многих функций умственного труда, будучи «одним из величайших факторов, обуславливающих социальную и техническую жизнь грядущего века» [Там же].

В завершении сжатого перечня технических новшеств, революционизировавших жизнь общества в течение XIX и XX вв., Винер наряду с электронной лампой назвал атомную бомбу. При этом он ограничился замечанием, что использование атомной энергии для создания бомб заслонило перспективы использования атомной энергии в целях замены невозобновляемого минерального топлива [Там же. С. 56, 166]. Некоторые из его европейских современников, такие, как экономист и профсоюзный активист Фриц Штернберг (1895–1963) и радиотехник и политик Лео Брандт (1908–1971), рассматривали мирную атомную энергетику вместе с автоматизацией производства как ключевые факторы новой или второй промышленной революции, способствующей реформистскому разрешению экономических противоречий капитализма [Brandt, 1957. Sternberg, 1959]. Оба названных теоретика были деятелями СДПГ; кроме того, Штернберг сотрудничал с социал-демократической партией Австрии, а Брандт, будучи госсекретарём федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия, стал инициатором создания центра ядерных исследований в г. Юлих (1957).

На атомной энергетике и автоматизации как двух великих достижениях XX в., знаменующих новую — вторую, или скорее, третью, крупную промышленную революцию» [Бернал, 1956. С. 387], фокусировал своё внимание и Джон Десмонд Бернал (1894–1971), член Лондонского Королевского общества, именитый физик, кристаллограф и микробиолог [Храмов, 1983. С. 30] и одновременно — социолог-марксист, основоположник социальной истории науки и технологий. Новую промышленную революцию Бернал считал более точным называть «научно-промышленной» или «научно-технической» [Бернал, 1960. С. 70, 217–218], отводя в ней видное место кибернетике и «плановым научным исследованиям» [Там же. С. 423, 387]. Составленная Берналом блок-схема социально-исторического взаимодействия науки и техники в итоге охватывала понимание Вселенной, атомную энергетику, автоматизацию производства, созидательную химию, предупредительную медицину и высокопродуктивное сельское хозяйство [Там же. С.694-695].

Бернал, избранный в конце 1950-х гг. иностранным членом Академии наук СССР и президентом-исполнителем Всемирного Совета мира, приняв «развенчание Сталина» [Там же. С. 616], остался марксистом и приверженцем плановой экономики, способствовал массовому распространению в экономической мысли (да и в целом в общественном сознании) СССР категории «научно-техническая революция» (НТР). Она внедрялась в контексте, с одной стороны, установки на «создание материально-технической базы коммунизма» [Хейнман, 1962], с другой стороны, рамок исследования на «новом этапе» противоречий между производительными силами и производственными отношениями при «государственно-монополистическом капитализме» [Гаузнер, Рубинштейн, 1971]. Возможность кибернетической оптимизации управления на всех уровнях от отдельного технического агрегата до народного хозяйства в целом рассматривалась как реализация преимуществ социалистического способа производства при его перерастании в коммунизм [Китов, 1961. С. 204].

В принятой XXII съездом КПСС третьей программе партии указывалось, что «получает широкое применение кибернетика, электронные счётно-решающие устройства в производительных процессах промышленности, строительной индустрии и транспорта, в научных исследованиях, в плановых и проектно-конструкторских расчётах, в сфере учёта и управления» [Программа КПСС, 1961. С. 71]. Одновременно как советские идеологи, так и Дж. Бернал придавали большое значение химическому синтезу в промышленных масштабах материалов, заменяющих природные продукты и более совершенных, «чтобы они приобрели желательные для нас свойства» [Бернал, 1956. С. 453; Маслов, 2023. С. 79].

Президент Академии наук СССР в 1950-е гг. А.Н. Несмеянов, говоря о революционизирующем влиянии технического прогресса на экономику, особо выделял возникновение атомной энергетики, создание полупроводниковых радиотехнических и фотоэлектрических приборов и быстродействующих электронно-вычислительных машин, продукцию много-тоннажного производства на основе химии элементоорганических соединений [Несмеянов, 1956. С. 375–376].

Дж. Бернал подчёркивал, что электрическая и химическая отрасли являются творениями науки, пропитавшей современную промышленность, и собрал обширный исторический материал о том, как «превращение чисто научного комплекса опытов в промышленность крупного масштаба» породило такие технологии, как электрические машины и средства связи, производство синтетических красителей и лекарств, а также способы выплавки дешёвой стали [Бернал, 1956. С. 334, 343, 352–355]. Этот материал давал основания для ретроспективного смещения «второй» промышленной революции — в отличие от «третьей», «научно-технической», — во вторую половину XIX — начало XX вв. Но ни сам Бернал, ни его советские последователи такого вывода не сделали.

Советские политэкономы сосредоточились на научно-технической революции (НТР) как современном этапе исторически более широкого феномена научно-технического прогресса, а концепции второй промышленной революции расценили как буржуазно-реформистское истолкование НТР [Камаев, 1979. С. 40, 42]. В западной же литературе, где в 1960-е гг. вопрос о «кибернетической революции» стал дебатироваться скорее в футурологическом аспекте [Diebold, 1966. Р. 8], концепция второй промышленной революции приобрела иные очертания, чем у Н. Винера и германских социал-демократов. А именно: как ретроспективная картина технологических и связанных с ними глобальных социально-экономических и политических сдвигов во второй половине XIX — начале XX вв.

Историко-экономические концепции второй промышленной революции

На разработку ретроспективной концепции второй промышленной революции воздействовал возросший интерес учёных второй половины XX в. к мировому процессу индустриализации в целом и к начавшей этот процесс британской промышленной революции. Разнообразные исследования включали такие аспекты, как отношение А. Смита и социалистов к промышленной революции, изменения жизненных стандартов во время неё, стадии экономического роста, последствия и «преимущества» промышленной отсталости, смена лидеров промышленного роста и его продолжение в империализме западных держав, сравнительная динамика цивилизаций и т.д.

С конца 1950-х гг. хронологические рамки второй промышленной революции стали относить к периоду 1850–1914 гг. Такая трактовка окончательно закрепилась в историко-экономической литературе после выхода в 1969 г. книги гарвардского профессора Д. Лэндеса (1924–2013) «Раскованный Прометей: технологические изменения и промышленное развитие в Западной Европе с 1750 г. до настоящего времени» (вопреки заглавию, книга охватывала и опыт США).

Д. Лэндес не упоминал Н. Винера, однако повторял «отца кибернетики» в акценте на особое значение изобретения электронной лампы (диода [1904] — англичанином Дж. А.Флемингом и триода [1907] североамериканцем Л. де Форестом) [Landes, 1969. Р. 425]. Но если в понимании Винера даже не внедрение, а последующее усовершенствование электронных ламп было отправным пунктом «второй промышленной революции» середины XX в. [Винер, 1959. С. 140], то в трактовке Лэндеса изобретение диода и триода стало одним из завершающих событий «второй промышленной революции», приходящейся на 1850–

1914 г. Хотя это было таким событием, революционные последствия которого сказались позднее в разнообразии электронной промышленности: «радио, радары, записывающие устройства, компьютеры, автоматизированные системы управления, телевидение и так далее — список продолжает расти» [Landes, 1969. P. 425].

В целом же для характеристики смещённой в прошлое второй промышленной революции Лэндес воспользовался тогда ещё не снискавшей популярности шумпетеровской категорией кластера инноваций: электроэнергетика и электродвигатели, органическая химия и синтетика, двигатели внутреннего сгорания и автомобильные устройства, прецизионное машиностроение и сборочные линии [Там же. P. 235]. В перечень важнейших инноваций Лэндес включил конвертерный и мартеновский способы выплавки дешёвой литой стали, промышленное использование электричества, газовые двигатели, искусственные красители на основе каменноугольных смол и сольвеевский процесс получения аммиака [Там же. P. 196].

Лэндес и его предшественники в разработке ретроспективной концепции второй промышленной революции уделили внимание не только технологическим, но и институциональным изменениям, придавшим с 1850-х гг. ускорение темпам промышленного развития западных стран. К этому времени страны Западной Европы разорвали узы традиций и избавились от бремени феодальных институтов, а благодаря железным дорогам подошли к устранению естественных препятствий для торговли и перемещения факторов производства. В течение всех десятилетий второй промышленной революции на расширение и уплотнение железнодорожных сетей была направлена значительная часть промышленной энергии. Но железнодорожное строительство потребовало распоряжения большими суммами капитала, что привело к распространению акционерных обществ с ограниченной ответственностью. Проявив свои преимущества в железнодорожной отрасли, корпоративная форма организации бизнеса распространилась на ведущие отрасли промышленной революции — сталелитейную, электрическую, химическую, нефтяную — и развила консолидацию коммерческих фирм до монополий нового типа — картелей, амальгамаций, трастов, холдингов. На первый план в крупном бизнесе выдвинулся особый класс посредников — инвестиционных банкиров, чья функция первоначально заключалась лишь в содействии покупке и продаже корпоративных ценных бумаг.

Наконец, вторая промышленная революция, умножив энергетические ресурсы и количество производимой стали, тоннаж и скорости торговых и военных флотов западного мира, обеспечила Европе, родине западной цивилизации, вершину могущества и влияния, стала экономической основой «нового» империализма, пристально (и пристрастно) изучавшегося европейскими социалистами.

В развитие концепции второй промышленной революции весомый вклад внесли и учёные, самого термина не употреблявшие. Среди них — автор фундаментального трактата «Восхождение Запада» (1963) чикагский историк-диффузионист Уильям Мак-Нил (1917–2016). Он акцентировал связь между пиком могущества и влияния, достигнутого после 1850 г. индустриальной Западной Европой, и разрушением традиционного порядка величайших цивилизаций Азии [Мак-Нил, 2004. С. 932]. Что касается технологической основы второй промышленной революции (и западной экспансии), то особое внимание чикагский профессор обратил на расширение масштаба и диапазона применения промышленных материалов, а также институционализацию систематической связи между изобретательством, опирающимся на точное естествознание, и массовым фабричным производством.

Уголь и железо сохранили главенствующее положение среди минеральных промышленных ресурсов при фундаментальном расширении диапазона применения того и другого. Уголь стал не только важнейшим топливом, но и ценным сырьём; смолы, получаемые при его перегонке, стало возможным превращать в такие разные продукты, как синтети-

ческие красители, аспирин, взрывчатые вещества. Удешевление и наращивание производства стали сопровождалось созданием (благодаря добавкам различных цветных металлов) специальных сталей с повышенной твёрдостью, гибкостью, коррозоустойчивостью и т.д. [Там же. С. 944–946].

Диапазон используемых средств производства расширился благодаря не только увеличению размеров домен, энергосиловых установок (вплоть до электростанций), транспортных средств (локомотивов, пароходов), но и направленным действиям с микрочастицами и невидимыми волнами. «Если стационарный паровой двигатель с громоздкими шатунами, клапанами, грохочущими движущимися частями и клубами пара и дыма был механическим архетипом первой стадии современного индустриализма, “машина”, в которой причина действия не улавливалась чувствами человека, — радио, трансформатор, электролитическая ванна, фотопластинка или электрическая печь, — стала символом второй стадии» [Там же. 2004. С. 945].

Отличительным признаком «второй стадии современного индустриализма» Мак-Нил считал переход мирового промышленного лидерства от Британии к США и Германии, причём именно Германии отводил пионерную роль в институционализации технических изобретений посредством установления надёжной связи между профессионализированной наукой и массовым фабричным производством. Германские химические и электрические компании достигли мирового лидерства благодаря промышленным исследовательским лабораториям, где работали специалисты с университетским образованием, а их эксперименты воспринимались как постоянная составляющая предприятия [Там же. С. 948].

Стоит, однако, уточнить, что если мировое первенство крупной германской химической промышленности, наглядно выражавшее прикладные достижения германской «научной империи», было до 1914 г. неоспоримым, то в других новых отраслях, сформированных второй промышленной революцией, включая электротехнику и электроэнергетику, тон стали задавать США. Лабораторные комплексы, созданные «изобретателем № 1» Т.А. Эдисоном стали впечатляющим примером генерирования того, что век спустя экономист-шумпетерианец Г. Менш назовёт «улучшающими инновациями» [Mensch, 1979. P. 47]. Эдисон и собранные им команды в исследовательских лабораториях в Нью-Арке, Менло-Парке и Уэст-Ориндже, принимая заказы на изобретения, занимались не столько разработкой новых, сколько усовершенствованием имеющихся инновационных продуктов — от передатчика для телефонного аппарата и ламп накаливания до киноаппаратуры [De Graaf, 2013. С. 110–134].

Генерирование инноваций второй промышленной революции, подготовленных развитием точного естествознания (особенно термодинамики, электромагнитной теории, химии), опиралось не только на механическую изобретательность янки и германскую систематичность в приложении научных теорий, но и на спецификацию прав собственности в патентном законодательстве, включая международные соглашения по охране промышленной собственности, принятые во время конгрессов на Всемирных промышленных выставках [Гловели, 2013. С. 111].

Концепция трёх промышленных революций А.И. Анчишкина

Вследствие идеологической инерции о «построении материально-технической базы коммунизма» в СССР продолжали писать и тогда, когда остались позади высокие темпы промышленного роста и мечты о приближении к доле США в мировой промышленности. Но с начала 1970-х гг. большее распространение получили декларации об органическом соединении «достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства» [Материалы XXIV съезда КПСС, 1971. С. 57]. В советской

политэкономии основой преимуществ социализма в использовании достижений НТР считались возможности централизованного планирования прогресса науки и техники, предвидения социально-экономических последствий НТР и сознательного воздействия на них. Анализ вариантов такого воздействия стал предметом нового направления плановых разработок — прогнозов научно-технического прогресса с учётом всех наиболее эффективных его направлений.

Обоснование методов прогнозирования научно-технического прогресса заняло центральное место в исследованиях А.И. Анчишкина, руководившего сначала сектором методики народнохозяйственных прогнозов и сводных расчетов НИЭИ, затем отделом народнохозяйственного прогнозирования ЦЭМИ АН СССР (1971–1985) и, наконец, новым Институтом экономики и прогнозирования (НТП) АН СССР. Примечательно, что научная деятельность Анчишкина началась в конце 1950-х годов, когда в СССР были опубликованы переводы книг Н. Винера «Кибернетика» и «Кибернетика и общество» и главный труд будущего Нобелевского лауреата Л.В. Канторовича «Экономический расчёт наилучшего использования ресурсов». Тогда же (1959/60 учебный год) на экономическом факультете Ленинградского университета было создано учебное отделение экономической кибернетики и организован VI курс, куратором которого был Л.В. Канторович, читавший предмет «Поиск оптимальных решений в рамках плановой системы управления». Среди получивших на этом курсе математическую подготовку выпускников экономических факультетов ЛГУ и МГУ и работников ряда НИИ были и молодые сотрудники НИЭИ Госплана СССР, включая Александра Анчишкина [Белых, 2024. С. 95. Швырков, 2013. С. 73–74].

Дальнейший творческий путь А.И. Анчишкина был связан с реализацией выпестованной в НИЭИ Госплана идеей, что научно обоснованное народнохозяйственное планирование должно опираться на научно-техническое прогнозирование, выраженное в экономических показателях. Актуализация методов отражения НТП в экономических прогнозах привела к масштабной работе в 1974–1983 гг. по подготовке Комплексной программы научно-технического прогресса СССР (КП НТП) сначала до 1990 г., затем до 2000 и 2005 гг., а также Комплексной программы научно-технического прогресса стран — членов СЭВ до 2000 года (1985). Сводные тома Программы формировались непосредственно под руководством А.И. Анчишкина [Клепач, Куранов, 2013. С. 144–148].

Организация междисциплинарных работ по Комплексной программе научно-технического прогресса потребовала от А.И. Анчишкина углублённой методологической проработки исследований в области экономики науки, перспектив её развития, взаимодействия её с развитием техники и народнохозяйственной динамикой, изучения процесса технологического роста советской экономики [Ярёменко, 2003. С. 7]. Среди груза методологических задач, взятых на себя Анчишкиным, было и обоснование комплексного подхода к исследованию взаимосвязи и тенденций развития экономического роста и НТП в категориях марксистской политэкономии, подытоженное в монографии «Наука. Техника. Экономика» (1986, 1989. 2-е изд. Далее цитаты по изданию 1989 г.). В этой итоговой работе учёного последовательное рассмотрение взаимосвязи НТП с развитием производительных сил и процессом воспроизводства предпослано анализу внутренней структуры науки и технического прогресса, чтобы затем наметить перспективы совершенствования планирования и управления научно-техническим развитием.

Придавая марксистское обрамление установлению взаимосвязей научно-технических и социально-экономических аспектов развития, автор отмечал, что технический прогресс в определённой мере тождествен структурному совершенствованию производительных сил. Оно происходило как на основе эмпирических знаний, накопленных в практическом опыте, так и на основе науки; в этом втором случае технический прогресс выступал уже как научно-технический, как материализация научных знаний в отдельных

элементах производительных сил. Историческим рубежом между абсолютным господством эмпирической техники и возрастанием роли научной, материализовавшей в себе теоретическое познание природы, стала первая промышленная революция. После неё, обобщая накопленный советскими и зарубежными исследователями междисциплинарный материал, Анчишкин выделил в «довольно пёстрой картине» смены эволюционных периодов и качественных, революционных сдвигов в историческом развитии НТП ещё две промышленные революции. Таким образом, впервые в российской научной литературе была специально выделена — как переломный этап роста производительных сил — вторая промышленная революция конца XIX — начала XX вв. наряду с первой, знаменующей переход к машинному производству и победу капиталистических производственных отношений, и третьей, переросшей в научно-техническую революцию (НТР) [Анчишкин, 1989. С. 180].

Периодизации научно-технического прогресса, основанной на концепции трёх промышленных революций, А.И. Анчишкин посвятил центральную главу монографии, резюмировав развитую им концепцию в таблице, разделённой нами на две (табл. 1, 2).

Таблица 1

Первая и вторая промышленные революции

Элементы научно-технического прогресса	Периоды наибольшей концентрации качественных сдвигов	
	Конец XVIII — начало XIX в. (первая промышленная революция)	Последняя треть XIX — начало XX в. (вторая промышленная революция)
Орудия и средства труда	Возникновение крупного машинного производства	Массовое машиностроение, включая прецизионное
Двигательная сила и энергия	Паровая машина	Электроэнергия, двигатель внутреннего сгорания
Предметы труда	Массовое производство чугуна	Массовое производство литой стали
Транспорт	Железные дороги на паровой тяге, пароход	Дизельные суда, автомобильный и авиационный транспорт
Средства связи и управления	Почтовая связь*	Электросвязь (телеграф, телефон)
Сельское хозяйство и продукты питания	Многопольные системы земледелия, селекция домашнего скота**	Механизация сельского хозяйства, минеральные удобрения
Строительство и стройматериалы	Господство ручного труда, кирпич и дерево	Механизация строительства, цемент и железобетон
Формы организации науки	Индивидуальная научная деятельность	Возникновение отраслевой специализации науки
Образование	Распространение грамотности и возникновение профессионального обучения	Массовое общее и специальное образование

* Стоит добавить семафорный телеграф, изобретённый и внедрённый французами братьями Шапп в 1790-е гг. и распространившийся во всей Европе в первой половине XIX в. [Фролов, 1995. С. 51].

** Важно подчеркнуть, как было сделано в 1909-1911 гг. Н. Огановским и в 1995 г. С. Онищуком, что многопольные системы полеводства с подсевом кормовых культур не только интенсифицировали земледелие, но интегрировали его с продуктивным селекционным животноводством [Гловели, 2009. С. 144–145].

Источник: Анчишкин А.И. Наука. Техника. Экономика. — М.: Экономика, 1989. С. 178.

Таблица 2

Третья промышленная революция (НТР)

Элементы НТП — концентрация качественных сдвигов	
Орудия и средства труда	Комплексная механизация, автоматизация производства
Двигательная сила и энергия	Электрификация производства, атомный реактор, реактивный двигатель
Предметы труда	Качественная металлургия, массовое производство алюминия и пластмасс
Транспорт	Единые транспортные системы, контейнеризация, реактивный транспорт
Средства связи и управления	Радиосвязь и электроника
Сельское хозяйство и продукты питания	Комплексная механизация и химизация, микробиология, начало регулируемая биологических процессов
Строительство и строительные материалы	Использование новых строительных материалов и легких конструкций
Формы организации науки	Превращение науки в индустрию знаний, в отрасль народного хозяйства
Образование	Кратное повышение среднего уровня образования, быстрое развитие высшего образования

Источник: Анчишкин А.И. Наука. Техника. Экономика. — М.: Экономика, 1989. С. 178.

Для Анчишкина было очевидным, что довольно сложно выделить чёткие временные рубежи этапов научно-технического прогресса, поскольку асинхронные научно-технические сдвиги в отдельных сферах и отраслях «наплывают» друг на друга [Там же. С. 176]. Однако учёному удалось достаточно убедительно, опираясь на структурный критерий совершенствования производительных сил, обосновать выделение второй промышленной революции как особого феномена в истории экономики передовых стран, пусть и с несколько условными хронологическими границами (вторая половина или последняя треть XIX в. — начало XX в.).

Принципиальное различие между второй и первой промышленной революциями Анчишкин видел прежде всего в преодолении барьеров жёсткой зависимости производственных технологий от размещения энергетических установок и возможностей механической системы передач. Это оказалось невозможным в рамках заданной первой промышленной революцией траектории совершенствования производительных сил, определяемой процессом распространения паровых двигателей и механических нововведений по отраслям промышленности и транспорта. Переход к мобильным энергетическим установкам требовал повышения КПД использования первичного топлива, чего удалось добиться только с применением электрической энергии и созданием двигателей внутреннего сгорания. В результате технологические процессы приобрели невиданную ранее гибкость и мобильность, что имело особое значение для машиностроения [Там же. С. 186].

Причём, если механические нововведения первой промышленной революции были порождены эмпирической изобретательностью без достаточной научной базы для их понимания, а внедрение паровой машины лишь отчасти имело такую базу, то электрические и химические технологии уже были непосредственными порождениями точного естествознания, показавшего неограниченное богатство своих возможностей в промышленной технике.

Далее, сырьевой базой первой промышленной революции оставались продукты сельского хозяйства, традиционные строительные материалы (дерево, кирпич, камень) и чёрные металлы, получаемые на чисто эмпирической основе [Там же. С. 199]. Первым вторжением науки в совершенствование не только средств, но и предметов труда, было создание искусственных красителей благодаря бурному прогрессу органической химии. Перевод на электрическую энергию многих технологических процессов (электрохимия, электрометаллургия, электросварка, нагревательные печи и т. п.) ознаменовал всё более глубокое преобразование металлов, получение новых конструкционных материалов от ферросплавов до железобетона, в котором сочетались массивность и прочность бетона на сжатие с прочностью стали на разрыв [Там же. С. 200].

Опираясь на исследование Дж.Д. Бернала, А.И. Анчишкин подчёркивал, что если решение проблемы получения дешёвой литой стали посредством конвертера было начато Г. Бессемером полуэмпирически¹ (1855), то завершено С. Дж. Томасом (1878) уже всецело на научной основе [Бернал, 1956. С. 234; Анчишкин, 1989. С. 172]. Соединение «научной чёрной металлургии» [Бродель, 1997. С. 285] с применением электричества и промышленным освоением цветных металлов привело к коренной перестройке технологии производства машин — созданию системы специализированных металлообрабатывающих станков (токарных, свёрлильных, строгальных, фрезерных, шлифовальных); увеличению скорости металлообработки (быстрорежущая сталь, твердые ферросплавы); изменению энергетической, двигательной части (большая мощность электрических двигателей, больше ступеней скоростей, стабильнее режимы работы) и т. д. [Анчишкин, 1989. С. 174–175].

Добавим, что благодаря удешевлению производства и улучшению качества литая сталь превратилась в «морской металл» [Карабасов, Черноусов, Коротченко, Голубев, 2012. С. 97–99]. Только после этого пароходы вытеснили парусники, пережившие во второй половине XIX в. последний расцвет (клиперы).

Первая промышленная революция остановилась на пороге сельского хозяйства, что объяснялось как вышеуказанными барьерами для мобильной машинной техники, так и отставанием биологии и отчасти химии в теоретическом и прикладном отношении от физики и механики. Преодоление благодаря двигателям внутреннего сгорания ограничений для массового применения машин в сельском хозяйстве и массовое производство минеральных удобрений на основе ускорившегося развития химии обусловили «свою» промышленную революцию в сельском хозяйстве индустриально развитых стран [Анчишкин, 1989. С. 184]. Оба названных технических сдвига, повлёкшие формирование новых отраслей, обязаны своим происхождением науке².

Наконец, создание новых отраслей на чисто научной основе, превращение науки в особую отрасль труда потребовали, с одной стороны, институциональных форм для непосредственной связи науки с производством, с другой стороны, массового технического образования. Однако, констатировав этот факт, Анчишкин не уделил ему специального внимания в отличие от западных учёных [Бернал, 1956. С. 317–318. Мак-Нил, 2004. С. 948].

В отличие же от Н. Винера, связывавшего с развитием электронной техники предпосылку «второй» промышленной революции, А.И. Анчишкин считал начавшееся в середине XX в. соединение комплексной механизации с электронной техникой отправным пунктом уже для третьей промышленной революции, или НТР. По его мнению, создание электронной техники поставило управление автоматизированными производствами и более

¹ Впрочем, есть версия, что Бессемер обязан своим успехом похищению секрета у американца ирландского происхождения Келли, разрабатывавшего устройство конвертера на основе своих университетских познаний в металлургии и химии [Журило А., Журило Д. 2013. С. 91–92].

² Хотя сам процесс выращивания культурных растений и домашних животных, т. е. сердцевина сельскохозяйственного производства, продолжал в основном развиваться эмпирически [Анчишкин, 1989. С. 184].

сложными системами на адекватную материальную базу, объединив несколько потоков научно-технического прогресса от электросвязи до кибернетики [Анчишкин, 1989. С. 189].

В соответствии с марксистской политэкономией Анчишкин характеризовал НТР, или третью промышленную революцию, как новый этап научно-технического прогресса, обусловленный превращением науки в непосредственную производительную силу и «индустрию знаний». Приоритетными направлениями НТР в совершенствовании производительных сил он считал комплексную автоматизацию и электронизацию народного хозяйства; опережающее развитие атомной электроэнергетики и расширение использования возобновляемых источников энергии (биомассы, солнечной, геотермальной, ветровой); целенаправленное материалообразование, придающее искусственным соединениям (композитам) сочетания «несовместимых, казалось бы, свойств металлов, пластмасс, керамики, стекла» [Анчишкин, 1989. С. 348, 211, 205].

Наконец, применительно к последним десятилетиям XX в. Анчишкин отметил признаки новой, второй волны НТР, несущей коренную перестройку не только технологии производства, но и всех сторон жизни на основе электроники, «информационный взрыв», а также регулирование во всё возрастающих масштабах биологических процессов.

Инфраструктурная составляющая промышленных революций

Понятие инфраструктуры стало настолько обиходным и ёмким в XXI в., что многие и не подозревают, что оно возникло по историческим меркам недавно — лишь в середине 1950-х гг., а в советской политэкономии до конца 1960-х гг. считалось принадлежностью «буржуазно-апологетических» теорий [Носова, 1970]. В 1970-е гг. положение, однако, коренным образом изменилось. Большое внимание политэкономической разработке проблем инфраструктуры, в частности, магистральной инфраструктуры уделил В.П. Красовский (1906–1990), познакомившийся с А.И. Анчишкиным ещё во время работы в НИЭИ Госплана СССР и участвовавший в подготовке Комплексной программы НТП, уже перейдя на работу в Институт экономики АН СССР. Основным ядром инфраструктуры он считал отрасли транспорта, связи, складское хозяйство, материально-техническое снабжение, всю систему электросетей, теплотрасс, нефтепроводов и газопроводов. «К ней должны быть также отнесены вычислительные центры и автоматизированные системы управления. В сельском хозяйстве в состав инфраструктуры, помимо дорог, складов, хранилищ, следует включить все ирригационные системы» [Красовский, 1978. С. 84].

Отсутствие термина не означало, конечно, что экономисты и историки не осознавали важности инфраструктурных аспектов экономического прогресса вообще и промышленных революций в частности. Так, Ф. Энгельс, предлагая первую систематическую и компактную характеристику британской промышленной революции, определил её хронологические рамки почти в соответствии с двумя переворотами в средствах сообщения: массовым каналостроительством, начиная с 1759 г., и соединением всех крупных городов железными дорогами, начиная с 1830 г. Отметил он и то, что «пар не только произвёл революцию в средствах сообщения на суше, он придал им новый облик и на воде» [Энгельс, 1955. С. 255–256]. Ещё ранее Ф. Лист, имевший за плечами предпринимательский опыт сооружения одной из первых железных дорог в Америке, обосновывая «воспитательный протекционизм» как систему мер догоняющей индустриализации, придавал рельсовому транспорту ключевое значение в создании германской «национальной системы путей сообщения», скрепляющей «национальную ассоциацию производительных сил».

Если британскую промышленную революцию железнодорожное строительство увенчало, то в странах «первого эшелона индустриализации» континентальной Европы сооружение национальных железнодорожных сетей — причём с различными формами

правительственной и банковской помощи — придало шестивью первой промышленной революции решающий импульс. В России же эпохи раскрепощения славянофилы и западники, протекционисты и фритредеры сходились в том, что железные дороги — главное «экономическое чудо» XIX в., столь же необходимое для страны, как отмена крепостного права.

Знаменитый историк экономической науки М. Блауг напрасно поражался тому, что А. Маршалл через век с лишним уподобился А. Смиуту в настойчивом повторении мысли о снижении издержек благодаря развитию средств сообщения [Blaug, 1985. P. 38]. Основатель неоклассической теории лишь проявил присущую ему практическую мудрость и историческую проницательность, отмечая, что главным экономическим событием века стал рост не обрабатывающих, а транспортных отраслей, и более чем 75% прибылей от своих промышленных изделий Англия извлекла благодаря удешевлению перевозки людей и товаров, водоснабжения и освещения, электричества и передачи новостей [Marshall, 2013. P. 561]. Если относительно того, «заметил» ли классик политэкономии А. Смит те перемены, которые ассоциируются с началом первой промышленной революции, развернулась длительная дискуссия [Гловели, 2023. С. 255–256], то неоклассик Маршалл явно понимал значимость второй промышленной революции, хотя говорил несколько иначе — о «промышленной революции нынешнего поколения, далеко превзошедшей перемены начала прошлого века как по скорости, так и по размаху движения» [Marshall, 2013. P. XXIV]. И резюмировал в предисловии к последнему прижизненному изданию своих «Principles of Economics» суть перемен как «приобщение всё новых стран к прогрессу, стимулируемое низкими транспортными тарифами на суше и на море». А снижение транспортных издержек почти прекратило «действие тенденции “убывающей отдачи” в том смысле, в каком этот термин употреблялся Мальтусом и Рикардо во времена, когда недельная заработная плата английских рабочих зачастую была меньше, чем цена половины бушеля хорошей пшеницы» [Ibid. P. XXVI].

Сверстник Маршалла (и, заметим, полный тёзка Анчишкина) Александр Иванович Чупров (1842–1908) сформировался как учёный в эпоху раскрепощения и железнодорожного грюндерства в России и не только стал основоположником экономики железнодорожного транспорта как особой отрасли экономического знания, но и по сути дал (не употребляя терминов) ёмкую характеристику глобальных последствий второй промышленной революции в её инфраструктурных аспектах. А именно — Чупров систематизировал причины длительного мирового снижения цен («Длинной Депрессии» 1873–1895 гг.), обусловленные «научно-техническим прогрессом»³ средств транспорта и связи:

- ▶ удешевление транспортировки грузов благодаря совокупности технических усовершенствований, океаническому и рельсовому паровому транспорту;
- ▶ выравнивание, благодаря железным дорогам, положения промышленных округов, отдалённых от морей и крупных рек, с прибрежными районами;
- ▶ перемещение обрабатывающей промышленности в районы изобильного сырья;
- ▶ вовлечение в мировую торговлю отдалённых территорий с очень благоприятными условиями для зерновой, мясопродуктовой и плодовой специализации;
- ▶ снижение издержек хранения сырья и запасов готовой продукции благодаря возможностям оперативной договорённости по телеграфу и телефону;
- ▶ установление благодаря прогрессу средств транспорта и связи более прямых связей между производителями и потребителями. [Чупров, 1909. С. 109–112].

А.И. Анчишкин, придавая ключевое значение материализации научных знаний в инфраструктурных средствах труда, подчёркивал, что в эпоху НТР всё большая часть

³ Насколько нам известно, это первое в русской экономической литературе использование термина, столь привычного в XX и XXI вв.

общественного труда должна перемещаться из базисных производств (сельского хозяйства, промышленности, строительства) в инфраструктурные отрасли [Анчишкин, 1989. С. 100]. «Опережающий рост услуг инфраструктуры и её быстрое техническое совершенствование стали неременным условием всего экономического прогресса» [Там же. С. 102]. Надо признать, что применительно к инфраструктурным составляющим первой и второй промышленных революций Анчишкин чего-то нового не сказал, а среди данных им характеристик третьей промышленной революции стоит отметить беглое, но очень важное упоминание о контейнерных перевозках [Там же. С. 178] и формулировку целей совершенствования в СССР технологий транспортировки топлива и энергии, включая дальнейшее развитие сети нефте- и газопроводов на основе строительства мощных магистралей из труб большого диаметра; создание автоматизированных трубопроводов, рассчитанных на высокое давление, и ЛЭП переменного и постоянного тока нового класса напряжений на дальние и сверхдальние расстояния [Там же. С. 211].

В этих обобщениях руководитель разработок Комплексных программ НТП СССР невольно зафиксировал разновекторность движения двух конкурировавших экономических систем в эпоху НТР. С одной стороны, «контейнерная революция» на морском транспорте [Могилевкин, 1982. С. 64], формирование в короткие сроки специализированного мирового флота, состоящего из судов новых типов, механизация погрузочно-разгрузочных и складских операций, создание специализированных нефтяных портов и портов по перегрузке сжиженных газов стали важными дополнительными факторами динамики мирового капиталистического хозяйства во второй половине XX в. С другой стороны, компенсационные соглашения между Советским правительством и западноевропейскими фирмами об обмене российского природного газа на трубы для газопроводов большого диаметра («проект века») стали выражением растущей зависимости страны от закупок импортного оборудования и запчастей, а ускоренное развитие атомной электроэнергетики для высвобождения углеводородных ресурсов для экспорта вызывало «эффект запертых мощностей», свидетельствовавший о кризисе индустриальной модели роста плановой экономики. Образовавшаяся вследствие кризиса советской индустриальной системы «структурно-инвестиционная воронка» препятствовала дальнейшей электрификации сферы потребления и расширению парка технически сложных бытовых предметов длительного пользования (происходившему не только на Западе, но и в новых индустриальных странах Восточной Азии), а также внедрению электроёмких, но ресурсосберегающих технологий в производство конструкционных материалов и машиностроение [Белоусов, Клепач, 1994. С. 76, 78]. Поставленные задачи ускорения социально-экономического развития СССР посредством ресурсосбережения на основе освоения достижений науки и техники [Анчишкин, 1989. С. 345] решить не удалось.

После Винера и Анчишкина (вместо заключения)

В 1990-е гг. и в XXI в. и в России, и за рубежом появились различные концепции, которые могут рассматриваться как дальнейшее развитие концепции А.И. Анчишкина, а отчасти и концепции Н. Винера. Развитием идей о второй волне НТР и приведении научно-технического прогресса к общему знаменателю экономии труда и естественных ресурсов [Там же. С. 180, 345] стала концепция двух этапов НТР в капиталистическом хозяйстве, обоснованная будущим директором ИМЭМО РАН А.А. Дынкиным. Определив хронологические рамки первого и второго этапов НТР, соответственно, третьей (1950–1975) и последней (1976–2000) четвертями XX в., Дынкин отметил, что ограничения сформированного первым этапом НТР типа экономического роста (негибкость конвейерного производства, расточение энергетических и металлических ресурсов, насыщение спроса

на стандартную бытовую технику длительного пользования) проявились в структурных кризисах капиталистической экономики 1970-х — начала 1980-х гг. и были преодолены на новом этапе НТР за счёт развития новых наукоёмких отраслей и синтеза сферы материального производства и услуг на основе таких технологических систем и организационно-экономических принципов, как персональная компьютеризация, гибкие автоматизированные системы, новые ресурсосберегающие материалы (тонкая керамика и пр.), оптоволоконная и космическая связь, синтез информатики с телекоммуникациями, экономия на разнообразии, сетевое взаимодействие крупных и мелких фирм [Дынкин, 1991. С. 23–25]

Оригинальную концепцию «развёртывания современной НТР в рамках инфраиндустрии, обретающей всё более сложные и развитые формы» [Ольсевич, 1994. С. 26] выдвинул на основе критического переосмысления марксистской политэкономии и «технологических» теорий трансформации капиталистического общества главный научный сотрудник Института экономики РАН Ю.Я. Ольсевич (1929–2018). Он особо отмечал, что растущие инфрасистемы сломали технологические стены между производственной и непроизводственной сферами хозяйствования, между производством и бытом. Современное жилище превратилось в сложный технический агрегат, насыщенный приборами, действие которых основано на инфрасистемах электро-, водо-, тепло-, газоснабжения, связи и информатики. Взаимодействие инфраиндустрии и НТР породило инфрасистему информатики, включающую банки данных и банки знаний на основе мощных ЭВМ, современные средства коммуникаций [Там же. С. 27–28].

Если концепции А.А. Дынкина, Ю.Я. Ольсевича и других российских и зарубежных экономистов содержали «футурологический» оттенок, «заглядывая» в XXI в., когда появились концепции «второго века машин», «четвёртой промышленной революции» и Индустрии 4.0. [Шваб 2017. С. 16], то известным исследователем связей технологической креативности и экономического прогресса Дж. Мокиром (Северо-Западный университет в Эвенстоне, шт. Иллинойс, и Тель-Авивский университет) была проведена ретроспективная детализация инновационных сдвигов в ходе второй промышленной революции, датируемой в основном 1870–1914 гг., но с включением и более ранних событий начиная с 1850-х гг. [Mokir, 1999], а российским экономико-географом Л.М. Синцеровым (Институт географии РАН) развёрнута концепция «транспортно-коммуникационной революции» второй половины XIX — начала XX вв., по сути, являющаяся экспликацией значимости (причём в глобальных масштабах) инфраструктурной составляющей в течение второй промышленной революции [Синцеров, 2010]. Наконец, новый оригинальный взгляд на генезис первой — британской — промышленной революции был предложен Р. Алленом (Оксфордский университет), рассмотревшим её генезис в контексте диффузии мануфактурного часостроения как побочного продукта научной революции XVII в. С одной стороны, внедрение изобретённого куратором экспериментальной деятельности Лондонского Королевского общества Р. Гуком механизма для вырезания шестерней повлекло быстрый рост производства карманных часов улучшенных конструкций. С другой стороны, поощрение Лондонским Королевским обществом и британским парламентом интереса к созданию морского хронометра — навигационного прибора, позволяющего точно определять долготу в открытом океане, способствовало связи между сливками научного сообщества и мастерами-часовщиками, из рядов которых вышли изобретатели и наладчики первых станков и машин, революционизировавших текстильную промышленность [Allen, 2009. Pp. 204-205, 249; Гловели, 2023. С. 74–76].

Указывая на расцвет английского навигационного и карманного часостроения как на необходимую предпосылку промышленной революции, Аллен не упомянул, однако, что ещё Н. Винер указывал на часовых дел мастеров, как на «авангард ремесленников» первой промышленной революции [Винер, 1959. С. 144]. Они опирались в конструкциях своих маятников и балансиров на математику и механику Ньютона и Гюйгенса. Таким образом,

первая промышленная революция уходила своими корнями в «умственное брожение XVIII в., когда научная техника была уже хорошо развита, но её практическое применение только началось — в области навигации и изготовления часовых механизмов» [Там же. С. 142].

Корни второй промышленной революции уходили уже в связь лабораторных исследований, основанных на точном естествознании, с фабричным производством и менеджментом. Для диффузии нововведений в ходе второй промышленной революции большое значение имели Всемирные промышленные выставки второй половины XIX в. В следующем столетии инновационная миссия Всемирных выставок была уже не столь значительна, хотя резонанс первой такой выставки эпохи НТР (Брюссель, 1958), был велик. А уже в XXI в. на Всемирной выставке в Ганновере (2011) родилось понятие «Индустрии 4.0», быстро распространившееся из Германии в другие страны. Его исторический контекст не остался без внимания, однако пока ещё трудно говорить о цельном представлении о промышленных революциях и в особенности — об их влиянии на Россию. Но про имеющиеся здесь концептуальные «заделы» в работах А.И. Анчишкина и учёных Института экономики АН СССР нелишне вспомнить в год юбилея Российской академии наук.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Анчишкин А.И. (1989). *Наука. Техника. Экономика*. 2-е изд. [Anchishkin A.I. (1989). *Science. Technic. Economy*. 2nd ed.]. — М.: Экономика.
- Белусов А.Р., Клепач А.Н. (1994). Кризис советской индустриальной системы // *Модернизация: зарубежный опыт и Россия* [Belousov A.R., Klepach A.N. (1994). *The crisis of the Soviet industrial system // Modernization: foreign experience and Russia*] — М.: Агентство «Инфомарт». С. 74–78.
- Белых А. А. (2024). Экономические идеи Л.В. Канторовича и их восприятие в СССР и на Западе [Belykh A.A. (2024). L.V. Kantorovich's economic ideas and their perception in the USSR and in the West] // *AlterEconomics*. Т. 21. №1. С. 82–102.
- Бернал Дж.Д. (1956). *Наука в истории общества* [Bernal J. D. (1956). *Science in the History of Society*]. — М.: Изд-во иностранной литературы.
- Бернал Дж.Д. (1960). *Мир без войны* [Bernal J.D. (1960). *World without War*]. — М.: Изд-во иностранной литературы.
- Бродель Ф. (1997). *Что такое Франция. Люди и вещи*. Ч. 2. [Braudel F. (1997). *What is France? People and things*. P. 2]. — М.: Изд-во Сабашниковых.
- Ван дер Вее Г. (1994). *История мировой экономики. 1945–1990* [Van Der Wee H. (1994). *History of the World Economy. 1945–1990*]. — М.: Наука
- Винер Н. (1959). *Кибернетика и общество* [Wiener N. (1959). *Cybernetics and Society*]. — М.: Изд-во иностранной литературы.
- Гаузнер Н.Д., Рубинштейн М.И. (1971). Научно-техническая революция в условиях современного государственно-монополистического капитализма // *Политическая экономия современного монополистического капитализма*. Т. 1. [Gausner N.D., Rubinsteyn M.I. (1971). *Scientific and technical revolution in the conditions of modern state-monopolistic capitalism // Political economy of modern monopolistic capitalism*]. — М.: Мысль. С. 84–108.
- Гловели Г.Д. (2013). Всемирные выставки как витрина и локомотив второй технологической революции [Gloveli G.J. (2013). *World exhibitions as a showcase and locomotive of the second technological revolution*] // *Экономическая политика*. № 1. С. 96–115.
- Гловели Г.Д. (2023). От Петти к Смиту: происхождение классической политэкономии в историко-научной и мир-системной ретроспективе [Gloveli G.J. (2023). *From Petty to Smith: the origin of classical Political economy in historical-scientific and world-system retrospect*] // *Вопросы теоретической экономики*. № 2. С. 64–84.
- Гловели Г.Д. (2009). Теория аграрной эволюции Н. П. Огановского и геополитическая экономия исторического процесса [Gloveli G.J. (2009). *The theory of agrarian evolution by N.P. Oganovsky and the geopolitical economy of the historical process*] // *Вопросы экономики*. № 2. С. 131–148.
- Дынкин А.А. (1991). *Новый этап НТР: экономическое содержание и механизм реализации в капиталистическом хозяйстве* [Dynkin A.A. (1991). *A new stage of STR: the economic content and mechanism of implementation in the capitalist economy*]. — М.: Наука.
- Журило А.Г., Журило Д.Ю. (2013). История бессемеровского процесса. Генри Бессемер и Вильям Келли. [Zhurilo A. G., Zhurilo D. Yu. (2013). *The history of the Bessemer process. Henry Bessemer and William Kelly*] // *Черные металлы*. №12. С. 88–92.

- Зубков К.И. (2014). Вторая промышленная революция и происхождение Первой мировой войны. // *Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII—XXI вв.* Т. 1 [Zubkov K.I. (2014). The Second Industrial Revolution and the origin of the First World War // *Industrial Ural. Bakunin readings: Industrial modernization of the Urals in the XVIII—XXI centuries*]. — Екатеринбург: УрФУ. С. 66–74.
- Камаев В.Д. (1979). Научно-техническая революция // *Экономическая энциклопедия. Политическая экономия.* Т.3. [Kamaev V.D. (1979). The scientific and technical revolution // *The Economic Encyclopedia. Political economy.* Vol. 3]. — М.: Советская энциклопедия. С. 40–42.
- Карабасов Ю.С., Черноусов П.И., Коротченко Н.А., Голубев О.В. (2012). *Металлургия и время.* Т. 3. [Karabasov Y.S., Chernousov P.I., Korotchenko N.A., Golubev O.V. (2012). *Metallurgy and time.* Vol. 3]. — М.: Изд. дом МИСиС.
- Китов А.И. (1961). Кибернетика и управление народным хозяйством // *Кибернетику на службу коммунизму:* Сб. ст. / Под ред. А.И.Берга. Т. 1. [Kitov A.I. (1961). Cybernetics and management of the national economy // *Cybernetics for the service of communism.* Collection of articles edited by A.I. Berg]. — М.-Л.: Энергоиздат. С. 203–217.
- Клепач А.Н., Куранов Г.О. (2013). Развитие социально-экономического прогнозирования и идеи А.И. Анчишкина [Klepach A.N., Kuranov G.O. (2013). The development of socio-economic forecasting and the ideas of A. I. Anchishkin] // *Вопросы экономики.* № 8. С. 143–155.
- Красовский В.П. (1978). К вопросу об инфраструктуре общественного производства [Krasovsky V.P. (1978). On the issue of the infrastructure of public production] // *Коммунист.* № 6. С. 83–94.
- Мак-Нейл У. (2004). *История человеческого сообщества* [McNeill W.H. (2004). *The rise of the West: a history of the human community*]. — Киев, М.: Ника-Центр, Старклайт.
- Маслов Г.А. (2023). Советские исследования экономического потенциала НТР и теория четвёртой промышленной революции [Maslov G.A. (2023). Soviet studies of the economic potential of the STR and the theory of the Fourth Industrial Revolution] // *Journal of Institutional Studies.* Т. 15. №2. С. 77–90.
- Материалы XXIV съезда КПСС (1971). [Materials of the XIV Congress of the CPSU (1971)]. — М.: Госполитиздат.
- Могилевкин И. М. (1982). *Бизнес и море: (Морская торговля и судоходство при капитализме)* [Mogilevkin I. M. (1982). *Business and the sea: (Maritime trade and shipping under capitalism)*]. — М.: Мысль.
- Несмеянов А.Н. (1956). Речь на XX съезде КПСС // *XX съезд КПСС: Стенограф. отчёт.* Т. 1. [Nesmeyanov A.N. (1956). Speech at the XX Congress of the CPSU // *XX Congress of the CPSU. Verbatim report.* Vol. 1]. — М.: Госполитиздат. С. 373–380.
- Носова С.С. (1970). Апологетика капитализма и некоторые аспекты буржуазных теорий инфраструктуры [Nosova S.S. (1970). The apologetics of capitalism and some aspects of bourgeois infrastructure theories] // *Экономические науки.* № 11. С. 99–106.
- Ольсевич Ю.Я. (1994). *Трансформация хозяйственных систем.* [Olsevich Yu.Ya. (1994). *Transformation of economic systems*]. — М.: Институт экономики РАН.
- Программа КПСС (1961). [The Program of the CPSU]. — М.: Госполитиздат.
- Синцеров Л.М. (2010). Революция на транспорте, в средствах связи и образование мирового хозяйства на рубеже XIX и XX веков // *География мирового развития.* Сб. науч. тр. Вып. 2. [Sinzerov L.M. (2010). The revolution in transport, communications and the formation of the world economy at the turn of the XIX and XX centuries // *Geography of world development.* Collection of researches. Issue 2]. — М.: Товарищество научных изданий КМК. С. 126–142.
- Фролов Ю. (1995). Первые информационные сети [Frolov Yu. (1995). The first information networks] // *Наука и жизнь.* №1. С. 50–53.
- Хейнман С.А. (1962). Создание материально-технической базы коммунизма и научно-техническая революция [Heinman S. (1962). Creation of the Material and Technical Base of Communism and the Scientific and Technological Revolution] // *Коммунист.* №12. С. 47–58.
- Храмов Ю.А. (1983). *Физики. Биографический справочник.* 2-е изд. [Khramov Yu.A. (1983). *Physics. Biographical reference book.* 2nd ed]. — М.: Наука.
- Худокормов А.Г.(2022). История второй промышленной революции [Khudokormov A.G. (2022). The history of the Second Industrial Revolution] // *Научные исследования экономического факультета: Электронный журнал.* Т. 14. Вып. 4 (46).
- Чупров А.И. (1909). О характере и причинах современного промышленного кризиса в Западной Европе. Речь на торжественном собрании Московского Университета 12 января 1889 г. // А.И. Чупров. *Речи и статьи.* Т. 1. *Политическая экономия.* [Chuprov A.I. (1909). On the nature and causes of the modern industrial crisis in Western Europe. Speech at the solemn meeting of the Moscow University on January 12, 1889] // Chuprov A.I. *Speeches and Articles.* Vol. 1. *Political Economy*]. — М.: Изд. М. и С. Сабашниковых. С. 86–141.
- Шваб К. (2017). *Четвёртая промышленная революция.* [Schwab K. (2017). *The Fourth Industrial Revolution*]. — М.: Издательство «Э».
- Швырков Ю.М. (2013). О надеждах и иллюзиях (учёба на шестом курсе Ленинградского государственного университета) // *Очерки о жизни и научной деятельности академика А.И. Анчишкина.* [Shvyrkov Y.M. (2013). On hopes and illusions (studies on the sixth course of Leningrad State University)]

- (2013) About hopes and illusions (sixth-year studies at Leningrad State University). // Essays on the life and scientific activity of academician A.I. Anchishkin]. — М.: ИНФРА-М. С. 72–83.
- Энгельс Ф. (1955). Положение рабочего класса в Англии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 2. [Engels F. (1955). The Situation of the Working Class in England // K. Marx, F. Engels. Collected Works. Vol. 2]. — М.: Государственное издательство политической литературы. С. 231–517.
- Ярёменко Ю.В. (2003). А.И. Анчишкин и народнохозяйственное прогнозирование [Yaremenko Yu.V. (2003). A.I. Anchishkin and national economic forecasting] // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 4–8.
- Allen R. (2009). *The British Industrial Revolution in Global Perspective*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Blaug M. (1985). *Economic Theory in Retrospect*. 4th ed. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Brandt L. (1957). *Die zweite industrielle Revolution*. — München: Paul List.
- Bush V. (1945). *Science, The Endless Frontier*: A Report to the President by Vannevar Bush, Director of the Office of Scientific Research and Development, July 1945. — Washington: United States Government Printing Office.
- De Graaf L. (2013). *Edison and the Rise of Innovation*. — N. Y.: Sterling Publishing.
- Diebold J. (1966). Coal to Match Our Means // *The Social Impact of Cybernetics* / Ch.R. Dechert. (Ed.). — N.Y.: A Clarion Book. Published by Simon and Schuster. Pp. 1–10.
- Landes D. (1969). *The Unbound Prometheus: Technological Change and Industrial Development in Western Europe from 1750 to the Present*. — Cambridge, N.Y.: Press Syndicate of the University of Cambridge.
- Mensch G. (1979). *Stalemate in Technology. Innovations Overcome the Depression*. — Cambridge, Massachusetts: Ballinger Publishing Company.
- Mokyr J. (1999). The Second Industrial Revolution, 1870–1914 // *Storia dell'economia Mondiale* / V. Castronovo (Ed.). — Rome: Laterza publishing. Pp. 219–245.
- Sternberg F. (1959). *The Military and Industrial Revolution of Our Time*. — London: Atlantic Books.

Гловели Георгий Джемалович

glovelig@mail.ru

Georgii Gloveli

Professor, National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia

glovelig@mail.ru

Зайцева Мария Сергеевна

mszaitseva@edu.hse.ru

Mariya Zaitseva

Student, National Research University «Higher School of Economics»

mszaitseva@edu.hse.ru

Минаева Елизавета Алексеевна

eaminaeva_1@edu.hse.ru

Elizaveta Minaeva

Student, National Research University «Higher School of Economics»

eaminaeva_1@edu.hse.ru

THE CONCEPT OF INDUSTRIAL REVOLUTIONS: THE CONTRIBUTION OF N. WIENER AND A.I. ANCHISHKIN

Abstract. The article examines the concepts of two industrial revolutions by the founder of cybernetics, N. Wiener, and three industrial revolutions by the founder of the Russian school of macroeconomic forecasting, academician A.I. Anchishkin, in the context of the evolution of economic concepts of the second Industrial Revolution and the scientific and technical revolution (STR). The shift in the meaning of the concept of the second industrial revolution is revealed — from the reformist synonym of the STR to a retrospective characterization of global shifts in technology and the world economy during the second half of the XIX century and early XX century. Special attention is paid to the infrastructural aspects of the second industrial revolution. The contribution of the Russian political economist A.I. Chuprov and the founder of graphic neoclassicism A. Marshall to their understanding is emphasized.

Keywords: *the First Industrial Revolution; the Second Industrial Revolution; scientific and technical revolution, World Industrial Exhibitions, infrastructure.*

JEL: A12, B 20, B24, B31, B40, N10, F60, O33.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

О.Н. Антипина

*д.э.н., профессор, экономический факультет МГУ
имени М.В. Ломоносова (Москва)*

А.А. Хомутов

*студент, экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова
(Москва)*

КАК УДОВЛЕТВОРЁННОСТЬ ЖИЗНЬЮ ЗАВИСИТ ОТ ТИПА НАСЕЛЁННОГО ПУНКТА?

Аннотация. Удовлетворённость жизнью — многомерный индикатор, на который влияет множество обстоятельств. Исследования факторов удовлетворённости жизнью на уровне национальных государств дают адекватные оценки тогда, когда страны представляют собой однородные «макрорегионы» с едиными социальными, культурными и институциональными основами. Однако в рамках крупных и гетерогенных национальных государств, к числу которых относится Россия, внутренние региональные различия в условиях жизни могут быть существенными, а значит, оценки уровня счастья будут находиться под преобладающим влиянием различных факторов, в том числе зависеть от типа населённого пункта с присущими ему особенностями.

Проведённое исследование вносит вклад в углубление представлений о факторах, оказывающих значимое влияние на субъективную удовлетворённость жизнью в различных типах населённых пунктов России — городах, посёлках городского типа и сёлах. В качестве источника данных использован Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ. Эконометрическое моделирование основано на упорядоченной модели логит со случайными эффектами с использованием панельных данных за 2004–2021 гг.

Обнаружена высокая значимость субъективной оценки богатства, обеспеченности необходимыми благами и наличия оплачиваемого отпуска для всех россиян вне зависимости от типа населённого пункта. Основные отличия набора и степени влияния факторов проходят по линии, разграничивающей ценности коллективизма и индивидуализма, доминирующие в городах и сёлах, соответственно. Показана меньшая обеспокоенность здоровьем и возможностью потери работы у сельских жителей, полагающихся на поддержку соседей и семьи, в которой мужчины не связывают удовлетворённость жизнью с продолжительностью рабочего дня, а женщины — с величиной заработной платы и наличием детей. Напротив, жители городов, где силён индивидуализм и преобладают нуклеарные семьи, а связи между людьми слабы, склонны черпать удовлетворённость жизнью в реализации себя через заработок, досуг, детей, заботу о здоровье.

Ключевые слова: *удовлетворённость жизнью, субъективное благополучие, уровень счастья, экономика счастья, тип населённого пункта.*

JEL: C23, I31, R13

УДК: 316.7522, 332.05

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_103_115

© О.Н. Антипина, А.А. Хомутов, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Антипина О.Н., Хомутов А.А.* Как удовлетворённость жизнью зависит от типа населённого пункта? // Вопросы теоретической экономики. 2024. №2. С. 103–115. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_103_115.

FOR CITATION: *Antipina O.N., Khomutov A.A.* How Does Life Satisfaction Depend on the Settlement Type? // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. 2024. No. 2. Pp. 103–115. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_103_115.

Введение

Современный мир характеризуется не только небывалыми возможностями в области цифровизации и устойчивого развития, но и значительными социальными проблемами, которые требуют внимания. Среди них особое место занимает проблема обеспечения качества жизни населения, поскольку в её решении задействовано множество социально-экономических факторов: экономическое развитие, социальное окружение, уровень образования, доступность медицинских услуг, состояние окружающей среды и др. Одним из комплексных индикаторов, отражающих мнение людей о качестве их жизни, служит показатель удовлетворённости жизнью, близкими аналогами которого являются индикаторы субъективного благополучия и уровня счастья.

В строгих теоретических исследованиях между понятиями «удовлетворённость жизнью», «субъективное благополучие» и «уровень счастья» прослеживаются различия. Субъективное благополучие определяется как наиболее общая персональная оценка качества жизни, включающая и эмоциональную, и когнитивную составляющие [Diener, Lucas, Oishi, 2002]. Удовлетворённость жизнью в большей степени представляет собой когнитивное суждение, а счастье — эмоциональную реакцию на обстоятельства жизни [Diener, Inglehart, Tay, 2013]. При этом оценки всех трёх показателей имеют значительную корреляцию между собой, поэтому в эмпирических исследованиях используются как взаимозаменяемые.

Несмотря на относительно развитую и диверсифицированную экономику, успехи в области цифровизации и достаточно высокий уровень образования у населения, Россия занимает низкие места во всемирных рейтингах уровня счастья: 73-е — в 2017–2019 гг., 80-е — в 2019–2021 гг., 70-е — в 2020–2022 гг. [World Happiness..., 2020, 2022, 2023]. Однако, как показывают исследования, культура и социальные факторы могут оказывать не меньшее влияние на удовлетворённость жизнью, чем экономика [Антипина, Кривицкая, 2022]. К тому же в России около 25% населения проживает в сельских населённых пунктах¹, где в значительной степени отличаются как экономические условия, так и культурная основа, и социальная среда, и экологические характеристики. Отсюда вполне закономерно возникает вопрос о том, какое влияние на субъективные оценки качества жизни в России оказывает место проживания индивидов — город, посёлок городского типа (ПГТ), село. Ответ на него требует углубления представлений о субъективной удовлетворённости жизнью в разрезе экономических, культурных, социальных и иных различий для выявления наиболее значимых факторов.

География счастья: причины неравномерности

Для анализа удовлетворённости жизнью на уровне населённых пунктов в рамках отдельной страны важно прежде всего обобщить факторы, влияющие на уровни счастья различных государств мира, поскольку они могут оказаться значимыми и при исследовании на уровне городов и сёл.

Как правило, в первую очередь исследователи обращают внимание на материальное благополучие. «Парадокс Истерлина», сформулированный в начале 1970-х гг. с помощью анализа данных за прошедшие после Второй мировой войны годы для более чем сорока стран с развитой и развивающейся экономикой, показал, что богатые люди счастливее бедных, но экономический рост не повышает уровень счастья наций [Easterlin, 1974] вследствие эффекта адаптации к происходящим изменениям и эффекта сравнения, придающего значение величине относительного индивидуального дохода. В XXI в. этот вывод Р. Истерлина

¹ Росстат. <https://rosinfostat.ru/gorodskoe-i-selskoe-naselenie> (дата обращения: 15.04.2023).

был подтверждён, по крайней мере, для 96 стран мира с населением более 1 млн чел.; правда, при этом были обнаружены краткосрочные колебания уровня счастья, однонаправленные с циклической динамикой реального ВВП на душу населения [Easterlin, O'Connor, 2020], что верно и для России [Ларин, Филясов, 2018; Родионова, 2014]. Тем не менее, несмотря на то, что лидирующее положение во всемирном рейтинге счастья занимают развитые страны (согласно «Всемирному докладу о счастье» 2023 г., в его первую десятку входят: 1) Финляндия, 2) Дания, 3) Исландия, 4) Израиль, 5) Нидерланды, 6) Швеция, 7) Норвегия, 8) Швейцария, 9) Люксембург, 10) Новая Зеландия [World Happiness..., 2023]), обеспечивающие высокий уровень благосостояния, география счастья не подчиняется прямой закономерности: «богатая страна — счастливая страна». Эту зависимость, в частности, усложняют экологические, институциональные, социальные и культурные факторы.

Материальное благополучие может значить больше для счастья жителей бедных (и особенно беднейших) стран, чем богатых, однако, во-первых, разница в общих оценках уровней счастья между ними может быть невелика, а во-вторых, иные факторы также могут оказывать на счастье существенное влияние. Об этом ещё в 1996 г. (до появления всемирных рейтингов счастья) писали Д. Майерс и Э. Динер, в качестве примера отмечая, что если в Португалии счастливым себя считает один из десяти опрошенных респондентов, то в экономически более процветающих Нидерландах к таковым себя относят четверо из десяти, а на протяжении десятилетия, предшествовавшего публикации их статьи по удовлетворённости жизнью, ирландцы устойчиво опережали западных немцев [Myers, Diener, 1996].

Обеспокоенные отсутствием роста уровня счастья в Великобритании и даже его некоторым снижением в США в течение последней четверти прошлого века, Д. Блэнчфлауэр и Э. Освальд подтвердили значимость для счастья абсолютного и относительного дохода, но также получили свидетельства того, что более высокий уровень счастья имеют женщины, семейные люди, индивиды с высшим образованием и вышедшие из полных семей, а менее высокий уровень счастья демонстрируют безработные и те, кто вступал в брак повторно [Blanchflower, Oswald, 2004]. О том, что богатство играет важную, но недостаточную роль для достижения высокого уровня удовлетворённости жизнью, свидетельствуют и следующие наблюдения: в странах с более высоким уровнем дохода люди испытывают больший стресс и беспокойство, связанные с работой и социальной средой, что снижает удовлетворённость жизнью, несмотря на высокий уровень благосостояния. К тому же в развитых странах на удовлетворённость жизнью негативно влияют экологические условия вследствие высокого уровня загрязнений — внешних эффектов промышленного производства. Так, к примеру, в рейтинге Happy Planet Index (2019)², учитывающем, помимо оценок благополучия, «экологический след» и продолжительность жизни населения, в пятёрке лидеров преобладают страны с развивающейся экономикой: 1) Коста Рика, 2) Вануату, 3) Колумбия, 4) Швейцария, 5) Эквадор [HPI, 2019].

О влиянии институциональных факторов заставляет задуматься феномен «северного счастья» (употребляется также понятие — «скандинавское счастье»). Действительно, среди лидеров рейтинга «Всемирного доклада о счастье» традиционно самую большую долю составляют страны Северной Европы, в частности, скандинавские страны, отличающиеся высоким качеством институциональной среды, высоким уровнем доверия, низким уровнем неравенства, низким уровнем экономической и иной преступности, стабильными гарантиями свободы жизненного выбора и щедрым «государством благосостояния» [World Happiness..., 2020].

Культурные различия как причина регионального неравенства по уровню счастья проявляются через «восточноазиатский дефицит счастья», присущий развитым в экономи-

² Обновление Happy Planet Index ожидается в 2024 г.

ческом отношении странам Юго-Восточной Азии, находящимся в рейтинге счастья далеко от лидеров (25 — Сингапур, 27 — Тайвань; 47 — Япония; 55 — Малайзия; 57 — Республика Корея; 60 — Таиланд; 64 — Китай; 65 — Вьетнам; 76 — Филиппины; 82 — Гонконг [*World Happiness...*, 2023]). Причина состоит в том, что в индивидуалистической западной культуре люди более позитивно воспринимают свою жизнь, поскольку имеют более высокую самооценку и более требовательны к себе — менее предвзяты, лучше ладят с другими и имеют более крепкое здоровье. Они также верят в то, что, контролируя свои действия, смогут добиться хорошего и избежать плохого в своей жизни [*Myers, Diener*, 1996]. Именно эти черты и помогают им быть счастливее представителей коллективистской восточно-азиатской культуры, где сильна социальная ориентация, ответственность за благополучие близких, а ощущение счастья возникает у человека в ответ на его оценку другими людьми, прежде всего старшим поколением семьи, клана, общины [*Антипина*, 2017].

Несмотря на то, что исследования удовлетворённости жизнью на уровне национальных государств и построения их рейтингов приобрели большую популярность, очевидно, что национальное государство — не единственная «единица» анализа уровня счастья. Она даёт адекватные оценки тогда, когда страны представляют собой однородные «макрорегионы» с едиными социальными, культурными и институциональными основами [*Haller, Hadler*, 2006]. В рамках крупных и гетерогенных национальных государств внутренние региональные различия в условиях жизни могут быть существенными [*Rampichini, Schifini d'Andrea*, 1998], а значит, оценки уровня счастья могут находиться под преобладающим влиянием различных факторов. Именно к такому типу государств относится Россия.

Международные и российские исследования удовлетворённости жизнью на уровне территорий и населённых пунктов

В странах, где на уровне территорий и населённых пунктов наблюдаются существенные различия не только по экономическим признакам, но и в области социальной и культурной интеграции, эти различия находят отражение в оценках качества жизни в отдельных сообществах.

Однако результаты проведённых международных и российских исследований дают противоречивые выводы.

Так, исследователи из Канады обнаружили, что наибольший уровень удовлетворённости жизнью наблюдается в сообществах с более высоким уровнем образования, доходов и занятости. При этом, сравнивая городское и сельское население по удовлетворённости жизнью, авторы пришли к выводу, что сельские жители по этому показателю опережают городских, несмотря на более высокий уровень доходов и образования в городах. Причина заключается в высокой роли социального окружения как важном факторе счастья. Люди, живущие в более тесных и дружеских сообществах, склонны к более высокому уровню удовлетворённости жизнью, чем те, кто живёт в изолированных социальных структурах. Жители сельской местности в меньшей степени подвержены социальной изоляции, поэтому более счастливы [*Helliwell, Shiplett, Barrington-Leigh*, 2019].

Британские исследователи Ж.-Э. Де Нев и К. Крекел получили обратные результаты. В 2020 г. в рамках «Всемирного доклада о счастье» на базе данных Института Гэллапа был впервые построен глобальный рейтинг 186 городов мира, а затем исследована разница в оценках удовлетворённости жизнью между городским и сельским населением. По полученным оценкам, средний уровень счастья городских жителей чаще всего превышает средний уровень счастья населения страны в целом, что особенно заметно в нижней части шкалы благосостояния и национального дохода. Таким образом, если сопоставить выгоды от урбанизации и городских удобств — доступность медицины, развлечений, более активная социальная жизнь и сравнительно меньшие физические нагрузки — с её недостатками,

связанными с такими проблемами, как перенаселённость и загрязнение окружающей среды, создается впечатление, что в целом горожане живут немного счастливее, чем остальная часть населения страны. Однако, как подчёркивают авторы, выполненный ими анализ не позволяет делать причинно-следственных утверждений о влиянии самой урбанизации на счастье, а полученный вывод «не означает, что переезд в город делает всех счастливее: люди, живущие в городах, отличаются по важным наблюдаемым и ненаблюдаемым характеристикам от своих сельских сверстников, что вполне может объяснить наблюдаемую разницу в уровне счастья» [*World Happiness...*, 2020. P. 60].

На основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) за 2011 г. Л.А. Родионовой был получен вывод о том, что проживание в городе снижает, а в посёлке городского типа — повышает вероятность быть счастливыми для россиян, относящих себя к титульной нации [*Родионова, 2013*]. Однако рассмотрев особенности представлений о счастье жителей России, отечественные социологи на той же базе данных за период 1998-2013 гг. пришли к заключению, что «среди горожан и сельчан вероятность встретить счастливых и несчастных людей примерно одинакова» [*Козырева, Низамова, Смирнов, 2015. С. 125*]. Результат, относящийся к отдельному региону — Вологодской области, свидетельствует, что счастливыми себя назвали 55% жителей городов, и это «можно объяснить более высоким социальным и материальным положением, широкими возможностями профессионального трудоустройства, проведения досуга, а также более комфортными условиями проживания» [*Шабунова, Морев, 2013. С. 145*].

Таким образом, дифференциация имеющихся результатов исследований побуждает стремление к проведению углублённого анализа причин различий в удовлетворённости жизнью в зависимости от типа населённого пункта.

От чего зависит счастье городских и сельских жителей России? Эмпирический анализ

Цель нашего эмпирического анализа заключается в определении факторов, оказывающих значимое влияние на субъективную удовлетворённость жизнью в различных типах населённых пунктов России.

В качестве источника данных использован Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ³, который имеет широкое покрытие по России, что позволяет получить репрезентативную выборку населения. Данные имеют панельную структуру и дают возможность разделить выборку по типам населённых пунктов: областной центр, город, посёлок городского типа (ПГТ), село. Нами рассмотрены три последних типа, исходя из предпосылки о том, что областные центры и города не имеют значительной разницы в социальном устройстве, а ПГТ представляют собой переходный тип между селом и городом.

На рис. 1 представлена динамика средней удовлетворённости жизнью для разных типов российских населённых пунктов. За исследуемый период 2004–2021 гг. показатель в целом повышался, но его наиболее плавный и стабильный рост наблюдался у населения, проживающего в сёлах.

Распределение среднего значения показателей удовлетворённости жизнью и уровня счастья в России за рассмотренный период показано на рис. 2. В качестве зависимой переменной в моделях выбрана удовлетворённость жизнью вследствие её большей репрезентативности по сравнению с уровнем счастья.

³ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ. <https://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 20.12.2023).

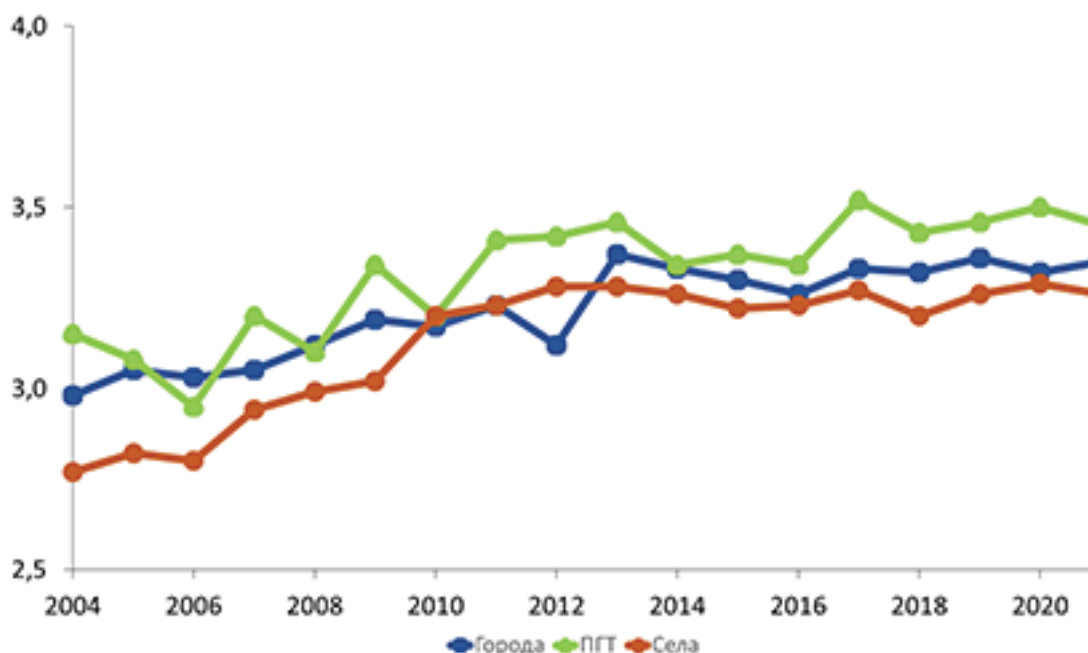

Рис. 1. Динамика средней удовлетворённости жизнью по типам населенных пунктов в России в 2004–2021 гг. *Источник:* построено авторами на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

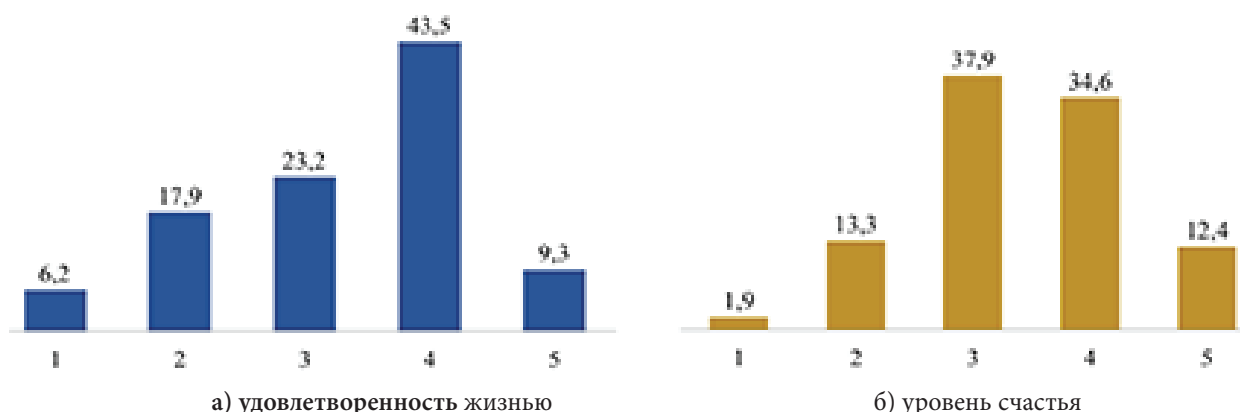

Рис. 2. Распределение среднего значения показателей удовлетворённости жизнью и уровня счастья за 2004–2021 гг. в России: от 1 (полностью не удовлетворён жизнью/совсем несчастлив) до 5 (полностью удовлетворён жизнью/очень счастлив), %

Источник: составлено авторами на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Важной предпосылкой моделирования является то, что люди сообщают действительный уровень удовлетворённости жизнью, не имея стимулов исказить информацию, отражающую их настоящую субъективную оценку. Принявшие участие в мониторинге респонденты отвечали на вопрос: «Насколько Вы удовлетворены жизнью в целом в настоящее время?» по шкале от 1 до 5, где 1 — полностью удовлетворён, 5 — совсем не удовлетворён. При построении моделей использовалась обратная шкала для интуитивной интерпретации выводов. Также была добавлена переменная Age_d, которая отражает отклонение возраста респондента от среднего в квадрате. Необходимость этой переменной обусловлена тем, что современные исследования подтверждают U-образную зависимость удовлетворённости жизнью от возраста [Cheng, Powdthavee, Oswald, 2017], а период рыночных реформ и последующее десятилетие, для которых была характерна L-образная зависимость удовлетворённости жизнью от возраста в переживших трансформационный кризис странах, остался за рамками нашего исследования.

Выборка была разделена на мужчин и женщин, так как жизненные обстоятельства могут влиять на уровень счастья женщин иначе по сравнению с мужчинами [Zweig, 2015].

Факторы, оказывающие влияние на показатель удовлетворённости жизнью, были условно распределены по трём группам:

1. Социальные (наличие партнёра, наличие детей, образование и др.). Именно социальные факторы представляют наибольший интерес в разрезе типов населённых пунктов, так как они могут в большей мере оказывать влияние на разницу субъективных критериев удовлетворённости жизнью.

2. Экономические (уровень зарплаты, общий уровень дохода, удовлетворённость материальным положением, обеспокоенность потерей работы, наличие отпуска и др.). Как показывает абсолютное большинство исследований в области экономики счастья, экономические факторы оказывают значимое влияние на зависимую переменную. Поэтому они включаются в модель для выявления более полных и репрезентативных результатов.

3. Здоровье (субъективная оценка здоровья, инвалидность). Факторы, характеризующие здоровье, главным образом учтены при выборе контрольных переменных, так как они могут оказывать существенное влияние на удовлетворённость жизнью [Stephoe, 2019].

Переменные, использованные в моделях, представлены в табл. 1.

Таблица 1
Переменные в моделях

Обозначение	Описание	Значения
<i>Зависимая переменная</i>		
Life_satisfaction	Субъективная удовлетворённость жизнью	От 1 (совсем не удовлетворён) До 5 (полностью удовлетворён)
<i>Объясняющие переменные</i>		
Age	Возраст	От 0 до 72 лет
Workhours	Рабочие часы (в день)	От 0 до 24 часов
Wage	Заработная плата (в месяц)	От 0 до 112 тыс. рублей
Worried_lose_job	Обеспокоенность потерей работы	От 1 (совсем не обеспокоен) До 5 (очень обеспокоен)
Income	Общий доход	От 0 до 198 тыс. рублей
Subj_wealth	Субъективная оценка богатства	От 1 (низшая ступень по лестнице богатства) До 9 (высшая ступень)
Worried_needs	Обеспокоенность удовлетворением базовых потребностей	От 1 (совсем не обеспокоен) До 5 (очень обеспокоен)
Diplom	Наличие диплома о высшем образовании	1, если имеет высшее образование, 0 — иначе
Subj_health	Субъективная оценка здоровья	От 1 (совсем плохое) до 5 (очень хорошее)
Wealth_satisfaction	Субъективная удовлетворённость материальным положением	От 1 (совсем не удовлетворён) до 5 (полностью удовлетворён)
Religion	Религиозность	1, если верующий, 0 — иначе
Disability	Наличие группы инвалидности	1, если имеет группу инвалидности, 0 — иначе
Vacation	Наличие оплачиваемого отпуска (за последний год)	1, если был в отпуске, 0 — иначе
Child	Наличие детей	1, если есть дети, 0 — иначе

Сооставлено авторами: на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Эконометрическое моделирование основано на упорядоченной модели логит со случайными эффектами с использованием панельных данных, так как зависимая переменная является порядковой. Случайные эффекты используются, поскольку панельные данные позволяют оценивать влияние факторов для одного индивида в динамике. Также они выявляют оценку модели для индивидов, у которых уровень субъективной удовлетворённости жизнью не менялся в значительной степени [Аистов, Леонова, 2011].

Результаты моделирования показаны в табл. 2. Они могут быть разделены на две группы: отличия между факторами удовлетворённости жизнью жителей различных типов населённых пунктов в целом (1–3 пункты) и разница между факторами удовлетворённости жизнью мужчин и женщин (пункты 4–6):

1. Удовлетворённость жизнью селян, как и горожан, в значительной степени зависит от субъективной оценки богатства, обеспеченности необходимыми благами и наличия оплачиваемого отпуска. Однако жители сёл и ПГТ в меньшей степени подвержены влиянию обеспокоенности потерей работы на удовлетворённость своей жизнью.

2. Выявлена сравнительно меньшая значимость субъективной оценки здоровья для удовлетворённости жизнью у всего населения, которое проживает в сельских населённых пунктах, а наличие инвалидности значимо положительно влияет на удовлетворённость жизнью женщин и в городах, и в сёлах.

3. Религия оказывает значимое влияние на удовлетворённость жизнью только в городах, что, возможно, объясняется большей дифференциацией приобщённости к религии городского населения. При этом религиозные мужчины в среднем более удовлетворены, а женщины — менее.

4. В сёлах и ПГТ на удовлетворённость жизнью мужчин не оказывает значимого влияния продолжительность рабочего времени, а на удовлетворённость жизнью женщин в сёлах не оказывает значимого влияния величина месячной заработной платы. Для удовлетворённости жизнью городского населения в целом значимы и продолжительность рабочего времени, и величина заработной платы.

5. Заметна разница в субъективном восприятии высшего образования. На удовлетворённость жизнью мужчин наличие диплома вуза оказывает значимое влияние только в сёлах и ПГТ, а у женщин ситуация обратная: горожанки значимо обеспокоены наличием диплома о высшем образовании.

6. Наличие детей значимо положительно влияет на удовлетворённость жизнью мужчин и городских женщин, но не оказывает значимого влияния на удовлетворённость жизнью женщин в сёлах.

Полученные результаты свидетельствуют о наличии сходства и различий в факторах и степени их влияния на удовлетворённость жизнью населения городов и сёл России.

Удовлетворённость жизнью городских и сельских жителей существенно зависит от субъективной оценки богатства, обеспеченности необходимыми благами и наличия оплачиваемого отпуска. Различия связаны с экономическими и социальными обстоятельствами жизни людей, а также культурными особенностями, укоренёнными в ценностных ориентирах. Как показало исследование, проведённое в 2014–2016 гг. Институтом национальных проектов (совместно с Тюнинг-центром экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова), ценности россиян связаны с размером населённого пункта: жители городов в большей степени придерживаются индивидуалистических ценностей, а жителям сёл в большей степени присущ коллективизм [Брызгалин, Никишина, 2020]. Отсюда — меньшая обеспокоенность здоровьем и возможностью потери работы у сельских жителей, полагающихся на поддержку соседей и семьи (в случае болезни или безработицы), в которой мужчины не связывают удовлетворённость жизнью с продолжительностью рабочего дня, а женщины — с величиной заработной платы и наличием детей. Напротив, жители городов, где силён индивидуализм, а связи между людьми слабы, склонны черпать

Таблица 2

Результаты моделирования среднего значения показателя удовлетворённости жизнью

Переменные	Мужчины			Женщины		
	Город	ПГТ	Село	Город	ПГТ	Село
Age_d	0,0005284***	0,0007060**	0,0003023	0,0005346***	0,0005908**	0,0004203**
	(0,0001)	(0,0003)	(0,0002)	(0,0001)	(0,0003)	(0,0002)
Log_workhours	-0,1626***	-0,1293	-0,09785	-0,1920***	-0,2402**	-0,1719**
	(0,0390)	(0,1633)	(0,0852)	(0,0355)	(0,1150)	(0,0729)
Log_wage	0,2481***	0,1929	0,3220***	0,3946***	0,2944**	0,08535
	(0,0565)	(0,1953)	(0,0941)	(0,0420)	(0,1478)	(0,0696)
Worried_lose_job2	-0,1885***	-0,1797	-0,183	-0,1945***	0,3029*	-0,2028*
	(0,0618)	(0,1783)	(0,1433)	(0,0513)	(0,1553)	(0,1216)
Worried_lose_job3	-0,425596***	-0,433217**	-0,487916***	-0,320818***	0,0633861	-0,267430**
	(0,0683)	(2,2220)	(0,1453)	(0,0522)	(0,1645)	(0,1216)
Worried_lose_job4	-0,224729***	-0,231681	-0,242191*	-0,208195***	0,267776*	-0,12248
	(0,0573)	(1,9240)	(0,1343)	(0,0485)	(0,1536)	(0,1216)
Worried_lose_job5	-0,0957876***	-0,232876	-0,0393905	-0,110391**	0,291148*	-0,11527
	(0,0634)	(1,1960)	(0,1403)	(0,0530)	(0,1573)	(0,1181)
Subj_wealth2	0,07823	1,476**	0,4949**	0,2010*	0,8036*	0,6597***
	(0,1494)	(0,6547)	(0,2172)	(0,1127)	(0,4226)	(0,2055)
Subj_wealth3	0,5434***	1,890***	0,5955***	0,7172***	1,411***	0,8759***
	(0,1436)	(0,6372)	(0,1989)	(0,1082)	(0,4088)	(0,1978)
Subj_wealth4	0,7206***	2,130***	0,9173***	0,8909***	1,678***	1,209***
	(0,1436)	(0,6345)	(0,1990)	(0,1085)	(0,4090)	(0,1985)
Subj_wealth5	0,8816***	2,292***	1,154***	0,9472***	1,827***	1,445***
	(0,1446)	(0,6350)	(0,2009)	(0,1094)	(0,4113)	(0,2009)
Subj_wealth6	0,8573***	2,590***	1,218***	1,080***	1,953***	1,557***
	(0,1480)	(0,6423)	(0,2090)	(0,1141)	(0,4203)	(0,2085)
Subj_wealth7	0,8377***	2,856***	1,293***	1,226***	2,528***	1,599***
	(0,1557)	(0,6604)	(0,2282)	(0,1247)	(0,4568)	(0,2292)
Subj_wealth8	1,314***	3,396***	0,6791	1,469***	2,787***	1,591***
	(0,2173)	(0,9035)	(0,4740)	(0,2161)	(0,6393)	(0,4117)
Subj_wealth9	1,750***	-	23,49***	1,221**	0,3168	1,521***
	(0,6642)	-	(0,5948)	(0,5114)	(1,8890)	(0,3454)
Worried_needs2	-0,5645***	-0,7931***	-1,744***	-0,4345***	-1,195***	-1,683***
	(0,0791)	(0,1845)	(0,1740)	(0,0772)	(0,1911)	(0,1877)
Worried_needs3	-0,9923***	-1,489***	-2,321***	-0,8854***	-1,857***	-2,293***
	(0,0811)	(0,2122)	(0,1778)	(0,0783)	(0,2030)	(0,1850)
Worried_needs4	-0,8073***	-1,193***	-2,388***	-0,7832***	-1,743***	-2,125***
	(0,0784)	(0,1904)	(0,1686)	(0,0757)	(0,1915)	(0,1770)

Переменные	Мужчины			Женщины		
	Город	ПГТ	Село	Город	ПГТ	Село
Worried_needs5	-1,145***	-1,399***	-2,630***	-1,187***	-2,014***	-2,453***
	(0,0845)	(0,2064)	(0,1743)	(0,0796)	(0,1997)	(0,1795)
Diplom	0,02652	0,2143**	0,1376**	0,1889***	-0,07001	0,0142
	(0,0290)	(0,0982)	(0,0662)	(0,0254)	(0,0785)	(0,0529)
Health2	0,817	1,998*	-2,256	0,02988	-0,4503	1,448
	(0,7354)	(1,0850)	(1,5120)	(0,3882)	(1,0290)	(1,3470)
Health3	1,213*	2,220**	-1,672	0,379	0,35	2,001
	(0,7312)	(1,0530)	(1,5040)	(0,3842)	(1,0160)	(1,3480)
Health4	1,739**	2,883***	-1,305	0,9350**	1,013	2,470*
	(0,7315)	(1,0550)	(1,5050)	(0,3845)	(1,0180)	(1,3500)
Health5	1,939***	3,557***	-1,781	1,254***	1,373	2,078
	(0,7391)	(1,0710)	(1,5160)	(0,4146)	(1,0630)	(1,3680)
Wealth_satisfaction2	0,6645***	0,8715***	0,5185***	0,7481***	0,8837***	0,8397***
	(0,0430)	(0,1328)	(0,0738)	(0,0372)	(0,1066)	(0,0686)
Wealth_satisfaction3	1,25358***	1,12135***	0,811962***	1,37468***	0,962585***	1,39739***
	(0,0482)	(0,1329)	(0,0732)	(0,0381)	(0,1392)	(0,0782)
Wealth_satisfaction4	2,10675***	1,95806***	1,60669***	2,33236***	2,0409***	2,18146***
	(0,0573)	(0,1489)	(0,0749)	(0,0493)	(0,1495)	(0,0902)
Wealth_satisfaction5	3,8653***	4,54389***	3,33186***	4,35912***	4,17945***	3,47155***
	(0,1289)	(0,3839)	(0,1839)	(0,1193)	(0,3748)	(0,2782)
Child	0,2496***	0,4261***	0,3731***	0,1291***	0,1965*	0,1186
	(0,0316)	(0,1077)	(0,0639)	(0,0330)	(0,1130)	(0,0789)
Vacation	0,3176***	0,4897***	0,1758***	0,1352***	0,2303***	0,1999***
	(0,0288)	(0,0894)	(0,0532)	(0,0289)	(0,0849)	(0,0561)
Religion	0,1667***	-	0,06144	-0,2937***	-0,1924	-0,006373
	(0,0343)	-	(0,0639)	(0,0421)	(0,1430)	(0,0699)
Log_Income	-0,003196	0,01537	-0,1193	0,0121	-0,6120***	-0,2079
	(0,0596)	(0,1973)	(0,0950)	(0,0910)	(0,2111)	(0,1694)
Disabled	-0,1536	0,4786	0,1074	0,2678***	-	0,3099***
	(0,0934)	(0,3638)	(0,2130)	(0,0261)	-	(0,0492)
n	22564	2347	6350	22564	2347	6350
lnL	-25420	-2534	-7279	-30640	-3403	-8519
Wald chi2 (33)	13681	1562	3565	17687	2125	3499

Примечание. Переменные Health, Wealth_satisfaction, Worried_lose_job, Worried_needs имеют обратную шкалу относительно первоисточника данных для удобства интерпретации результатов. Переменные Worried_lose_job, Subj_wealth и Health включены как набор бинарных переменных. Приведены робастные специальные ошибки. *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Источник: расчеты авторов на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2004–2021 гг.

удовлетворённость жизнью в реализации себя через заработок, досуг, детей, заботу о здоровье. К тому же, городское общество в большей мере формирует нуклеарные семьи, а в сёлах мужчина чаще является ответственным главой большой семьи.

Заключение

Удовлетворённость жизнью — это многомерный индикатор, на который влияет множество факторов из различных сфер жизни человека.

Наше исследование вносит вклад в углубление представлений об обстоятельствах, определяющих удовлетворённость жизнью городского и сельского населения России. Обнаружена высокая значимость субъективной оценки богатства, обеспеченности необходимыми благами и наличия оплачиваемого отпуска для всех россиян вне зависимости от типа населённого пункта. При этом основные отличия набора и степени влияния факторов проходят по линии, разграничивающей ценности коллективизма и индивидуализма, доминирующие в городах и сёлах, соответственно.

Полученные выводы демонстрируют потребность в разной направленности социальной политики, проводимой для повышения удовлетворённости жизнью, в зависимости от типа населённого пункта. Например, не может не вызывать тревоги сравнительно меньшая значимость субъективной оценки здоровья для удовлетворённости жизнью сельского населения, что может быть связано как с недостаточной осведомлённостью сельских жителей о важности и состоянии собственного здоровья, так и с отсутствием доступа к медицинской помощи.

Перспективы нашего исследования представляются в оценке воздействия большего количества факторов на удовлетворённость жизнью населения России, а также проверке наличия обратной причинно-следственной связи [Stutzer, Frey, 2006; Steptoe, 2019], которая может иметь место вследствие влияния удовлетворённости жизнью на такие показатели, как доход, занятость, уровень образования, семейное положение, здоровье.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Аистов А.В., Леонова Л.А. (2011). Эконометрические модели упорядоченного выбора — пример оценок удовлетворённостью жизнью [Aistov A.V., Leonova L.A. (2011). Application of ordered choice econometric models for life satisfaction assessments] // *Информационные системы и математические методы в экономике*. №3. С. 5–26.
- Антипина О. (2017). Экономика, культура и счастье: есть ли взаимосвязь? [Antipina O. (2017). Economy, culture and happiness: is there interconnection] // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 61. №7. С. 35–44. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-7-35-44.
- Антипина О.Н., Кривицкая А.Д. (2022). Экономика и счастье в России: эмпирический анализ [Antipina O.N., Krivitskaya A.D. (2022). Economy and happiness in Russia: Empirical analysis] // *Вопросы экономики*. №8. С. 48–67. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-8-1-20.
- Брызгалин В.А., Никишина Е.Н. (2020). Существует ли региональная социокультурная специфика в России? Возможности использования социокультурного подхода в экономике [Bryzgalin V.A., Nikishina E.N. (2020). Is there a regional culture in Russia? Opportunities of using a sociocultural approach in economics] // *Вопросы экономики*. №7. С. 108–126. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-7-108-126.
- Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. (2015). Счастье и его детерминанты (статья 1) [Kozyreva P.M., Nizamova A.E., Smirnov A.I. (2015). Happiness and its determinants. Part I] // *Социологические исследования*. №12. С. 120–132.
- Ларин А. В., Филясов С. В. (2018). Парадокс Истерлина и адаптация в России [Larin A.V., Filiyosov S.V. (2018). Adaptation and the Easterlin Paradox in Russia] // *Экономический журнал ВШЭ*. Т.22. №1. С. 59–83. DOI: 10.17323/1813-8691-2018-22-1-59-83.
- Родионова Л.А. (2013). Счастлив ли русский человек? [Rodionova L.A. (2013). Is Russian Man Happy?] // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. Т.13. №3(1). С. 254–261. <http://eup.sgu.ru/sites/eup.sgu.ru/files/254-261.pdf> (дата обращения: 20.12.2023).
- Родионова Л.А. (2014). Парадокс Истерлина в России [Rodionova L.A. (2014). Easterlin Paradox in Russia] // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. Т. 14. №2. С. 386–393. <http://eup.sgu.ru/sites/eup.sgu.ru/files/386-393.pdf> (дата обращения: 20.12.2023).

- Шабунова А.А., Морев М.В. (2013). Представления вологжан о счастье [Shabunova A.A., Morev M.V. (2013). Vologda residents' notions of happiness] // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. №1(25). С. 137–150. <http://esc.vscs.ac.ru/article/386/full> (дата обращения: 20.12.2023).
- Blanchflower D.G., Oswald A.J. (2004). Well-being Over Time in Britain and the USA // *Journal of Public Economics*. Vol. 88. Pp. 1359–1386.
- Cheng T. C., Powdthavee N., Oswald A. J. (2017). Longitudinal Evidence for a Midlife Nadir in Human Well-being: Results from Four Data Sets // *The Economic Journal*. Vol. 127. No. 599. Pp. 126–142. DOI: 10.1111/eoj.12256.
- Diener E., Inglehart R., Tay L. (2013). Theory and Validity of Life Satisfaction Scales // *Social Indicators Research*. Vol. 112. No. 3. Pp. 497–527. DOI: 10.1007/s11205-012-0076-y.
- Diener E., Lucas R.E., Oishi S. (2002). Subjective Well-being: The Science of Happiness and Life Satisfaction // *Handbook of positive psychology*. Vol. 2. Pp. 63–73.
- Easterlin R.A. (1974). Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence // *Essays in Honor of Moses Abramovitz / P.A. David, M.W. Reder* (eds.). — New York: Academic Press. Pp. 89–125.
- Easterlin R.A., O'Connor K.J. (2020). The Easterlin Paradox // *IZA Discussion Paper*. No. 13923. DOI: 10.2139/ssrn.3743147.
- Haller M., Hadler M. (2006). How Social Relations and Structures Can Produce Happiness and Unhappiness: An International Comparative Analysis // *Social indicators research*. Vol. 75. Pp. 169–216.
- Happy Planet Index (HPI) (2019). The Hot or Cool Institute. <https://hotorcool.org/hc-projects/happy-planet-index/> (access date: 11.12.2023).
- Helliwell J.F., Shiplett H., Barrington-Leigh C.P. (2019). How Happy are your Neighbours? Variation in Life Satisfaction among 1200 Canadian Neighbourhoods and Communities // *PloS one*. Vol. 14. No 1. P. e0210091.
- Myers D.G., Diener E. (1996). The Pursuit of Happiness // *Scientific American*. Vol. 274. No. 5. Pp. 70–72. DOI: 10.1038/scientificamerican0596-70.
- Rampichini C., Schifini d'Andrea S.A. (1998). Hierarchical Ordinal Probit Model for the Analysis of Life Satisfaction in Italy // *Social Indicators Research*. Vol. 44. Pp. 41–69. DOI: 10.1023/A:1006888613727.
- Steptoe A. (2019). Happiness and Health // *Annual review of public health*. Vol. 40. Pp. 339–359. DOI: 10.1146/annurev-publhealth-040218-044150.
- Stutzer A., Frey B.S. (2006). Does Marriage Make People Happy, or Do Happy People Get Married? // *The Journal of Socio-Economics*. Vol. 35. No. 2. Pp. 326–347.
- World Happiness Report (2020). J.F. Helliwell, R. Layard, J.D. Sachs, J-E. De Neve (eds). — New York: Sustainable Development Solutions Network.
- World Happiness Report (2022). / J.F. Helliwell, R. Layard, J.D. Sachs, J-E. De Neve, L.B. Akinin, S. Wang (eds). — New York: Sustainable Development Solutions Network.
- World Happiness Report (2023). / J.F. Helliwell, R. Layard, J.D. Sachs, J-E. De Neve, L.B. Akinin, S. Wang (eds). — New York: Sustainable Development Solutions Network.
- Zweig J.S. (2015). Are Women Happier than Men? Evidence from the Gallup World Poll // *Journal of Happiness Studies*. Vol. 16. Pp. 515–541.

Антипина Ольга Николаевна

antipinaon@my.msu.ru

Olga Antipina

doctor habilitatus in economics, professor, professor of the faculty of economics of Lomonosov Moscow State University, Moscow.

antipinaon@my.msu.ru

Хомутов Артемий Алексеевич

arhom57@mail.ru

Artemiy Khomutov

Student of the faculty of economics of Lomonosov Moscow State University, Moscow

arhom57@mail.ru

HOW DOES LIFE SATISFACTION DEPEND ON THE SETTLEMENT TYPE?

Abstract. Life satisfaction is a multidimensional indicator that is influenced by many factors. Studies of national life satisfaction factors provide adequate estimates when countries are homogeneous “macroregions” with common social, cultural, and institutional foundations. However, within large and heterogeneous national states, of which Russia is one, internal regional differences in living conditions can be significant, which means that assessments of happiness levels are dominated by various factors, including the type of human settlement and its inherent characteristics.

The conducted research is deepening the understanding of the factors that have a significant impact on subjective life satisfaction in various types of settlements in Russia — cities, towns, and villages. The Russia Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics (RLMS-HSE) was used as the data source. Econometric modeling is based on an ordered logit model with random effects using panel data.

We discovered the high significance of subjective evaluation of wealth satisfaction, worried needs, and availability of paid vacations for all Russians, regardless of the type of settlement. The main differences in the set and degree of influence of factors lie along the line separating the values of collectivism and individualism, which are dominant in cities and villages, respectively. There is less concern about health and the possibility of job loss among rural residents reliant on the support of neighbors and family, in which men do not associate life satisfaction with the duration of the working day, and women do not associate life satisfaction with the amount of wage and maternity. In contrast, individualistically oriented residents of cities where nuclear families predominate and connections among people are weak tend to derive life satisfaction from self-realization through earnings, leisure, children, and health care.

Keywords: *life satisfaction, subjective well-being, happiness level, economics of happiness, settlement type.*

JEL: C23, I31, R13.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Г.И. Мусихин

*д.полит.н., профессор, Российский биотехнологический университет
(Москва)*

НАРРАТИВ КАК СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИМВОЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье предпринимается теоретический анализ концепта политического нарратива как политической реальности, которая не сводима к совокупности позитивистски фиксируемых фактов. В контексте политической символизации нарративы как элементы толкования политики формируют смыслы последней через речевые ситуации, развивающиеся как взаимодействие суждений. Политические нарративы выполняют роль посредников в социальной деятельности, которые не просто передают информацию, но делают это с приращением нового смысла, ибо политические нарративы транслируются посредством обсуждения (делиберации). Происходит формирование «нарративной идентичности» как позиционирование к метанарративам и их создателям. Автор показывает, что любая символическая политическая реальность представляет собой констелляцию нарративов вовлечённости, которые создают речевые ситуации взаимодействия членов сообщества с коллективной историей как повествованием. Тем самым нарратив вводит индивидов в политический контекст. Это даёт возможность зафиксировать нарративный «след» совместных социальных практик, которые носят имена «культуры», «нации», «страны» и т.д. При этом автор обосновывает тезис, что форма и содержание политических нарративов получают значение внутренней обусловленности задним числом, так как унаследованный массив политических толкований постоянно «перерассказывается» в актуальном настоящем. Делается вывод, что в контексте политической символизации нарратив может представлять собой аналитическое решение проблемы взаимодействия индивидуального сознания и общества.

Ключевые слова: *политическая символизация, нарратив, речевая (verbal) ситуация, политический контекст, дискурс, вовлечённость, коллективная память, идентификация.*

JEL: Z10, Z18

УДК: 303.01, 32.0195

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_116_133

© Г.И. Мусихин, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Мусихин Г.И.* Нарратив как смыслообразующий элемент политической символизации // Вопросы теоретической экономики. 2024. №2. С. 116–133. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_116_133.

FOR CITATION: *Musikhin G.* Narrative as a Meaning-Forming Element of Political Symbolization // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 2. Pp. 116–133. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_116_133.

Введение

В самом начале хочу оговориться, что данная статья написана в русле авторского подхода к *политической символизации*¹ и не претендует на то, чтобы следовать логике теории нарратива. Последний является важным, но всё же подчинённым концептом в контексте политической символизации. При этом понимание политической символизации последовательно отделяется от позитивистского объяснения политики². Современная политическая наука, опираясь на принципы логического позитивизма (хоть и с серьёзными оговорками)³, сконцентрирована прежде всего на позитивистской фиксации политических интересов и предпочтений. С точки зрения политической символизации политический процесс может быть не только отражением интересов, но и результатом существования тех или иных когнитивных конструкций. Поэтому вопрос об *истине* в политике является *риторическим*, а не содержательным.

В понимании политической символизации я отталкиваюсь от немецкого *романтизма*, создавшего эстетическую теорию символа⁴. Немецкие романтики поставили во главу угла не взаимоотношение реальности и образа, а взаимодействие автора и символа, который прекрасен в той мере, в какой он не транзитивен (целостен с точки зрения диалектики).

С романтически понятым символом связана романтическая концепция языка как становления, содержащего в себе способность производства нового смысла, как нового качества, которого не было в непосредственно произносимых словах. Данное качество высвечивается только в ходе совместного толкования с непредопределённым результатом. Возникшее в русле немецкого романтизма *динамическое* понимание языка перекликается с динамической трактовкой символизации, которая не есть обозначение, так как акцент делается на экспрессии, а не на репрезентации, т.е. *выразительность* доминирует над репрезентативностью.

Исходя из этого, политическая символизация существует в контексте *недостаточности конкретного смысла*, адекватного логике. Означаемое диалектически выходит за рамки обозначенного в суждениях участников коммуникации. Романтически понятые символы развиваются не от *значения* к значению, а от *суждения* к суждению. В первом случае объясняется значение (присоединения Крыма, вводимых санкций, строительства «Северного потока 2» и т.д.), во втором — имеет место коммуникация, способная запустить процесс коллективного самоосознания. Обязательным контекстом их возникновения выступает не мыслительный процесс, а актуальная *речевая ситуация*, которую не следует отождествлять с *дискурсом* Тёна ван Дейка, для которого политический дискурс есть социальный конструкт семантических значений, а не символических суждений [Dijk, 2008]⁵.

¹ Политическая символизация понимается как множественность смыслов коммуникации в политическом контексте, конвенциональность которых заранее не обеспечена (подробнее см.: [Мусихин, 2015a ; Мусихин, 2015b]).

² Политическое мною понимается как опубликование социальной власти. В понимании власти я буду следовать концепции Лумана, для которого власть была способностью символической генерализации социальных ожиданий, образующей ценностно-инструментальный код по отношению к целям социальной координации [Luhman, 1975].

³ Эти оговорки продиктованы известной идеей Шапиро о том, что основной массив исследований в рамках эмпирической политической науки реконструирует предпочтения (независимая переменная) из реального поведения (зависимая переменная), хотя согласно принципам позитивизма должно быть наоборот [Shapiro, Wendt, 1992].

⁴ Подробнее о символической теории немецкого романтизма [Тодоров, 1998], о политическом романтизме [Шмитт, 2006].

⁵ Предложенный мною конструкт речевой ситуации опирается на концепцию речевых актов Д. Остина [Остин, 1999], но не совпадает с ней. Речевая ситуация помимо собственно языкового послания учитывает неязыковой контекст, в котором слова были произнесены/не произнесены. Этот контекст может иметь не меньшее значение для понимания актуального нарратива, чем сами слова. Вспомним пушкинское: «Народ безмолвствует».

Концепт политической символизации даёт возможность посмотреть на огромные интеллектуальные богатства теории нарратива не с точки зрения лингвистического *объяснения* политики, а с позиции контекстуального *понимания* самой политики. Объяснение в данном случае будет содержаться в диалектически снятом виде. Такой подход ведёт к серьёзным интеллектуальным ограничениям, так как безусловно значимый массив лингвистических исследований и подходов в их непосредственном виде будет оставлен в сфере самой лингвистики и не станет предметом теоретического анализа в данной статье.

Политический нарратив как не-позитивистская реальность политики

Окружающая нас действительность обретает политическое звучание через язык как речь, которую мы производим в разговорах, текстах и интерактивном общении по поводу власти [Fairclough, Grant, 2010]. В контексте политической символизации это предполагает не просто отражение действительности в словах, наделённых политическим значением, сама *речь* как комплекс речевых ситуаций создаёт политическую *реальность*, где, например, государство приобретает тот смысл, который то или иное политическое сообщество выработает в ходе суждений по поводу соответствующих явлений в тех, а не иных словах. Речевые ситуации «кадрируют» политическую реальность и одновременно делают её «фильмом» со своей сюжетной линией [Fairhurst, Sarr, 1996]. Это главное, на чём делается акцент в ходе коллективного толкования. Так, информативно и семантически нейтральное выражение «эта страна» может быть названо маркером отсутствия патриотизма.

Наиболее чётко «кадрирование» (фреймирование) политической реальности можно проследить в использовании политически актуальных словесных конструкций. Одни и те же действия, совершённые одними и теми же людьми, могут называться и «преступлением террористов», и «атакой повстанцев» [Fisk, 2001]. Методы контент-анализа обнаруживают подобные ситуации довольно часто. Однако для такого анализа первична логика языка, а не логика политики, последняя, впрочем, неким «волшебным» образом выходит на первый план в выводах контент-анализа. Для политической символизации изначально первоочерёдное внимание уделяется тому, как истолковывают разные политические сообщества *обсуждаемую* ситуацию. Такой подход можно упрекнуть в примитивной описательности, отказывающейся от изошёренных техник лингвистического анализа, и с технической точки зрения этот упрёк будет справедлив, однако для ситуативного понимания (а не репрезентативного объяснения) политических процессов данный подход может дать больше содержательных *суждений*, нежели семантика *значений*.

Не меньшие сложности возникают, если рассматривать вышеописанную ситуацию с эмпирико-позитивистской (не семантической) точки зрения. С позитивистских позиций данные разночтения легко фиксируются и, как минимум, какая-то одна из позиций должна быть признана не соответствующей действительности. Однако в контексте политической *символизации* все эти позиции являются частью политической *реальности* и способны приводить к реальным (в том числе материальным) последствиям⁶. То есть слова не отражают мир политического. Они являются деятельной составляющей этого мира, содействуя или препятствуя амбициям политических лидеров, усиливая или ослабляя коллективную идентификацию, мобилизуя или распыляя различного рода ресурсы. При этом нужно помнить, что политический контекст всегда накладывает на речевые конструкции «властный колорит», даже если сама властная проблематика не обсуждается непосредственно.

⁶ Сейчас в социологии это известно как теорема Томаса [Merton, 1995], хотя романтиками это механизм был обоснован на сто лет раньше [Тодоров, 1998].

Нарратив в политической *реальности* является критически важным для понимания политических *событий*. Последние, будучи охвачены нарративом, связываются в терминах смысловой связи, а не просто случайно фиксируются, ибо любой политический нарратив генерализуется последовательностью смыслов языка [Gabriel, 2004]. При отсутствии политического нарратива мы теряем сюжет [Gabriel, 2008. P. 196], т.е. утрачиваем понимание происходящего. Для инопланетян выборы на Земле будут упорядоченным передвижением людей, проставляющих примитивные знаки на скоропортящемся материале. Смысл верховного властного действия останется для них вне понимания без понимающего знакомства с соответствующим нарративом. При этом сюжет политического нарратива есть не совокупность экспертного знания о политике, а сама политика, создаваемая теми, кто о ней говорит (пишет, дискутирует). Оппоненты Барака Обамы могли сколько угодно обвинять его в отсутствии реальной программы действий и проповеднической риторике, но нарратив будущего Америки, созданный Обамой, оказался в глазах большинства избирателей более убедительным, нежели формально логичные высказывания экспертов, которые обвиняли его в непрофессионализме и неэффективности, причём вполне обоснованно обвиняли. И эта убедительность имела реальные властные последствия: Обама восемь лет был президентом США⁷.

В контексте политической символизации нарративы как элементы толкования политики формируют смыслы последней через *речевые ситуации*, развивающиеся через взаимодействие *суждений*. Это, в свою очередь, предполагает, что суждения обязательно кем-то высказываются и кому-то адресованы (актуально или потенциально). Такое понимание политической символизации влечёт за собой принятие нескольких концептуальных принципов:

- ▶ в политической реальности язык и мышление не просто связаны, они составляют *взаимно конституирующие элементы символизации*;
- ▶ политические нарративы как речевые ситуации удовлетворяют персональную потребность в *идентификации* по отношению к власти;
- ▶ достижение коллективной *солидарности* происходит как совместное *самоосознание общего смысла* политики.

Политические нарративы выполняют в социальной деятельности роль *посредников*, которые не просто передают информацию, но делают это с *приращением* нового смысла, так как политические нарративы транслируются посредством *обсуждения*. Можно сказать, что *все* политические нарративы — это имплицитные или эксплицитные *обсуждения*. В политическом контексте люди думают, воспринимают, представляют и делают моральный выбор через нарратив, т.е. в специфической *речевой ситуации оценочного повествования*. Принятие политических решений, идеологическая идентификация, формирование коллективных убеждений и мотивации к участию в коллективных действиях представляют собой специфические нарративы как фиксацию политической *реальности*, которая *не сводима к совокупности позитивистски фиксируемых фактов*.

Если посмотреть на освещение Второй мировой войны в учебниках истории России и США, то нетрудно заметить, что эта очень подробно задокументированная история *рассказывается* по-разному. И здесь мы видим не прямую историческую фальсификацию с той или другой стороны. Это *разные политические нарративы* об одном и том же историческом *событии*. Старые национальные истории политически рассказываются для новых наций [Suny, 2001]. Данный нарратив включает в себя массу элементов: коллективную память, особенности пройденного после войны политического развития, культурные повседневные практики, характер взаимоотношений между странами и т.д. Из всех этих элементов возникает *символическая* модель актуальных социальных и политических

⁷ О риторических приёмах Обамы в ходе избирательных кампаний см.: [Frank, 2011; Isaksen, 2011].

отношений. Такие модели способны оказывать *снимающее* воздействие на элементы коллективной памяти. Значительная часть информации из прошлого *не будет отрицаться целенаправленно*, она просто *не будет воспроизводиться в символических конструкциях*. В результате Великая отечественная война является «неизвестной войной» в США, а для нас такой же «неизвестной» будет война на Тихом океане.

Примечательно, что вышеназванные нарративы написаны не только для того, чтобы оказать влияние на определённую аудиторию, они созданы именно в расчёте на данную аудиторию, т.е. предполагают перспективу имплицитного *диалога* читателей с текстом. И диалог этот предполагается как *взаимопонимание*, а не спор. Через подобные нарративы индивидуальное сознание приобщается к социальной реальности с особыми политическими и культурными условиями [Bruner, 1990]. Происходит формирование «нарративной идентичности» [Somers, 1994] как позиционирование к метанарративам⁸ и их псевдосоздателям [Fivush, 2010; Hammack, 2011; Hammack, Pilecki, 2012]. Последние выступают специфическими политическими квазиактерами, которые создают (или поддерживают) ретроспективные мифологемы, конституирующие актуальную национальную конфигурацию, поддерживающую процесс идентификации индивидов и социальных групп. При этом в механизме конструирования подобных мифологем нет ничего эзотерического, он в значительной мере укладывается в хорошо известные приёмы риторической аргументации [Мусихин, 2016; Мусихин, 2018], упорядоченной ещё Аристотелем. Сложно отследить, кто конкретно заменил нарратив «краха СССР» на нарратив «разрушения СССР», но отождествляется последний нарратив с нынешним президентом России, запуская механизм нарративной идентичности как сопричастности с наследием великой державы и её реальности в настоящем.

Любая символическая политическая реальность представляет собой констелляцию *нарративов вовлечённости*, которые создают речевые ситуации взаимодействия членов сообщества с коллективной историей как повествованием. Это способствует как индивидуальному, так и коллективному *самоотождествлению* с различными политическими образованиями — нациями, государствами, общественными движениями, политическими партиями и т.д. Происходит конструирование уникального социального нарратива как коллективной исторической памяти, имеющей религиозные, этнические, расовые, идеологические и прочие элементы, содержание которых постоянно *взаимодействует*, создавая *новые* элементы *толкования* политики. В границах такого толкования идентификация рассматривается как процесс *диалогического* вовлечения в нарратив, через который индивиды находят (или не находят) смысл своей жизни, вынося положительные или отрицательные *суждения* относительно коллективных историй.

Если принять комплекс значимых нарративов (совпадение их с метанарративами может иметь место, но носит ситуативный характер) как отражение коллективной исторической памяти за актуальное состояние общества, можно через это состояние проследить, как *понятый* таким образом социум оказывает влияние на политические *представления* и политические *действия*. Кроме того, фиксируя смысловые ограничения комплекса значимых нарративов, можно попытаться понять, как индивиды и группы пытаются *создать* новый / сохранить существующий социальный *порядок* как *толкование* (воспроизводство существующих или создание новых) *смыслов* политики.

⁸ О проблематике метанарратива [Лиотар, 1998].

Концептуализация политического нарратива как ситуативного единства мышления, знания и языка

Политические нарративы фиксируют и одновременно описывают когнитивный процесс выработки смыслов политики [Bruner, 1990]. Только опираясь на политический нарратив, мы можем говорить о том, что люди *реально* думают о политике. Поднимать вопрос о *мышлении* как таковом в политическом контексте *бессмысленно*, ибо в конечном счёте придётся констатировать невозможность обнаружения мыслей о политике в головах людей. Да и в контексте политической символизации это не имеет принципиального значения, так как политическое здесь есть опубличивание социальной власти.

Политический нарратив создаёт речевые ситуации, через которые достигается чувство личной сопричастности и коллективной солидарности, а коллективно истолкованные смыслы приобретают статус общих убеждений, способных вызвать массовые целенаправленные действия по поводу власти. Можно сказать, что именно *нарратив вводит индивидов в политический контекст*. Этот процесс может носить имя осознания собственного интереса, мотивации, формирования предпочтений и т.д.

В рамках политической символизации принципиально важно, что политический нарратив демонстрирует: *говорить, думать и знать в контексте политики приходится одновременно* [Мусихин, 2015b]. Природа смыслов, фиксируемых политическими нарративами, а также сюжетные линии толкований политических *суждений* принципиально влияют на то, что мы думаем о политической реальности, задавая рамки должного (допустимого) для взаимоотношений власти, значимых социальных групп и индивидов.

Говоря об *индивидах* в контексте политических нарративов, следует акцентировать внимание на том, что индивиды прежде всего нацелены на *персональную согласованность* с имеющимися в нарративах политическими смыслами. Индивидуальное восприятие политического контекста ориентировано на *чувство сопричастности* и преимущества со временем и местом политических событий, которые воспринимаются как политический нарратив. При этом на уровне индивидуальной рефлексии такой нарратив по определению фрагментарен. Однако последнее преодолевается (снимается) политической символизацией. Факт *незнания* или неспособности объяснения всегда маскируется *риторическими* языковыми конструкциями аргументации, которые в пространстве политической символизации есть *как бы* знание, понимание и объяснение. При этом «как бы» в ходе символической политической генерализации понятий *опускается* (или телескопически «схлопывается») [Мусихин, 2018]. Фразы «мы же всё знаем», «мы же всё понимаем» часты в политических дискуссиях и отсылают нас одновременно к двум как будто бы существующим явлениям — «нам всем» и «всеобщему знанию и пониманию». Если риторическая аргументация оказывается при этом убедительной, «как будто бы» исчезает из коллективного самоосознания.

Чувство сопричастности, удовлетворяемое через телескопическое «схлопывание» фрагментарных смыслов в ходе политической символизации, наделяет *солидарность* принципиальным политическим *смыслом*. В политическом контексте людям свойственно искать солидарности через ознакомление с политическими нарративами, внося тем самым больший или меньший вклад в их воспроизводство или изменение. Тем самым можно зафиксировать *нарративный «след» совместных социальных практик*, которые носят имена «культура», «нация», «страна» и т.д.

Политический нарратив как таковой фиксирует ситуативные взаимоотношения между языком, мышлением и социальной структурой. «Политическое мышление» может существовать только как реальность языкового социального взаимодействия. Здесь необходимо отказаться от *двух заманчивых искушений*.

Первое — искушение *когнитивной психологией* как таковой. Заманчиво найти эмпирическую связь между тем, что происходит в головах, и тем, что фиксируется в нарративе. Однако, во-первых, на уровне репрезентативного политического поведения это недостижимо, а во-вторых, для понимания политической реальности это не принципиально, если история не знает сослагательного наклонения, то политика важна как актуально осуществляющаяся данность. Хотя для собственно когнитивной психологии нахождение вышеназванной связи является безусловно важной задачей, и в этой сфере достигнуты значительные успехи [Billig, 1985; Billig, 1987; Bruner, 1990].

Второе — искушение *семантикой* как таковой, возникающее, когда лингвистика отказывается от удвоения предмета исследования (речевое/психическое), сосредотачиваясь на логике языка. Раскладывать политический нарратив на чистые семантические значения — увлекательное и оправданное занятие в рамках теории языка, но для понимания политической реальности этого, как правило, крайне мало, так как чистая логика языковых значений будет лишь «тенью в пещере Платона», контекстуальность политических суждений, которые высказываются конкретными субъектами политики, останется за кадром. Конечно, современные исследования политики после «лингвистического поворота» (вклад которого в развитие гуманитарных наук неоспорим⁹) изобилуют указанием на необходимость учёта политического контекста (особенно в рамках «нарративного поворота»)¹⁰. Однако, как правило, этот учёт является приложением к собственно лингвистическому анализу. Для него политический характер языка важен, но *имплицитно* вторичен по отношению к собственно законам языка, которые доминируют в ходе анализа. Политический же контекст, как правило, выходит на первый план лишь в выводах неким «волшебным» лингвистическим образом.

Имея в виду вышеназванное искушение семантикой, нужно осторожно относиться и к радикально противоположной идее М.Фуко о *производительной силе дискурса*, «создающего» субъект и «растворяющего» его в себе [Фуко, 2012]. Скорее можно говорить, что новые политические смыслы создаются при взаимодействии нарративов (которые не обязательно кристаллизуются в дискурсы) и субъектов. В этой связи не стоит переоценивать возможности дискурс-анализа для понимания политики¹¹. В данном случае важен не вопрос о первичности «яйца» или «курицы», а нахождение уникальной *способности* политической символизации, которая состоит в развитии *нового качества* политики: в «яйце» в принципе нет «курицы» как таковой, но она из него *развивается*.

При этом важно не забывать, что политический нарратив имеет «полифоническое звучание», когда несколько сюжетных линий оспаривают *доминирование* в процессе выработки политических смыслов. Соответственно, и толкование сюжетных линий будет варьироваться, вызывая дифференциацию значимых социальных групп, которые в свою очередь будут вносить свою «речевую компоненту» в нарративные сюжетные линии.

В условиях современных медиа создание *убедительного* политического нарратива становится важнейшим условием политического *лидерства*, так как подобный нарратив воплощает в себе коллективное самоосознание политического сообщества как отождествление. Такое самоосознание происходит задним числом [Czarniawska, 1997], ибо нарративы выступают как производящие смысл истории, с которыми сообщество себя идентифицирует, *как если бы* оно было творцом этих историй. Однако в контексте политической символизации принципиально важно, что самоосознание происходит и имеет реальные политические последствия. Иными словами, если мифологемы порождают политическую

⁹ О лингвистическом повороте см.: [Витгенштейн, 2009; Rorty, 1967; Куайн, 2000; Рикёр, 1998].

¹⁰ Здесь прежде всего следует отметить поздние работы Л. Витгенштейна [Витгенштейн, 2009], а также Ф. Анкерсмита, одного из наиболее авторитетных представителей «нарративного поворота» [Анкерсмит 2003].

¹¹ О политическом дискурс-анализе: [Dijk, 2008].

реальность, последняя не становится из-за своего мифологического первоисточника менее реальной. Местоимение «наш» в слоганах «Крым наш» и «Путин наш президент» стало действительным маркером консолидации российского общества, испытавшего эйфорию от того, что Россия (а значит, и все россияне) возвращает Крым. Хотя в реальности действительно массовым политическим действием был только референдум в Крыму (подготовленный, впрочем, ограниченным кругом лиц).

Очевидно, что вклад в создание политического нарратива как рассказываемую историю в рамках политического сообщества не равноценен. Поэтому *способность* лидеров общественного мнения рассказывать подобные истории во многом предопределяет возможности политической элиты *контролировать* политическое сообщество. Соответственно, толкование историй как комплекса суждений в рамках политического сообщества *ограничивает* манипулятивные возможности правящей элиты (и оппозиционной контрэлиты), так как способность задавать направление массовым суждениям даже с учётом современных медиа-технологий (а во многом и из-за этих технологий) крайне ограничена. Консолидирующая сила нарративов «Крым наш» и «Путин наш президент» иссякла к 2019 г., как бы правящая элита ни старалась его медийно поддерживать.

Не секрет, что смысловая структура политического нарратива, как правило, содержит бинарное коллективное противостояние. При этом уже давно стало трюизмом, что современная социальная жизнь крайне сложна, поэтому поляризация по всем политически актуальным проблемам невозможна. Например, можно быть сторонником религиозных школ и одновременно поддерживать усиление прогрессивного налогообложения, хотя это несопоставимые с позиций политико-идеологического дуализма вещи.

Можно предположить, что *дуализм* на уровне политического нарратива во многом культивируется (*конструируется*) лидерами общественного мнения и политической элитой, так как облегчает «нахождение истины», т.е. принятие решения о выработке политического курса [Lakoff, 2004]. Борющиеся за власть политические силы *риторически упрощают* политическую реальность, делая данное упрощение частью последней. Тем самым политический нарратив приобретает *реальные* дуалистические смысловые акценты, которые предлагается «лайкнуть» участникам политического сообщества [Iyengar, 2005].

Однако участники сообщества могут не ограничиться оценкой и начать *комментировать* предлагаемый дуализм, который в результате коллективных *суждений* может как усилиться, так и потерять характер парной категории. Тем самым современный политический нарратив как реальность политики уподобляется знаменитому *Левиафану*, которым никто непосредственно не управляет, но который при этом конструируется только самими участниками «политического тела».

Следовательно, форма и содержание политических нарративов получают значение *внутренней* обусловленности *задним числом*. В политической реальности эти форма и содержание конструируются произвольно, в зависимости от конstellляции политических суждений (как индивидуальных, так и коллективных). Поэтому унаследованный массив политических толкований постоянно *перерассказывается* в актуальном настоящем. И здесь важно не только содержание таких «перерассказов», но и *интенсивность* участия в данном процессе.

В рамках социального конструктивизма для отслеживания и анализа вышеназванных сюжетных линий политики исключительное значение приобрел *дискурс-анализ* [Dijk, 2008; Fairclough, Grant, 2010]. Особенно интересным такой анализ представляется в рамках *дискурсивной психологии* [Berger, Luckmann, 1966; Gergen 1985; Gergen, 1994]. Дискурс здесь рассматривается как механизм, через который индивиды конструируют реальность и конституируют свою позицию в ней [Edwards, 1997; Potter, Wetherell, 1987]. Однако следует помнить о том, что сведение социального конструктивизма к анализу дискурсов уподобляет последние уже упоминавшимся теням в пещере Платона. Сводит риторическую полити-

ческую аргументацию к дискурсам следует только оговорившись, что это *один из* способов операционализации такой аргументации.

Дискурс-анализ наиболее аутентичен для понимания того, как конструируются и презентуются общественности нарративы политических *лидеров*, отстаивающих те или иные *интересы как предпочтения*. Несмотря на то, что данный вид анализа пользуется растущей популярностью, можно предположить, что последняя есть не столько следствие научного успеха, сколько результат публицистической *известности* самого *термина* «дискурс». Становится всё более очевидным, что дискурс-анализ либо крайне ограничен, либо чрезвычайно сложен для того, чтобы выявить, каким образом нарративы политических лидеров влияют на индивидуальную, а тем более коллективную субъектность в политическом контексте. На данный момент дискурс-анализ может только зафиксировать, как лидеры *предполагают* возможность социального конструирования, разворачивая свои собственные рассуждения как аргументацию. Данные предположения являются важным креативным элементом возможной политической символизации, провоцирующим (или нет) новые суждения о политике, но без толкования этих *предположений* как адресованных публике *предложений*, первые не имеют политического смысла, либо смысл этот будет негативным. На одном из бизнес-форумов в речи Путина возник неловкий момент, когда, озвучив какой-то тезис, оратор сделал паузу, ожидая аплодисментов, но последние не последовали. Предположение лидера не было воспринято публикой как предложение, заслуживающее аплодисментов.

Конструирование политического нарратива можно представить как последовательный процесс формирования семантических *значений* только *постфактум*, так как неконвенциональность коллективных толкований политических смыслов делает возможность прогнозирования как предположения в данной сфере иллюзорной. Примечательно, что частями данного нарратива могут быть не только словесные конструкции. Так, при произнесении имени Че Гевара у абсолютного большинства людей возникнет знаменитый и хорошо узнаваемый образ, связанный с набором радикальных левых идеологических принципов. При этом абсолютное большинство не узнаёт Че Гевару на большинстве его фотографий. И ещё меньше людей знают, что знаменитый снимок был сделан в 1960 г., а получил известность в 1967 г. (незадолго до гибели Че), будучи растиражированным в плакатах. И уже с плакатов он стал частью нарратива молодёжного протеста 1968 г., создавшего мифическую историю революционера по призыванию, символа борьбы с несправедливостью по всему миру. Че Гевара действительно был известным революционером и одним из лидеров кубинской революции. Однако вряд ли его конкретные речи и тексты могли бы иметь такой мобилизующий эффект, который получило визуальное изображение, наделённое универсальным революционным смыслом через массовые радикальные суждения, выходящие далеко за рамки конкретной революционной деятельности Че Гевары [Seidman, Buhle, 2008].

Риторический механизм политического нарратива

Толкование предложенных обществу политических суждений можно представить как социальную категоризацию, носящую риторический характер. Следует отметить, что взаимодействие социальной *категоризации* и социальной *идентичности* не является автоматическим когнитивным процессом.

Положительная или отрицательная оценка тех или иных действий или групп в рамках риторической политической аргументации может серьезно варьироваться в зависимости от того, обсуждается ли обсуждаемая группа (или её действия) как принадлежащая к политическому сообществу, в рамках которого происходит толкование. Так, многих представителей либеральной оппозиции в России ловят на слове «эта страна», когда речь

идёт о России. Здесь важно и то, что такая «ловля» происходит, и то, что такой словесный оборот действительно присутствует в политическом нарративе. Тем самым обнаруживается риторическая основа социальной категоризации. *Когнитивные фильтры* не просто фиксируются политическим нарративом, сама *риторическая аргументация может быть механизмом создания* данных фильтров.

С позиций символизирующего воздействия политического нарратива субъекты политики формируют *восприятие* социальной действительности через оценочное *толкование* своего участия в данной реальности. Политическая символизация производит политическую реальность как взаимосвязь языка (как актуального нарратива), мышления и социальной реальности. Своеобразие данной политической реальности состоит в том, что смысл, формируемый обоснованием определённых интересов (хотя будет правильнее сказать — предпочтений), оказывает влияние на сами эти предпочтения. При этом принципиально важно *не обоснование значения* обсуждаемых предпочтений, а *способ аргументации*, высказываемый в контекстуальных суждениях. Тем самым участники политической реальности участвуют в создании нарратива, который создает *ощущение*, в кантовском смысле *sensus communis* из «Критики способности суждения» [Кант, 1994. С. 107, 165–168], личного и коллективного сопричастия политическому смыслу.

Если подходить к политической аргументации с точки зрения логического позитивизма, то утверждение «политика — грязное дело» будет вполне оправданным. Как правило, выдвигаемая в политическом контексте аргументация не соответствует в целом (но всегда лишь фрагментарно) требованиям эмпирической истины.

Политическая символизация, превращая *истину* в *риторический механизм*, не продуцирует обман, но смещает акцент с позитивистского поиска эмпирически доказываемой истины на убедительность политической аргументации, ибо именно последняя, становясь *уместной* в том или ином пространстве политических *событий*, успешно убеждает участников политического сообщества в «истинности» или «ложности» предмета интерактивного политического обсуждения. В контексте политической символизации первостепенно важным будет не то, какие индивидуальные или групповые характеристики способствуют более эффективной делиберации, а почему более убедительны те, а не другие её участники (в рамках социального конструктивизма, об этом см. [Cunliffe, 2008]).

Политическая риторика использует *правдоподобные* аргументы, а не фактически *истинные* доказательства. Можно сказать, что политическая *аргументация* порождает особый тип политической *реальности* как коллективно *истолкованной* (участниками политической коммуникации) целесообразности и уместности, которые выходят за рамки как эмпирической истинности, так и нормативной идеальности, но включают и то и другое в синтетически снятом виде нового политического смысла.

При этом, если мы говорим об участниках политического сообщества, то неминуемо встаёт вопрос о политическом лидерстве и политических последователях [Collinson, 2005]. На данную тему написано слишком много научных работ, чтобы пытаться даже кратко их обобщить. Для политической символизации принципиально важно, что рассмотрение вопроса политического лидерства есть проблема *интеракции*, а не ее *направления*. Иными словами, принципиально не то, имеем ли мы лидеров, которых заслуживаем, или лидеры получают последователей, которых заслуживают, а то, почему политическое сообщество терпит *неудачу*, ибо только в этом случае начинается поиск виновных (сопровождающийся риторической аргументацией, подающейся как фактическое состояние дел) либо среди лидеров, либо среди последователей.

Успешность аргументации политических лидеров оценивается не по профессионализму использования риторических приёмов убеждения, а по реальной мобилизации аудитории. Именно в этом контексте следует понимать популярный в научных и околонаучных кругах термин «*политический дискурс*». То есть последний нужно трактовать как специ-

фическую *речевую ситуацию*, возникающую как аргументированное обращение политического лидера и коллективное толкование данного обращения как комплекс суждений [Wilson, 1990; Cohen, 1994; Gottweis, 2006]. Важно анализировать не только то, что *говорят* политики, но и то, как это *слышим* аудитория.

Политическую аргументацию в контексте политического нарратива следует анализировать с точки зрения *коммуникативных и презентационных навыков* политиков. Поэтому, когда мы говорим о языке политического лидерства, нужно отдавать себе отчёт, что речь идёт не только о собственно языке, но о передаче и взаимодействии смыслов политической реальности [Nye, 2008; Keohane, 2010]. Данные смыслы не всегда непосредственно выражаются словами, самые простые и общеизвестные «дополнения» к языку в политической аргументации — жестикация, мимика, язык тела, элементы одежды. Взаимодействие политических лидеров и адресатов их аргументации образуют особую «*политическую драматургию*» [Cassin, Goffey, 2009. P. 265; Charteris-Black, 2005; Tourish, Jackson, 2008; Hackman, Johnson, 2009; Biehl-Missal, 2010; Sharma, Grant, 2011], сложность анализа которой состоит в том, что текстов «политических пьес» не существует и «ремарки» к политическим дебатам прочесть негде, поэтому их (ремарок) изучение — не столько *анализ*, сколько *реконструкция*.

С точки зрения позитивистской логики аргументационную риторику политических лидеров можно обвинить в выдаче желаемого за действительное (то есть во лжи). Однако следует помнить, что политическая аргументация политиков порождает уникальную ситуацию, которая не описывается ни эмпиризмом, ни формальной логикой. Это ситуация *доверия/недоверия*. Бессмысленно говорить, например, о доверии к математическим аксиомам или теореме Пифагора. Для политического контекста доверие — одно из необходимых условий социальной мобилизации и коллективного политического действия. При этом доверие в политическом контексте порождается, как правило, не констатацией фактического состояния, а риторическим переходом политических лидеров *от убеждений* (в контексте коллективных суждений это ответ на вопрос «кто они/он?») *к аргументам* (в обозначенном контексте это ответ на вопрос «что они говорят?»). Если такого перехода не происходит, то речь идёт не столько о доверии, сколько о фанатичной вере, когда важно только «кто он/они?», при этом вопроса «что они говорят?» не возникает, так как всё, что говорится, принимается как истинное откровение. Однако мобилизационный потенциал такого фанатизма в современной политике крайне ограничен (хотя и существует).

У политической риторики, как у механизма, запускающего процесс конструирования политических смыслов в нарративной форме, нет ценностного знака «плюс» или «минус». Поэтому риторическую аргументацию можно считать модальным механизмом политических нарративов. Одни политические лидеры с помощью риторики будут добиваться осуществления общего блага, другие, используя риторические приемы, будут маскировать свои корыстные интересы. И та и другая стратегия могут быть *успешными*, т.е. могут получить *доверие* со стороны значимых общественных групп.

Ситуация злоупотребления риторическими навыками со времён античности получила название *демагогии*. Демагоги могут быть политически популярны не меньше, чем политики, не злоупотребляющие демагогией. Однако у последних популярность — доверительно-полномочная, а у первых — сугубо доверительная. Хотя и тот и другой вид популярности будут реальными и будут порождать реальные политические последствия.

Можно сказать, что связь между *демагогией* и *популярностью* носит контекстуальный, а потому *случайный* характер. Демагоги могут быть популярными в условиях политической рутины, могут приобрести популярность, риторически эксплуатируя ситуацию кризиса. Символизирующий потенциал такой популярности, как правило, крайне слаб, ибо демагогический нарратив целиком ориентирован на предсказуемую (т.е. конвенциональную) реакцию публики. То есть демагог говорит то, что публика хочет услышать, ожи-

дая, что последняя поведёт себя так, как нужно демагогу [Cohen, 2001; Canes-Wrone, 2005; Zarefsky, 2008].

Даже если случайно *демагогия* приведёт к политической *символизации*, неконвенциональный мультиплицирующий эффект, порождённый демагогией, будет крайне *опасен* для последней, приведя к новому качеству коллективного самоосознания политического сообщества. Такое сообщество нужно будет *реально*, а не демагогически, *возглавить*. Это вполне возможно, но в таком случае политическому лидеру придётся действительно, а не на словах, отстаивать интересы данного сообщества. Для политиков-демагогов это, как правило, непосильная задача. Массовая отставка политиков, боровшихся за выход Великобритании из ЕС, после их «сокрушительной победы» на референдуме — яркий тому пример.

Личная идентификация с политической реальностью

В своё время Э. Гидденс доказывал, что существует фундаментальная потребность в ощущении согласованности и наличии общих смыслов как стремление к экзистенциальной безопасности перед лицом усложняющейся социальной реальности [Giddens, 1991]. Гидденсовская теоретизация интерсубъективности как преодоления категориальной разделённости структурного и акторного начала была теоретической попыткой возвращения согласованного смысла социальной реальности, «разрушенного» постмодернизмом. В этой связи можно отметить *амбивалентность* политического нарратива как предмета рефлексии к согласованности и несогласованности сюжетных линий нарратива. В контексте политической символизации такая амбивалентность преодолевается в процессе *личной идентификации*.

Личную идентификацию в политическом контексте можно обозначить как персональное отождествление с элементами политической реальности. Это основано на допущении, что человеку свойственно искать собственной когерентности существующему порядку. Люди могут обнаружить или не обнаружить такую когерентность; здесь принципиально важно, что они эту когерентность обязательно ищут [Ham Mack, 2008; Ham Mack, Pilecki, 2012; McAdams, 1996]. Можно назвать это нахождением *смысла через идентичность*.

Наиболее зримо такая идентификация видна на соотношении «личных историй» и общего национального нарратива. Как правило, такие «личные истории» укладываются в сюжетные линии истории национальной, которая рассказывается в настоящем. Тем самым одновременно достигается чувство личной согласованности и групповой солидарности. В рамках дискурсивного анализа это исследовалось как персональный дискурс [Ham Mack, 2011] или как дискурс интерактивный [Greenwalt, 2009].

Однако в рамках политической символизации принципиально важно не только то, что общие нарративы влияют на личные истории, но и то, каким образом личные истории «возвращаются» в общий нарратив, создавая специфическую коллективную память [Wertsch, 2002; Wertsch, 2008]. Индивидуальные интерпретации событий, соотнесённые с рефлексией актуальной политической жизни, ведут к формированию тех самых «воображаемых сообществ», которые в рамках современной политической теории именуется нациями [Андерсон, 2001]. И эти «воображаемые сообщества» накладывают на действующих политиков реальные ограничения и конкретные обязательства. Сила национального нарратива в политической реальности состоит в том, что, как правило, он рассказывается языком, на котором думает (и поэтому говорит) данное национальное сообщество. Реальность языка-мышления ведёт к тому, что национально-государственное образование толкуется абсолютным большинством сообщества как естественное, «само собой разумеющееся», а не социально категоризированное¹².

¹² О восприятии государства как естественного, а не социального явления: [Reicher, Hopkins, 2001].

Символизация солидарности между памятью и представлениями

В процессе политической символизации происходит синтез личного и политического. Это достигается через нахождение согласованного толкования разнообразных политических суждений. Данный синтез исходит из того, что индивид не является автономным в позитивистском и утилитаристском смысле. Индивид *как бы* автономно соотносит личное и политическое, участвуя в общем процессе символической генерализации смыслов. Тем самым *когерентность достигается через нарратив социальной сплочённости*.

При этом встраивание в подобный нарратив не обязательно носит актуальный характер речевого взаимодействия. Зачастую достаточно осознания себя частью кантовского *sensus communis*, когда приобщение к сообществу достигается не эмпирическим обнаружением тех, «кто-как-я», а уверенностью в том, что «такие-как-я», безусловно, есть. Так возникает *ситуативная фиксация коллективной памяти как актуальная символизация солидарности*.

При этом в контексте политической символизации суждения о коллективных воспоминаниях выходят за рамки самих воспоминаний, добавляя воображение, спровоцированное общественным мнением политического настоящего¹³. Соединение фактического (реальные исторические события) и вымышленного (фантазии/мечты, продиктованные настоящим) формируют мифы (точнее — *мифологемы*¹⁴), символизирующие *солидарность* сообщества как коллективную память, которая одновременно выступает коллективным представлением настоящего. Подобные мифологемы тем устойчивее, чем выше потребность в обосновании актуальной политической позиции *тенденциозно* истолкованным прошлым¹⁵.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что вариантов коллективной памяти, символизирующих представления о настоящем, может быть множество. И национально-государственные различия здесь не единственный водораздел. По сути, все значимые социально-политические элементы настоящего времени могут запускать механизм отдельного конструирования коллективной памяти: религия, возраст, социальное происхождение, гендер, идеологические предпочтения. Достаточно вспомнить взаимоисключающие версии коллективной памяти о деятельности Сталина в современном российском обществе. На последнем примере можно проиллюстрировать и отсутствие универсального воздействия на коллективную память государственной образовательной политики. Последняя может зачастую выступать катализатором разнонаправленных процессов коллективной идентификации как солидарности.

Можно утверждать, что *коллективная память* как комплекс нарративов, направленных на формирование представлений настоящего, является *динамическим конструктом*, формирующим идентификацию и самоосознание социальных групп. В ходе этого процесса происходит выработка политического смысла настоящего как «присвоение» *прошлого* через специфический нарратив коллективной памяти.

Концепция социальных представлений в рамках социальной психологии, созданная С. Московичи, определяет последние как набор понятий, убеждений и объяснений, возникающих в повседневной жизни по ходу межличностных коммуникаций; их даже можно назвать современной версией здравого смысла [Moscovici, 1981]. В контексте политической

¹³ О влиянии общественных настроений на коллективную память: [Halbwachs, 1992].

¹⁴ Говорить о существовании мифов как таковых в современном мире было бы преувеличением.

¹⁵ Дж. Александер отмечает, описывая культурные травмы, что травма возникает тогда, когда члены некоего сообщества осознают, «что их заставили пережить какое-то ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании». Оно «навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом меняет их будущую идентичность». Однако впоследствии нередко не само это событие, а его *интерпретация* начинает играть всё большую роль [Александер, 2013. С.255].

символизации социальные представления можно считать нарративно зафиксированным коллективным смыслом политики, который возник в ходе *неконвенционального* взаимодействия суждений, но приобрёл (на какое-то время) *конвенциональный* характер.

Эмоциональность как символический атрибут политических нарративов

В рамках политической символизации нарративы — не только отражение процесса познания или продукт последнего, они являются деятельными медиаторами самой социально-политической практики. Нарративы как реальная речь способствуют осуществлению политических трансформаций, а также легитимации политических действий.

Коллективное участие в политической реальности опосредуется через призму нарративов. Последние выступают организаторами языка как толкования политики, передающими её специфические смыслы. Здесь важно помнить, что в контексте политической символизации принципиально важна не только связь между означаемым и означающим (эпистемология и семантика как таковые). Символизация выходит за рамки познания и теории языка в сферу *аффективного* [Bruner, 1990], так как там обнаруживается *мотивационная* основа нарративов политической идентификации.

Эмоциональная наполненность нарративов ведёт к их воплощению в *практиках* политической реальности, которая становится синтезом мыслей, чувств и поступков. С позиций политической символизации эмоциональный потенциал превращает политические нарративы в «уполномоченных представителей» политических действий и решений. Политическая реальность продуцирует политические нарративы, которые становятся *когнитивным фильтром* (или «телескопической трубой») для опосредованных социальных практик. Подобная *«новоствовавательная разборчивость»* политических нарративов способна трансформировать прорывы политического смысла в новый коллективный здравый смысл (всего через несколько лет после развала Советского Союза уже не было значимого оспаривания того, что «рынку нет альтернативы», хотя даже эмпирически это не так). При этом может происходить и обратный процесс, когда политические нарративы «превращают» status quo в несправедливое состояние политического сообщества, которое противоречит «самой природе вещей», достаточно вспомнить «I have a dream» Мартина Лютера Кинга.

Восприимчивость к политическим нарративам и их способность к восприимчивости формирует эмоционально наполненное политическое действие. В данном случае *восприятие* выступает как *интерпретация* через *идентификацию*. Такая интерпретация будет эмоционально окрашена и риторически «прочерчена» (выстроена), что приведёт к появлению нового качества моральной идентификации в политическом контексте¹⁶. То есть аффективный компонент политических нарративов — не дополнительный, а неизбежный элемент конструирования политических смыслов. Без этого компонента политическая речь как интерактивное взаимодействие превращается в носителя информации, которая имеет *значение*, но не вызывает потребности политического *обсуждения*, а значит, теряет собственно политическое качество.

Эмоционально окрашенный политический нарратив производит не только общий набор убеждений. Но и общий *«репертуар»* индивидуальных историй, соединяющихся в общий нарратив коллективной памяти, которая есть рефлексия настоящего. Такие эмоционально окрашенные нарративы мотивируют к общим социальным практикам (круговая порука, например). Позитивные или негативные коллективные эмоции (гордость, гнев,

¹⁶ О связи эмоций и риторики в процессе: [Singer, 1995].

ненависть) кодируются в коллективные сюжетные линии политических конфликтов, участники которых хорошо узнаваемы в своем вокабуляре и его аффективном сопровождении.

Интернализация конкретного голоса требует не только *идентификации* данного голоса с коллективным политическим нарративом, но и эмоциональной *идеализации* (как положительной, так и отрицательной) последнего. Можно сказать, что нарратив политически *успешен*, если он *провокационен*, т.е. провоцирует участников интеракции на идентификацию как выработку новых (защиту существующих) идей (идеалов).

Вовлечение в политический нарратив, как правило, предполагает диалогическое взаимодействие с культурной средой или социальной практикой. Данный диалог следует понимать не как нейтральный обмен информацией, а как аффективно насыщенное взаимодействие, вызывающее формирование ценностных суждений согласия или несогласия с оцениваемой ситуацией. Только такой диалог может привести к целенаправленному коллективному политическому действию.

Можно сказать, что *аффективная* наполненность политических нарративов неотделима от их *когнитивных* механизмов. *Убеждения*, транслируемые актуальными политическими нарративами, *не являются эмоционально нейтральными теориями морали*. Такие нарративы провоцируют одновременно и ценностную *идентификацию*, и эмоциональную *интернализацию*. Если коллективные эмоции и не являются медиаторами коллективных политических нарративов, то их можно уподобить пусковому механизму, запускающему медиацию.

Наиболее остро взаимодействие аффектов и когнитивных механизмов можно проследить в том, что сегодня называется когнитивными войнами [Медушевский, 2023a; Медушевский, 2023b]. Разворачивание таких войн вывело критику позитивистски фиксируемых фактов за рамки академической дискуссии, сделав антипозитивистское воздействие политических нарративов частью реальности, которое имеет конкретные, вполне осязаемые и эмпирически фиксируемые последствия.

Когнитивные войны показали, что фактологические способы борьбы с медиа-фейками являются попытками «высечь море». Фейки создаются не для того, чтобы исказить факты, их цель — запустить (или укрепить) процессы коллективной самоидентификации. И если фейк падает на подготовленную контекстом почву, даже его бесспорное опровержение отсеивается когнитивными фильтрами сообщества: «вы всё врёт».

В этой связи можно вспомнить жуткий фейк начала СВО, когда на руках у украинских врачей умер окровавленный ребёнок. Выяснилось, что это был спектакль с телом уже мёртвого ребенка, и все участники постановки знали об этом. Эмоциональный эффект от этого фейка на противников СВО был огромный, фактическое опровержение вообще не имело никакого заметного влияния.

Фейк на сегодняшний день — это значимый элемент формирования политической повестки дня, вырабатывающей нарративы коллективной солидарности. Пушкинское «над вымыслом слезами обольюсь» оказалось гораздо глубже, чем просто литературный оборот. Следствием вымысла являются реальные слезы.

Заключение

Объяснительные модели, опирающиеся на структурные характеристики политики, обеспечивая бесспорное и ценное приращение научного знания в своих предметных областях, утрачивают остроту понимания политической реальности, т.е. *понимания* действий тех, кто участвуют в политике. В контексте политической символизации *нарратив* может представлять собой *аналитическое решение проблемы взаимодействия индивидуального сознания и общества*. Это решение состоит в допущении того, что индивиды живут в социально-политическом контексте, насыщенном рассказами как *речевыми ситуациями*.

В этом контексте люди думают, чувствуют и действуют в соответствии с этими рассказами и посредством последних. Так формируется коллективная память как социальное представление о настоящем.

Динамическая *взаимосвязь* риторически выстроенной *аргументации политиков* как «профессионального» политического нарратива с *личными рассказами* индивидов как *толкователей* политики показывает формирование *смысла* той или иной политической *ситуации*. Эта взаимосвязь может иметь консенсусный или конфликтный характер. И в том и в другом случае станет формироваться коллективное самоосознание, которое будет либо продуцировать авторитет политических лидеров, либо дезавуировать его.

Тем самым осуществляется *символизация как синтез политического смысла и политического действия*. В её процессе *снимается различие* между *индивидуальным* и *коллективным*. Если *когнитивные* и *поведенческие* характеристики приобретают смысл норм и ценностей, индивидуальное символически самоотождествляется с коллективным как *обретаемая солидарность* (например, в случае с победоносной революцией).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Александр Дж. (2013) *Смыслы социальной жизни: культуросоциология* [Alexander J. (2013). Meanings of social life: a cultural sociology]. — М.: Праксис.
- Андерсон Б. (2001). *Воображаемые сообщества* [Anderson B. (2001). Imagined Communities]. — М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле.
- Анкерсмит Ф.Р. (2003). *История и тропология: взлет и падение метафоры* [Ankersmit F.R. History and tropology. The rise and fall of metaphor]. — М.: Прогресс-Традиция.
- Витгенштейн Л. (2009). *Логико-философский трактат* [Vitgenshtein L. (2009). The Tractatus Logico-Philosophicus]. — М.: Наука.
- Кант И. (1994). *Критика способности суждения* [Kant I. (1994). Critique of Judgement]. — М.: Искусство.
- Куайн У. В. О. (2000). *Слово и объект* [Quine W.V.O. (2000) Word and object]. — М.: Праксис; Логос.
- Лиотар Ж.-Ф. (1998). *Состояние постмодерна* [Liotard J.-F. (1998). The Postmodern Condition]. — СПб.: Алетейя.
- Медушевский А.Н. (2023a). Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Ч. I. [Medushevskiy A. (2023a). Cognitive Warfare: Social Control, Meaning-Making and the Instrument of the Global Dominance. Part 1] // *Вопросы теоретической экономики*. № 2. С. 85–98.
- Медушевский А.Н. (2023b). Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования Ч. II [Medushevskiy A. (2023b). Cognitive Warfare: Social Control, Meaning-Making and the Instrument of the Global Dominance. Part 1] // *Вопросы теоретической экономики*. № 3. С. 92–107.
- Мусихин Г.И. (2015a). Концептуализация политической символизации [Musikhin G.I. (2015a). The Conceptualization of Political Symbolization] // *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 130–144.
- Мусихин Г.И. (2015b). Символизация как контекстуальный синтез политической онтологии, политической эпистемологии и политического языка [Musikhin (2015b). Symbolization as a Contextual Synthesis of Political Ontology, Political Epistemology, and Political Language] // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 45–57.
- Мусихин Г.И. (2016). Политическая риторика как квазисимволизация? [Musikhin G.I. (2016). Political Rhetoric as a Quasi-Symbolization?] // *Социологическое обозрение*. Т. 15. № 2. С. 140–160.
- Мусихин Г.И. (2018). Риторическая аргументация и политическая символизация [Musikhin G.I. (2018). Rhetorical Argumentation and Political Symbolization] // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 163–176.
- Остин Дж. (1999). *Избранное* [Austin J. (1999). Selected works]. — М.: Идея-Пресс.
- Рикёр П. (1998). *Время и рассказ*. Т. 1. Интрига и исторический рассказ [Ricoeur P. (1998). Time and Narrative]. — М., СПб.: Университетская книга.
- Тодоров Ц. (1998). *Теории символа* [Todorov Z. (1998). Symbol Theory]. — М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество.
- Фуко М. (2012). *Археология знания* [Foucault M (2012). Archeology of knowlege]. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия».
- Шмитт К. (2006). *Политический романтизм* [Schmitt K. (2006). Politische Romantik]. — М.: Праксис.

- Berger P. L., Luckmann T. (1966). *The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge*. — New York: Anchor Books.
- Biehl-Missal B. (2010). Hero takes a Fall: A Lesson from Theatre for Leadership // *Leadership*. Vol. 6. No. 3. Pp. 279–97.
- Billig M. (1985). Prejudice, categorization and particularization: From a perceptual to a rhetorical approach // *European Journal of Social Psychology*. Vol. 15. No. 1. Pp. 79–103.
- Billig M. (1987). *Arguing and thinking: A rhetorical approach to social psychology*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Bruner J. (1990). *Acts of meaning*. — Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Canes-Wrone B. (2005). *Who Leads Whom?* — Chicago: University of Chicago Press.
- Cassin B., Goffey A. (2009). Sophistics, Rhetorics, and Performance: Or How To Really Do Things with Words // *Philosophy and Rhetoric*. Vol. 42. No. 4. Pp. 349–72.
- Charteris-Black J. (2005). *Politicians and Rhetoric*. — Basingstoke: Palgrave.
- Cohen D. (1994). Classical Rhetoric and Modern Theories of Discourse // *Persuasion: Greek Rhetoric in Action* / I. Worthington (ed.). — London: Routledge. Pp. 69–82.
- Cohen D. (2001). Oratory // *Encyclopaedia of Rhetoric* / T.O. Sloane (ed.). — Oxford: Oxford University Press. Pp. 538–47.
- Collinso D. (2005). Dialectics of leadership // *Human Relations*. Vol. 58. No. 11. Pp. 1419–42.
- Cunliffe A. (2008). Orientations to Social Constructivism: Relationally Responsive Social Constructionism and its Implications for Knowledge and Learning // *Management Learning*. Vol. 39. No. 2. Pp. 123–39.
- Czarniawska B. (1997). *Narrating the Organization: Dramas of Institutional Identity*. — Chicago: University of Chicago Press.
- Dijk van T. (2008). *Discourse and Power*. — New York: Palgrave Macmillan.
- Edwards D. (1997). *Discourse and Cognition*. — Thousand Oaks, CA: Sage.
- Fairclough G., Grant D. (2010). The Social Construction of Leadership: A Sailing Guide // *Management Communication Quarterly*. Vol. 24. No. 2. Pp. 171–210.
- Fairhurst G.T., Sarr R.A. (1996). *The Art of Framing: Managing the Language of Leadership*. — San Francisco: Jossey-Bass.
- Fisk R. (2001). *Pity the Nation*. — Oxford: Oxford University Press.
- Fivush R. (2010). Speaking silence: The social construction of silence in autobiographical and cultural narratives // *Memory*. Vol. 18. No. 2. Pp. 88–98.
- Frank D. (2011). Obama's rhetorical signature // *Rhetoric and Public Affairs*. Vol. 14. Pp. 605–630.
- Gabriel Y. (2004). Narratives, Stories and Texts // *The Sage Handbook of Organizational Discourse* / D. Grant, C. Hardy, C. Osrick, L. Putnam (ed.). — London: Sage. Pp. 61–78.
- Gabriel Y. (2008). *Organizing Words*. — London: Sage.
- Gergen K.J. (1985). The social constructionist movement in modern psychology // *American Psychologist*. Vol. 40. No. 3. Pp. 266–275.
- Gergen K.J. (1994). *Realities and relationships: Soundings in social construction*. — Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Giddens A. (1991). *Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age*. — Stanford, CA: Stanford University Press.
- Gottweis H. (2006). Argumentative Policy Analysis // *Handbook of Public Policy* / B. Peters, J. Pierre (ed.). — London: Sage. Pp. 461–479.
- Greenwalt K.A. (2009). Discourse, narrative, and national identity: The case of France // *Harvard Educational Review*. Vol. 79. No. 3. Pp. 494–519.
- Hackman M.Z., Johnson G.E. (2009). *Leadership: A Communication Perspective*. — Long Grove, IL: Waveland Press.
- Halbwachs M. (1992). *On collective memory*. — Chicago: University of Chicago Press.
- Hammack P.L. (2008). Narrative and the cultural psychology of identity // *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 12. No. 3. Pp. 222–247.
- Hammack P.L. (2011). *Narrative and the politics of identity: The cultural psychology of Israeli and Palestinian youth*. — New York: Oxford University Press.
- Hammack P.L., Pilecki A. (2012). Narrative as a Root Metaphor for Political Psychology // *Political Psychology*. Vol. 33. No. 1. Pp. 75–103.
- Isaksen J. (2011). Obama's rhetorical shift // *Communication Studies*. Vol. 62. Pp. 456–471.
- Iyengar S. (2005). Speaking of Values: The Framing of American Politics // *The Forum*. Vol. 3. No. 3. Pp. 7–18.
- Keohane N.O. (2010). *Thinking about Leadership*. — Princeton: Princeton University Press.
- Lakoff G. (2004). *Don't Think of an Elephant: Know Your Values and Frame the Debate*. — White River Junction, VT: Chelsea Green Publishing.
- Luhman N. (1975). *Macht*. — Stuttgart: Enke.
- McAdams D.P. (1996). Personality, modernity, and the storied self: A contemporary framework for studying persons // *Psychological Inquiry*. Vol. 7. No. 4. Pp. 295–321.
- Merton R.K. (1995). The Thomas Theorem and The Matthew Effect // *Social Forces*. Vol. 74. No. 2. Pp. 379–424.

- Moscovici S. (1981). On Social representations // *Social Cognition: Perspectives on Everyday Understanding* / H.G. Forgas (ed.). — L.: Academic Press. Pp. 181–209.
- Nye J.S. (2008). *The Powers to Lead*. — Oxford: Oxford University Press.
- Potter J., Wetherell M. (1987). *Discourse and social psychology: Beyond attitudes and behavior*. — Thousand Oaks, CA: Sage.
- Reicher S.D., Hopkins N. (2001). *Self and nation*. — Thousand Oaks, CA: Sage.
- Seidman S., Buhle P. (2008). Che Guevara, Image and Reality: Postscript to S. Rodriguez // *Rodriguez S. Che: A Graphic Biography*. — London: Verso.
- Rorty R.M. (1967). *The Linguistic Turn. Recent Essays in Philosophical Method*. — Chicago: University of Chicago Press
- Shapiro I., Wendt A. (1992). The Difference That Realism Makes: Social Science and the Politics of Consent // *Politics and Society*. Vol. 20. Pp. 197–223.
- Sharma A., Grant D. (2011). Narrative, Drama and Charismatic Leadership // *Leadership*. Vol. 7. No. 1. Pp. 3–26.
- Singer J.A. (1995). Putting emotion in context: Its place within individual and social narratives // *Journal of Narrative and Life History*. Vol. 5. No. 3. Pp. 255–267.
- Somers M. R. (1994). The narrative construction of identity: A relational and network approach // *Theory and Society*. Vol. 23. No. 5. Pp. 605–649.
- Suny R. G. (2001). Constructing primordialism: Old histories for new nations // *Journal of Modern History*. Vol. 73. No. 4. Pp. 862–896.
- Tourish D., Jackson B. (2008). Guest Editorial: Communication and Leadership // *Leadership*. Vol. 4. No. 3. Pp. 219–25.
- Wertsch J.V. (2002). *Voices of collective remembering*. — New York: Cambridge University Press.
- Wertsch J.V. (2008). The narrative organization of collective memory // *Ethos*. Vol. 36. No. 1. Pp. 120–135.
- Wilson J. (1990). *Politically Speaking*. — Oxford: Basil Blackwell.
- Zarefsky D. (2008). Strategic Maneuvering in Political Argumentation // *Argumentation*. Vol. 22. No. 3. Pp. 317–30.

Мусихин Глеб Иванович

glebmus@yandex.ru

Gleb Musikhin

Doctor of Science (Political Science), Department of Social and Humanitarian Disciplines, Russian Biotechnological University.

glebmus@yandex.ru

NARRATIVE AS A MEANING-FORMING ELEMENT OF POLITICAL SYMBOLIZATION

Abstract. The article deals with a theoretical analysis of the concept of political narrative as a political reality, which is not reducible to a set of positivistically established facts. In the context of political symbolization, narratives as elements of interpretation of politics implicate political meanings through verbal situations that develop as an interaction of *judgments*. Political narratives function as mediators in social activities and not only communicate information, but do it incrementing new meanings, as political narratives are conveyed through deliberation. The “narrative identity” is formed as a reference to metanarratives and their creators. The author shows that any symbolic political reality is a constellation of involvement narratives that create verbal situations of interactions between community members and the collective history as a narration. Therefore, a narrative introduces individuals into a political context. This enables to fix the narrative “footprint” of joint social practices that are named “culture”, “nation”, “country”, etc. At the same time, the author substantiates that the form and the content of political narratives have the meaning of retrospective inner causality, since the inherited array of political interpretations is constantly «retold» in the present reality. It is concluded that in the context of political symbolization, narrative can be an analytical solution of the problem of interaction between individual consciousness and a society.

Keywords: *political symbolization, narrative, verbal situation, political context, discourse, involvement, collective memory, identification.*

JEL: Z10, Z18.

М.Е. Баскакова

*д.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН
(Москва)*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАНЯТОСТИ ЖЕНЩИН И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СЕГРЕГАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ СФЕРЕ ТРУДА — 100 ЛЕТ ИСТОРИИ (Часть 2. 1945–1991 гг.)¹

Аннотация. В работе на основе общего анализа политических документов и законодательных актов рассматривается изменение регулирования условий и режимов занятости женщин, а также динамика гендерной отраслевой сегрегации. Первая часть статьи была посвящена начальному советскому периоду и периоду Великой отечественной войны (1917–1945 гг.). Вторая часть охватывает весь послевоенный советский период (1945–1991 гг.), для которого оставалась характерной приверженность идее максимального участия женщин в экономике. Однако представление об условиях достижения равенства женщин и мужчин в сфере занятости изменилось, когда в стране возникла угроза критического снижения рождаемости. Поскольку эта демографическая проблема напрямую увязывалась с высокой суммарной трудовой нагрузкой женщин, началась разработка системы льгот и преференций, адресованных исключительно работающим женщинам, с целью создания для них наиболее благоприятных условий для сочетания профессиональных и семейно-бытовых обязанностей. Внедрение постоянно расширяющейся системы льгот не привело к выравниванию возможностей мужчин и женщин в сфере труда, но способствовало расширению трудовой дискриминации по признаку пола и формированию стереотипных представлений о рабочих местах, наиболее подходящих для мужчин и наиболее подходящих для женщин. В статье на данных исторической и современной статистики анализируется динамика различий отраслевой структуры занятости женщин и мужчин. Показывается, что в советском обществе, приверженном традиционному разделению гендерных ролей, в отсутствие давления на женщин при выборе ими места работы происходил рост гендерной профессиональной сегрегации за счёт концентрации женщин в отраслях непроеизводственной сферы, а мужчин — в отраслях материального производства. Эмпирической базой исследования послужили данные ЦСУ РСФСР и Росстата. Статистический анализ динамики уровня гендерной сегрегации в работе проводился с помощью индекса Дункана, основанного на идее сопоставления и количественной оценке различий между распределениями (в данном случае — распределения женщин и мужчин по отраслям/видам экономической деятельности).

Ключевые слова: *гендерная сегрегация, женщины, мужчины, человеческий потенциал, равенство, образование, занятость, рынок труда.*

JEL: B41, J16, J21, J71, J78

УДК: 331.44

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_134_151

© М.Е. Баскакова, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Баскакова М.Е.* Государственное регулирование занятости женщин и профессиональная сегрегация в российской сфере труда — 100 лет истории (Часть 2. 1945–1991 годы) // Вопросы теоретической экономики. 2024. №2. С. 134–151. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_134_151.

FOR CITATION: *Baskakova M.* State Regulation of Women's Employment and Occupational Segregation in the Russian Labour Sphere — 100 Years of History (Part 2. 1945–1991) // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. 2024. No. 2. Pp. 134–151. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_134_151.

¹ Начало см.: [Баскакова, 2023].

Регулирование женской занятости в послевоенные годы и начале оттепели

Основной задачей страны в послевоенный период было восстановление разрушенного хозяйства. Государственная политика в отношении женщин и регулирование женской занятости «встали на паузу», поскольку считалось, что женский вопрос в целом решён, ибо доля женщин (59,2% в 1945 г.) среди занятых в общественном производстве намного превосходила долю мужчин. Восстановление разрушенного хозяйства требовало рабочих рук. Только за первые пять послевоенных лет число рабочих и служащих в РСФСР увеличилось с 19,6 до 26,7 млн чел. (в 1,4 раза). При этом массовое возвращение мобилизованных мужчин в экономику, включение рабочих тракторных бригад в штаты машинно-тракторных станций (МТС) (1953 г.), переход членов артелей промысловой кооперации на работу в государственную промышленность (1956 г.) формировали вплоть до 1957 г., преимущественно «мужской» профиль ежегодного прироста числа рабочих и служащих (в разные годы их доля в таком приросте составляла от 60 до 75%), что привело к стремительному сокращению доли женщин среди занятых в государственном секторе — до 50% в 1950 г. и до 48,2% в 1955 г. (табл. 1).

Таблица 1

Динамика среднегодовой численности рабочих и служащих в народном хозяйстве РСФСР, млн чел.

Годы	Всего	В том числе		Доля женщин среди рабочих и служащих (%)
		мужчины	женщины	
1945	19,6	8,0	11,6	59,2
1950	26,7	12,4	13,4	50,2
1955	32,8	16,7	15,8	48,2
1960	39,5	19,9	19,6	49,6

Источник: расчёты автора по: Труд в СССР в 1977 году: Стат. сб. — М.: ЦСУ СССР, 1978 (ДСП).

Выход экономики из мобилизационного режима несколько трансформировал отраслевую структуру занятости. В 1945–1950 гг. наиболее быстрыми темпами росли занятость в строительстве (в 2 раза) и науке (в 2,4 раза). Остальные отрасли народного хозяйства увеличивали численность персонала приблизительно одинаковыми темпами. Но гендерные отраслевые распределения начали постепенно увеличивать свою асимметричность в сторону традиционного разделения труда. В этом большую роль сыграли частичное вытеснение мобилизованными мужчинами женщин с рабочих мест, занятых ими в годы военной трудовой повинности, и массовый приток в города малоквалифицированного колхозного крестьянства, принуждаемого к переезду увеличением налогового обложения. Кроме того, сказывался уход идеологического и мобилизационного давления на занятость женщин, характерного для довоенных и военных лет (табл. 2).

В результате в 1950 г. промышленность, хотя и оставалась основным местом приложения труда и женщин, и мужчин, но по сравнению даже с предвоенными годами (данные об отраслевой структуре занятости женщин и мужчин в 1945 г. в РСФСР отсутствуют) доля занятых в этой отрасли женщин уменьшилась (с 41,8 до 39,2%), а мужчин — увеличилась (с 41,2 до 41,8%). Зато стремительно росла занятость в строительстве, ставшая для мужчин одним из самых массовых мест приложения труда. В 1950 г. здесь работало 10,5% всех мужчин (в 1940 г. — только 7,3%). Доля женщин, занятых в этой отрасли, выросла значительно скромнее — с 3,5 до 5,4%. В то же время среди женщин занятость в отраслях нематериального производства либо росла, либо падала значительно меньше, чем среди мужчин. Это привело к кардинальному изменению динамики гендерной отраслевой сегрегации: в послевоенные годы она начала долговременный рост — в 1940–1950-х гг. индекс Дункана вырос с 17,8 до 20,5%.

Таблица 2

Распределение женщин и мужчин — рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства РСФСР, %

	1940 г.		1950 г.		1960 г.	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Промышленность	41,2	40,0	41,8	39,2	40,5	37,1
Сельское хозяйство	9,0	5,6	9,1	6,9	11,6	9,0
Лесное хозяйство	0,9	0,7	1,4	0,7	0,8	0,2
Строительство	7,3	3,5	10,5	5,4	13,1	6,6
Транспорт	13,2	5,9	13,8	6,3	14,8	5,4
Связь	1,1	1,8	1,0	1,6	0,8	1,6
Торговля	8,3	10,7	6,1	9,9	4,1	10,5
ЖКХ	4,6	5,2	3,1	4,0	2,8	3,7
Здравоохранение	1,7	8,0	1,2	8,2	1,3	9,1
Образование	3,5	11,2	2,9	10,7	3,1	9,5
Культура, искусство	1,4	0,4	1,6	0,3	1,0	1,4
Наука	1,2	1,3	2,2	1,7	3,4	2,5
Кредитование	0,7	0,8	0,5	0,7	0,2	0,6
Аппарат организационного управления	5,6	4,5	4,4	3,9	1,7	2,1
Другое	0,5	0,5	0,5	0,5	0,8	0,8

Источник: расчёты автора по: Труд в РСФСР: Стат. сб. — М.: ЦСУ РСФСР, 1981 (ДСП).

Изменение политического курса, попытка демократизации и экономического реформирования страны после смерти И.В. Сталина включили в том числе и постепенное переформатирование представлений о должных параметрах женской занятости. При незыблемости установки на дальнейшее вовлечение женщин в общественное производство, произошёл фактический отказ от идеологически заданного курса на «вовлечение женщин на работу в мужские профессии». В этот период экономика во многом развивалась экстенсивно, что вновь и вновь требовало дополнительного привлечения рабочих рук. Необходимый приток работников государство обеспечивало мерами как стимулирующего, так и репрессивного характера. Часть этих мер предназначалась исключительно для женщин, другая часть, хотя и была адресована всей потенциальной рабочей силе, но фактически оказалась востребована, в первую очередь, женщинами.

Наиважнейшей мерой, направленной не только на повышение уровня жизни населения, но и на стимулирование притока работников в государственный сектор экономики, стало в 1957 г. повышение размера минимальной заработной платы с 27–35 руб. в месяц до 40–45 руб. в 1961 г.² Такое повышение стало весомым аргументом для поиска работы лицами, занятыми в домашнем хозяйстве и не обладавшими профессией и квалификацией, а это были преимущественно женщины.

² ЦК КПСС, СМ СССР ВЦСПС. Постановление от 8 сентября 1956 г. №1252 «О повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим» // КонсультантПлюс. <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=38084#EAq6aCUCOpQIBDPQ1> (дата обращения: 12.05.2024).

Для лиц среднего и старшего возраста, не имевших достаточного стажа работы, необходимого для назначения пенсии, т. е. опять-таки в первую очередь женщин, дополнительным стимулом поступления на работу стало новое пенсионное законодательство, установившее минимальные размер пенсии по старости (50 рублей), а также чёткие правила их назначения и расчёта, в том числе льготных пенсий за работу во вредных и особо вредных условиях, пенсий для многодетных матерей³.

Немалую роль в «выдавливании» рабочей силы, занятой в домашнем и личном подсобном хозяйстве, на работу в государственный сектор сыграли введённые в 1956 г. (а затем расширенные) ограничения для ведения личного подсобного хозяйства, вызвавшие массовую миграцию в города трудоспособного сельского населения с низким уровнем образования [Конышев, 2011]. В том же году началась ликвидация деятельности кустарей и артелей, также приведшая к перераспределению занятых в этой сфере в государственный сектор⁴.

Одним из последних не освоенных «источников» рабочей силы стали условные «тунеядцы». В 1961 г. в стране началась борьба с «совершеннолетними трудоспособными гражданами, не желающими выполнять важнейшую конституционную обязанность — честно трудиться по своим способностям, уклоняющиеся от общественно полезного труда и ведущие антиобщественный паразитический образ жизни»⁵. Обязательное официальное трудоустройство не касалось лишь женщин с малолетними детьми, а максимальная/ненаказуемая продолжительность перерыва в официальной занятости была ограничена четырьмя месяцами⁶.

Наряду с мерами по повышению уровня занятости населения и в первую очередь женщин, в эти годы было положено начало расширению льгот для работающих матерей, имеющих малолетних детей. Основной упор делался на облегчение условий труда, сохранение женщиной занятости при рождении ребёнка и на развитие системы общественного ухода и присмотра за маленькими детьми. В 1956 г. была увеличена продолжительность оплачиваемого отпуска по беременности и родам с 77 до 112 календарных дней⁷, после которого женщины получили право на дополнительный трехмесячный отпуск без сохранения содержания, а уволившиеся в связи с рождением ребёнка получили право на сохранение непрерывного трудового стажа при условии поступления на работу не позднее одного года со дня рождения ребёнка. Кроме того, Постановлением СМ СССР было запланировано развитие системы общественного ухода за маленькими детьми — расширение сети

³ Закон СССР о государственных пенсиях // КонсультантПлюс. 14.07.1956. <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=44832#XTr7aCUSWxRzgdOe1> (дата обращения: 12.05.2024).

⁴ Совместное постановление ЦК КПСС и СМ СССР № 474 от 14 апреля 1956 г. «О реорганизации промышленной кооперации»; Постановление СМ РСФСР от 24 сентября 1960 г. № 1478 «Об упразднении промышленной кооперации РСФСР» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. <https://docs.cntd.ru/document/901704896> (дата обращения: 12.05.2024).

⁵ Такое определение приводится в Указе Президиума ВС РСФСР от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» // КонсультантПлюс. <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18642#kZV9aCU8c7zu6n8V> (дата обращения 14.04.2024).

⁶ Уголовный кодекс РСФСР 27.10.1960 г. ст. 209.1 Злостное уклонение от выполнения решения о трудоустройстве и прекращении паразитического существования // КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/; Указ Президиума ВС РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» 4 мая 1961 г.; Постановление Президиума ВС РСФСР «О порядке применения указа Президиума ВС РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» от 4 мая 1961 г.

⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР об продолжительности отпусков по беременности и родам. 26 марта 1956 г. // КонсультантПлюс. <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17167#hC2jZAUeKIJzHKmi1>

яслей и обеспечение их доступности, появление продлённых групп для младшеклассников в городских школах⁸.

Все эти меры способствовали росту числа рабочих и служащих в народном хозяйстве, причём начиная с 1958 г. женщины в этом приросте составляли большинство. В результате только за 1958–1960 гг. уровень их занятости вырос с 63 до 79% [Литвяков, Костаков, 1969. С. 106], приблизившись к аналогичному показателю у мужчин. А доля женщин среди занятых в госсекторе в 1960 г. вновь увеличилась до 50%.

К концу 1950-х гг. женщины, в первую очередь те, кто впервые пришли в профессиональную занятость, стали всё чаще искать место работы в непроизводственной сфере. Такой выбор нередко объяснялся внепрофессиональными мотивами: близостью работы от дома, удобным графиком и относительно лёгкими условиями труда. Кроме того, на такой работе подчас не требовался высокий уровень образования и квалификации, но был востребован опыт, полученный при ведении домашнего хозяйства [Гонина, Павлюкевич, Вавиленко, 2019]. В итоге рост числа занятых в торговле, ЖКХ, здравоохранении, образовании, культуре и кредитовании (в которых и до этого работали преимущественно женщины) в эти годы также происходил в основном за счёт женщин.

В то же время отрасли преимущественно мужской занятости (сельское хозяйство, транспорт, строительство и наука) всё отчетливее приобретали мужское лицо, поскольку прирост численности в них также был гендерно асимметричным, но уже в пользу мужчин. Не избежала этой участи и промышленность, в которой рост и усиление феминизации легкой и пищевой промышленности перекрывались ростом и дальнейшей маскулинизацией «мужских отраслей». Этому способствовала и начавшаяся работа по ликвидации масштабного применения труда женщин на подземных и особо тяжёлых работах, на которых в военные и первые послевоенные годы они подчас составляли большинство работающих. За 1950–1960 гг. доля мужчин среди занятых в промышленности выросла с 51,5 до 52,6%⁹.

Усиление тенденции разделения отраслей на преимущественно «женские» или «мужские» привело к сохранению направленности динамики индекса Дункана: только за 1950–1960 гг. его значения увеличились с 20,5 до 23,5%.

Программа КПСС 1961 г. и обновление принципов формирования женской занятости

1960–1970-е гг. — период пересмотра государством модели равенства женщин и мужчин в сфере занятости и переход к формированию дифференцированных правил использования их труда. Это стало возможным не только благодаря некоторой либерализации взглядов на социально-экономические процессы, протекающие в стране, но и благодаря развитию официальной статистики, позволившему впервые рассматривать вопросы женской занятости в увязке с демографическими процессами, социальными и экономическими проблемами. Новые информационные возможности появились в том числе и за счёт данных, полученных в ходе Всесоюзной переписи населения 1959 г.

⁸ Постановление СМ СССР от 13 октября 1956 г. № 1414 «О дальнейших мерах помощи женщинам-матерям, работающим на предприятиях и в учреждениях». Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. <https://docs.cntd.ru/document/765715366> (дата обращения 14.04.2024).

⁹ Постановление СМ СССР от 13 июля 1957 г. № 839 «О мероприятиях по замене женского труда на подземных работах в горнодобывающей промышленности и на строительстве подземных сооружений», которым отменялось с 1 января 1959 г. Постановление Совнаркома СССР от 25 октября 1940 г. «О применении труда женщин на подземных работах в горнодобывающей промышленности» и указывалась необходимость в течение 1957–1959 гг. прекратить применение труда женщин на подземных работах в горнодобывающей промышленности и на строительстве подземных сооружений, а также вводился запрет приёма женщин на подземные работы.

(а затем переписей 1970 и 1979 гг.), при проведении Единовременных профессиональных учётов и т.д. В статистике труда, бюджетах времени населения, демографической статистике в эти годы были разработаны системы новых показателей. Кроме того, в стране стали проводить исследования по трудовой тематике с использованием социологических методов сбора данных.

Информационные новации позволили социологам и экономистам начать углубленное изучение проблем повышенной трудовой нагрузки у работающих женщин, вызванной совмещением ими профессиональных и семейно-бытовых обязанностей в условиях недостаточного развития непроизводственной сферы и невысоких темпов её роста [Араловец, 1954; Данилова, 1968; Сонин, 1959]. Демографы получили данные для оценки проблемы снижения рождаемости в стране, смогли определить негативное влияние увеличения уровня вовлечённости женщин в общественное производство на демографические процессы, особенно на те, с которыми этот уровень непосредственно связан (диагностировать снижение рождаемости, уменьшение детности семей, увеличение детской заболеваемости и пр.).

Трансформированная модель женской занятости была политически оформлена в Программе Коммунистической партии Советского Союза 1961 г.¹⁰ В ней прописаны обновлённые принципы формирования женской занятости, в соответствии с которыми неизменное «всё более активное участие женщин в общественном труде» сочеталось с новым видением условий, в которых это «участие» должно было проходить. В Программе предлагалось отныне использовать труд женщин на относительно более лёгких и в то же время достаточно оплачиваемых работах. Кроме того, было запланировано дальнейшее увеличение продолжительности отпусков по беременности. Проблему «угнетения женщины её хозяйственным положением» по-прежнему предполагалось решать на основе тотальной замены домашнего труда и труда по уходу и воспитанию детей общественными формами удовлетворения этих потребностей семьи.

При полном выполнении этой Программы дифференциация условий занятости женщин и мужчин должна была значимо увеличиться, что неизбежно привело бы к росту профессиональной и отраслевой сегрегации. Однако отнюдь не все поставленные задачи были выполнены.

Задача «всё более активного участия женщин в общественном труде», анонсированная в Программе, не получила специализированной законодательной поддержки, но была выполнена. В 1967 г. вышло Постановление КПСС и СМ СССР, формально направленное на повышение благосостояния населения и предусматривавшее в том числе и рост минимума заработной платы до 60 руб. в месяц, снижение на 25% ставки налогов с заработной платы от 61 до 80 рублей, увеличение минимальной продолжительности отпуска до 15 дней, повышение размеров пособий по временной нетрудоспособности до 100% при стаже работы более 8 лет и до 80% при стаже от 5 до 8 лет¹¹. Однако, по мнению исследователей тех лет, это постановление способствовало притоку в сферу занятости в первую очередь женщин [Котляр, 1975. С. 35].

Только за 1960–1970 гг. численность женщин среди рабочих и служащих выросла с 19,6 до 28,69 млн чел., т.е. в 1,46 раза (рост численности мужчин был несколько меньше — с 19,9 до 25,8 млн чел., т.е. в 1,3 раза). В следующее десятилетие динамика показателей была схожей: у женщин число рабочих и служащих увеличилось ещё на 5,3 млн чел.

¹⁰ Программа Коммунистической партии Советского Союза. 1961 г. Раздел Д. «Улучшение бытовых условий семьи и положения женщины. Содержание детей и нетрудоспособных за счёт общества». — М.: Издательство политической литературы, 1961.

¹¹ Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 26 сентября 1967 года № 888 «О мероприятиях по дальнейшему повышению благосостояния советского народа». Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. <https://docs.cntd.ru/document/9054607> (дата обращения 14.04.2024).

(в 1,2 раза), в то время как у мужчин — на 5,0 млн чел. (тоже в 1,2 раза), (табл. 3). В результате в 1960–1979 гг. доля женщин среди рабочих и служащих увеличилась до 52,4%, а уровень занятости продолжал расти и к 1979 г. достиг критического размера — среди женщин трудоспособного возраста работали 85%. Этот пункт Программы можно было считать выполненным¹².

Таблица 3

Динамика среднегодовой численности рабочих и служащих в народном хозяйстве РСФСР, млн чел.

Годы	Всего	В том числе		Доля женщин среди занятых, %
		мужчины	женщины	
1960	39,5	19,9	19,6	49,6
1970	54,4	25,8	28,6	52,6
1979	64,7	30,8	33,9	52,4

Источник: расчёты автора по: Труд в РСФСР: Стат. сб. — М.: ЦСУ РСФСР, 1981 (ДСП).

Увеличение продолжительности отпусков по беременности, запланированное в Программе, также было выполнено. В 1968 г. женщины, имеющие грудных детей, получили право на дополнительный отпуск без сохранения заработной платы до достижения ребёнком возраста 1 года¹³. С 1970 г. такой отпуск и на таких же условиях стали предоставлять женщинам — рабочим и служащим, усыновившим детей непосредственно из родильного дома¹⁴. А в 1973 г. были расширены возможности получения женщинами пособий по беременности и родам и по уходу за больным ребёнком. Женщинам — работницам и служащим, в том числе не членам профсоюза, и женщинам — членам колхозов стали выплачивать пособия по беременности и родам в размере полного заработка, независимо от продолжительности трудового стажа, а больничный листок и пособие по уходу за больным ребёнком, не достигшим 14 лет, стали выдавать на период до 7 дней, а одиноким матерям, вдовам и разведённым женщинам с детьми до 7 лет — на период до 10 календарных дней¹⁵.

Сложнее дело обстояло с «организацией труда женщин на относительно более лёгких и в то же время достаточно оплачиваемых работах», анонсированной в Программе КПСС. Первая часть поставленной задачи имела относительно хорошие показатели выполнения только по занятости умственным трудом. В эти годы занятость преимущественно умственным трудом среди женщин действительно росла быстрее, чем среди мужчин. Если в 1959 г. этим типом труда было занято 21,1% всех женщин (мужчин — 18,1%), то в 1970 г. — уже 32,1% женщин (и только 22,5% мужчин) [Штейнер, Багров, Бонн и др., 1976. С. 27]. Целевые комплексные программы по сокращению затрат ручного труда всех уровней, мероприятия по улучшению условий труда, интенсивно проводимые в эти годы, способствовали поло-

¹² Социальное развитие и повышение уровня жизни населения СССР. Стат. сб. — М.: ЦСУ СССР, 1981. (ДСП). С.13.

¹³ Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 5 июля 1968 г. № 517 «О мерах по дальнейшему улучшению здравоохранения и развитию медицинской науки в стране», пункт 10. (СП СССР, 1968, № 13, ст. 82) // КонсультантПлюс. <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=730#jmdCaCUzJjqQWByZ> (дата обращения: 12.05.2024).

¹⁴ Совет Министров СССР. Постановление от 12 августа 1970 г. № 659 «Положение о порядке назначения и выплаты пособий беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям» (СП СССР, 1970, № 15, ст. 123) // База Гарант. <https://base.garant.ru/188570/> (дата обращения: 12.05.2024).

¹⁵ СМ СССР. Постановление от 26 июля 1973 г. № 530 «Об улучшении обеспечения пособиями по беременности и родам и по уходу за больным ребёнком» // База Гарант. <https://base.garant.ru/187147/> (дата обращения: 12.05.2024).

жительным изменениям в распределении работников по профессиям с разной степенью механизации труда. Но и в 1970-х гг. женщины продолжали составлять большинство среди занятых ручным трудом [Котляр, 1975. С. 43–45]. А в 1990 г. каждая четвёртая женщина всё ещё оценивала условия своего труда как неудовлетворительные, из них 38,2% оценивали их как тяжёлые, а 17,1% — как вредные¹⁶.

А вот сокращение занятости женщин на подземных и тяжёлых работах, во вредных условиях, на работах, требующих ручного труда, проходило не по плану. Ещё в 1957 г. высвободить женщин с подземных работ предполагалось в течение 2–3 лет, однако процесс растянулся более, чем на 15 лет. Единовременные профессиональные учёты 1962–1975 гг. показывали, что даже к началу 1970-х гг. женщины продолжали работать на запрещённых для них рабочих местах, хотя их доля среди занятых уже была невелика — 1,5% [Штейнер, Багров, Бонн и др., 1976. С. 165–166].

Но главной проблемой стало выполнение второй части задачи — организации труда женщин на достаточно оплачиваемых работах, а точнее, малая пересекаемость двух множеств — рабочих мест «относительно более лёгких» и рабочих мест «достаточно оплачиваемых». Сложность заключалась в том, что в соответствии с основополагающим постулатом марксизма о решающей роли материального производства по сравнению с остальными сферами человеческой жизнедеятельности и учением о производительном труде, когда производительным объявлялся лишь труд, непосредственно связанный с производством материальных благ, система заработной платы в эти годы проходила переориентацию на приоритетную поддержку рабочих [Соболев, 2022]. Это предопределило опережающий рост заработной платы в большинстве отраслей материального производства (отрасли преимущественно мужской занятости) относительно роста заработной платы в отраслях нематериальной сферы (отрасли преимущественно женской занятости).

В 1960–1979 гг. продолжалась концентрация работающих женщин в отраслях непромышленной сферы (где в целом условия труда лучше, чем в материальном производстве). Рост численности женщин, занятых в этих отраслях, намного превышал аналогичные показатели у мужчин. Самое большое превышение показала занятость в кредитовании (здесь прирост численности занятых женщин оказался в 2,4 раз выше прироста численности занятых мужчин). В органах государственного управления это превышение составило 1,9 раз, в торговле — 1,6 раз, культуре и науке — в 1,5 раза (сказалось резкое относительное снижение уровня оплаты труда в отрасли). И этого оказалось достаточно для перехода науки из отрасли преимущественно мужской занятости в феминизированную, поскольку доля женщин среди работающих в науке поднялась за эти годы с 42 до 51,4%. Только две отрасли непромышленного сектора показали обратную тенденцию. В ЖКХ и здравоохранении прирост численности занятых мужчин оказался выше прироста численности занятых женщин. Что касается отраслей материального производства, то в них темпы роста занятых женщин были либо меньше, либо равны аналогичным показателям у мужчин.

Закономерным следствием разнонаправленности отраслевых приростов занятых женщин и мужчин стало и дальнейшее расхождение их распределения по отраслям. Например, и среди женщин, и среди мужчин снизилась доля занятых в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте, но у женщин, у которых эта доля была и так ниже, снижение происходило быстрее. У мужчин занятость в строительстве выросла, а среди женщин сократилась. Обратная ситуация сложилась в торговле (табл. 4). Соответственно этим процессам выросла и гендерная отраслевая сегрегация, а индекс Дункана изменился за 1960–1980 гг. с 23,5 до 28,5%

¹⁶ Условия труда и быта женщин. Стат. сб. — М.: РИЦ, 1992. С. 275–280.

Таблица 4

Распределение численности мужчин и женщин, занятых в экономике, по отраслям, %

Годы	1960		1970		1979	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
ВСЕГО	100	100	100	100	100	100
Промышленность	40,5	37,1	40,0	34,6	37,4	32,7
Сельское хозяйство	11,6	9,0	11,1	8,1	10,5	7,0
Лесное хозяйство	0,8	0,2	0,8	0,2	0,7	0,2
Строительство	13,1	6,6	13,9	5,7	15,1	5,8
Транспорт	14,8	5,4	13,5	4,3	14,5	4,4
Связь	0,8	1,6	0,9	2,0	0,9	2,0
Торговля	4,1	10,5	3,4	12,3	3,5	13,0
ЖКХ	2,8	3,7	3,4	3,6	3,9	4,2
Здравоохранение	1,3	9,1	1,4	8,8	1,6	8,6
Образование	3,1	9,5	3,6	10,8	3,3	10,7
Культура, искусство	1,0	1,4	0,6	1,6	1,0	1,9
Наука	3,4	2,5	4,4	3,7	4,8	4,6
Кредитование	0,2	0,6	0,2	0,7	0,2	1,0
Аппарат орг. управления	1,7	2,1	1,5	2,4	1,4	2,8
Другое	0,8	0,8	1,0	1,1	1,2	1,2

Источник: расчёты автора по: Труд в РСФСР. Стат. сб. — М.: ЦСУ РСФСР, 1981 (ДСП).

Предложенное в Программе КПСС изменение представлений о положении женщин в сфере труда расширило круг проблем, допустимых к научным исследованиям и обсуждению, хотя многие результаты таких исследований оказались в лучшем случае под грифом «для служебного пользования» (что предполагало запрет на открытую публикацию). В экономике труда появились исследования, показывающие существование у работающих женщин целого веера нерешённых проблем: значительно более низкая, чем у мужчин, квалификация, широкая занятость во вредных условиях труда и на рабочих местах с применением ручного труда, отставание заработной платы женщин от заработной платы мужчин и т.д. И наличие этих проблем невозможно было больше объяснять более низким уровнем образования женщин, поскольку начиная, как минимум, с 1954 г. их доля в общей численности специалистов с высшим и средним специальным образованием составляла 62%. Демографические исследования продолжали показывать взаимосвязь снижения рождаемости в стране и высокого уровня занятости женщин, распространения их занятости в неблагоприятных условиях труда и пр. Основные выводы, сделанные на основании этих исследований, состояли в том, что: 1) в стране сложилось критическое сокращение рождаемости, угрожающее развитию экономики; 2) несмотря на достижение самого высокого в мире уровня профессиональной занятости женщин, сопоставимого с уровнем занятости мужчин, различия между положением женщин и мужчин в сфере занятости остаются огромными.

Главными причинами существования этих проблем назывались «двойная трудовая нагрузка работающих женщин», условия труда, не соответствующие физиологическим особенностям женского организма, а также и режимы труда, не способствующие сочетанию женщинами профессиональных и семейно-бытовых обязанностей. Выводы, полученные

в ходе исследований, их авторы стали подкреплять высказыванием В.И. Ленина: «...речь идёт не о том, чтобы уравнивать женщину в производительности труда, размере труда, длительности его, в условиях труда и т.д.» [Ленин, 1970. С. 201]. На этой основе предлагалось кардинальное изменение государственного регулирования занятости. В сфере труда теперь усилия по достижению равенства женщин и мужчин должны были быть направлены на создание системы льгот для работающих женщин, облегчающих сочетание ими домашнего труда и работы, т.е. на увеличение гендерных различий в условиях и режимах труда.

Под сомнение была поставлена даже идея дальнейшего вовлечения женщин в общественное производство [Костаков, Литвяков, 1970. С. 24–25], необходимость достижения уровня профессиональной занятости женщин, сопоставимого с уровнем занятости мужчин. Был даже предложен «принцип наиболее целесообразной для каждого этапа социально-экономического развития пропорции занятости женщин в сфере общественного и в сфере личного труда» [Котляр, 1975. С. 15], что в завуалированном виде означало предложение о сокращении не только рабочего времени для женщин, но и уровня их занятости.

Много предложений касалось различных вариантов сокращения рабочего времени (за счёт сокращения рабочего дня и увеличения продолжительности оплачиваемых отпусков) для женщин вообще или для женщин с маленькими детьми в частности. Для выравнивания оплаты труда мужчин и женщин предлагалось введение в нормы труда поправочного коэффициента, учитывающего физиологические особенности женского организма [Штейнер, Багров, Бонн и др., 1976. С. 145]. Для улучшения условий труда женщин предлагались, с одной стороны, расширение списка профессий и занятий, запрещённых для использования труда женщин, с другой — поиск профессий и производств, где труд женщин наиболее целесообразен. Для снижения производственного травматизма среди женщин — дифференциация трудовой нагрузки [Оболенская, 1968. С. 16–17].

При этом в [Здравомыслов, Ядов, 2003. С. 339–340] было показано, что в основе существующего неравенства возможностей развития личности мужчин и женщин, проявляющегося в том числе в различиях фонда свободного времени (мужчин он 1,5–2 раза больше, чем у женщин) и затрат времени на домашнюю работу, лежат социальные, а не психофизиологические особенности женщин и мужчин (как сказали бы сейчас — не биологические различия, а традиционное разделение труда). В этой связи уже при выборе рода занятий женщины оказываются поставлены в более узкие рамки по сравнению с мужчинами, которые сковывают их зарплатные и квалификационные притязания. Решение проблемы авторам виделось двоякое. Для выравнивания социальных условий развития личности рабочих и работниц предлагалось предоставлять «привилегии» для женщин, например сокращение рабочего дня, установление дифференцированных требований к рабочей силе женщин и мужчин. Правда, в то же время на вопрос: «Не является ли морально оправданным равномерное распределение хозяйственных обязанностей между мужчиной и женщиной, одинаково занятых в общественном производстве?», — звучал ответ: «Материалы социальных исследований указывают на то, что это не просто пожелание, но реально достижимая возможность». А в [Сергеева, 1987. С. 55] даже делались расчёты, показывающие, что распределение домашней работы между женщиной и остальными членами семьи (мужем, детьми) позволило бы сократить домашний труд женщин на 5–6 часов в неделю. Однако даже авторы таких предложений сомневались в возможности их реализации, поскольку для этого требовалась бы коренная перестройка домашнего хозяйства и психологии всех членов семьи. Поэтому они и не предлагали рецептов воплощения их в жизнь.

Важно подчеркнуть, что все предлагаемые дифференциации условий и режимов труда для мужчин и женщин, предлагавшиеся в рамках нового подхода, рассматривались не как дискриминация по признаку пола, ибо, как было тогда «известно», она присуща только капиталистическим обществам, а как проявление заботы о женщинах и семье [Оболенская, 1968. С. 7].

Государственное регулирование занятости женщин в 1980-х гг.: от расцвета льгот к перестройке

Конец 1970-х и начало 1980-х гг. было временем законодательного воплощения нового взгляда на регулирование занятости женщин. Основной задачей стало решение социальных и демографических проблем страны посредством увеличения льгот и преференций для работающих женщин при сохранении высокого уровня их занятости и при конституционно установленном равенстве прав с мужчинами.

По форме и методам это регулирование было адекватно социалистической системе хозяйствования и практике управления социальными процессами, когда государство одновременно со своими функциями, выполняло также функции единственного работодателя и единственного профсоюза. Кроме того, быстрое расширение системы льгот и преференций для работающих женщин во многом стало возможным из-за избыточности занятости, которую государство создало и поддерживало, стремясь обеспечить всеобщую занятость населения. В основу системы льгот и преференций для работающих женщин было положено традиционное, патриархатное разделение труда, по которому только за женщинами закрепляются все работы по уходу, воспитанию детей и ведению домашнего хозяйства.

Вот основные льготы и преференции для работающих женщин, введённые в 1978–1991 гг.

1. В 1978 г. был принят расширенный список профессий с тяжёлыми и вредными условиями труда, запрещённых для женщин¹⁷.

2. В 1980 г. ратифицирована Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г., где в ст. 4.2 оговаривается, что специальные меры, направленные на охрану материнства, не считаются ни льготами, ни проявлением дискриминации, а относятся к специальным правам¹⁸.

3. В 1980 г. для расширения возможностей женщин в получении профессионального образования было установлено, что женщины-работчие, имеющие детей в возрасте до 8 лет, могут проходить переподготовку и повышение квалификации с отрывом от работы и сохранением на время обучения среднемесячной заработной платы¹⁹.

4. В 1981 г. введены новые нормы предельно допустимых нагрузок для женщин при подъёме и перемещении тяжестей вручную, согласно которым при постоянном подъёме и перемещении масса груза не должна превышать 10 кг, при чередовании подъёма с другой работой — 15 кг. Впервые установлено ограничение суммарного веса грузов — 7 тыс. кг²⁰.

5. В 1981 г. женщины, имеющие занятость или обучающиеся с отрывом от производства, получили право на частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребёнком до года; работающие женщины — на неоплачиваемый дополнительный отпуск по уходу за ребёнком до полутора лет; работающие женщины с двумя и более детей до 12 лет — на допол-

¹⁷ Постановление СМ СССР, ГК СССР по труду и социальным вопросам и Президиума ВЦСПС №240 от 25 июля 1978 г. № П10-3 « Об утверждении списка производств, профессий и работ с тяжёлыми и вредными условиями труда, по которым запрещается применение труда женщин».

¹⁸ Указ Президиума ВС СССР от 19 декабря 1980 г. № 3565-X // Гарант. <https://base.garant.ru/2562703/> (дата обращения: 12.05.2024).

¹⁹ Государственный комитет СССР по труду и социальным вопросам, ГК СССР по профессионально-техническому образованию, ВЦСПС. Постановление от 4 марта 1980 г. № 50/4/4-85 «Об утверждении типового положения о профессиональном обучении рабочих на производстве» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. <https://docs.cntd.ru/document/901825660> (дата доступа: 12.05.2024).

²⁰ СМ СССР, ВЦСПС. Постановление от 5 декабря 1981 г. № 1149 «О введении новых норм предельно допустимых нагрузок для женщин при подъёме и перемещении тяжестей вручную», Постановление Госкомтруда СССР и ВЦСПС от 27 января 1982 г. № 22/П-1 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. <https://docs.cntd.ru/document/901752512> (дата обращения: 12.05.2024).

нительный трёхдневный оплачиваемый отпуск, на первоочередное получение ежегодного отпуска в летнее или другое удобное время, на дополнительный до двух недель отпуск без сохранения содержания по согласованию с администрацией в период, когда позволяют производственные условия²¹.

6. В 1983 г. были проведены исследовательские работы для рассмотрения теоретических вопросов и социально-экономических предпосылок возможного постепенного сокращения рабочего времени женщин, имеющих малолетних детей. При этом рассматривались различные варианты — и уменьшение общего числа рабочих дней (в году, месяце, неделе), и увеличение оплачиваемых и неоплачиваемых отпусков, и сокращение продолжительности рабочей недели (до 40, 38, 36, 35 часов), и сокращение продолжительности рабочего дня на 0,5–1,0 час и более и т.д. Результаты работы не были воплощены в жизнь, но сама работа достаточно точно отразила «дух создания» и общее направление дальнейших действий для организации «наиболее благоприятных условий...» [Штейнер, 1983].

7. 1984 г. — введён порядок и условия применения скользящего (гибкого) графика работы для женщин, имеющих детей²².

8. 1986 г. — в новой Программе КПСС подтверждалась приверженность курсу на дальнейшее улучшение положения женщин-матерей, для этого планировалось создавать ещё более благоприятные условия для сочетания материнства с активным участием женщин в трудовой и общественной деятельности, уделять особое внимание охране материнства и детства, увеличивать продолжительность дородового отпуска, а также отпуска по уходу за ребёнком, расширять сети санаториев, домов отдыха и пансионатов для семейного отдыха, развивать нестандартные формы занятости женщин²³.

9. В 1987 г. увеличена продолжительность оплачиваемого периода по уходу за больным ребёнком до 14 календарных дней с оплатой первых 7 дней, а одиноким матерям, вдовам (вдовцам), разведённым женщинам (мужчинам) и жёнам военнослужащих срочной службы — первых 10 дней. Выплата пособия с 8-го по 14-й календарный день и с 11-го по 14-й день должна была производиться в размере 50% заработка²⁴.

10. С 1987 г. по просьбе беременной женщины, женщинам, имеющим ребёнка в возрасте до восьми лет или осуществляющим уход за больным членом семьи в соответствии с медицинским заключением, администрация обязана была устанавливать неполный рабочий день или неполную рабочую неделю²⁵. В 1990 г. это положение было распространено на женщин, имеющих детей в возрасте до 14 лет²⁶.

11. В 1989 г. увеличена продолжительность частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребёнком до полутора лет, а продолжительность дополнительного отпуска без

²¹ ЦК КПСС, СМ СССР. Постановление от 22 января 1981 г. № 235 «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. <https://docs.cntd.ru/document/9015746> (дата обращения: 12.05.2024).

²² Постановление Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам и ВЦСПС от 6 июня 1984 г. № 170/10-101 «Об утверждении положения о порядке и условиях применения скользящего (гибкого) графика работы для женщин, имеющих детей» // КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10958/ (дата обращения: 12.05.2024).

²³ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция. [1986 г.] // XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля — 6 марта 1986 года: Стенограф. отчёт. Т. 1. — М.: Политиздат, 1986. С. 554–622.

²⁴ СМ СССР, ВЦСПС. Постановление от 20 октября 1987 года № 1177 «Об увеличении продолжительности оплачиваемого периода по уходу за больным ребёнком» // Гарант. <https://base.garant.ru/182087/> (дата обращения: 12.05.2024).

²⁵ Президиум ВС СССР. Указ от 2 сентября 1987 г. № 7639-ХІ «О расширении льгот работающим беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. <https://docs.cntd.ru/document/902005973> (дата обращения: 12.05.2024).

²⁶ ВС СССР. Постановление от 10 апреля 1990 г. № 1420-І «О неотложных мерах по улучшению положения женщин, охране материнства и детства, укреплению семьи» // Консультант плюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10633/ (дата обращения: 12.05.2024).

сохранения заработной платы по уходу за ребёнком — до трех лет. Время отпусков засчитывалось в общий, непрерывный стаж работы, в стаж работы по специальности. У женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребёнком, появилась возможность работать на условиях неполного рабочего времени или на дому, при сохранении права на получение пособия. Новацией стало предоставление возможности отцу ребёнка или иному лицу, фактически осуществляющему уход за ребёнком, использовать отпуск по уходу, но такая возможность могла быть предоставлена только в случае, если мать сама не могла осуществлять уход за ребёнком (вследствие болезни, смерти)²⁷.

12. В 1990 г. было принято Постановление ВС СССР «О неотложных мерах по улучшению положения женщин, охране материнства и детства, укреплению семьи», позволившее сохранять женщинам непрерывный трудовой стаж для начисления пособий по временной нетрудоспособности при оставлении работы в связи с уходом за ребёнком до 14 лет (ребёнком-инвалидом до 16 лет) при условии поступления на работу до достижения ребёнком указанного возраста. Это Постановление также положило начало процессу реформирования образцово патерналистского в отношении женщин трудового законодательства в гендерно нейтральное — мужья и другие родственники стали полноправными адресатами части льгот, предназначенных для облегчения сочетания профессиональных и семейно-бытовых обязанностей, которые ранее распространялись исключительно на женщин. Так, отцы, воспитывающие детей без матери (в случае её смерти, лишения родительских прав, длительного пребывания в лечебном учреждении и в других случаях отсутствия материнского попечения о детях), и опекуны (попечители) несовершеннолетних получили право на ограничение труда на ночных, сверхурочных работах, привлечение к работам в выходные дни и направление в командировки, предоставление дополнительных отпусков, установление льготных режимов труда и на другие льготы, предоставляемые женщине в связи с материнством. А отпуск по уходу за ребёнком до достижения им трёхлетнего возраста отныне мог быть предоставлен *по усмотрению семьи* полностью или по частям матери или отцу ребёнка, бабушке, деду или другим родственникам, фактически осуществляющим уход за ним²⁸.

Правда, нужно сразу оговориться, что законодательные нововведения мало что изменили в реальной жизни. В условиях свободного выбора мужчины не спешили воспользоваться вновь открывшимися возможностями для участия в жизни семьи, предпочитая оставаться в привычных рамках традиционного разделения труда.

Кроме того, в 1991 г. законодательно была отменена идеология полной занятости — провозглашены равные возможности для всех граждан, независимо от пола, в реализации права на труд и свободный выбор занятости; отменена уголовная ответственность за тунеядство — введена добровольность труда, в соответствии с которой занятость должна быть основана на свободном волеизъявлении граждан, а также была легализована безработица²⁹.

²⁷ Постановление СМ СССР и ВЦСПС от 22 августа 1989 года № 677. «О порядке предоставления женщинам частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребёнком до достижения им возраста полутора лет и дополнительного отпуска без сохранения заработной платы по уходу за ребёнком до достижения им возраста трех лет»; Постановление ГК СССР по труду и социальным вопросам и ВЦСПС от 29 ноября 1989 г. № 375/24-11 «Об утверждении разъяснения “О порядке предоставления женщинам частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребёнком до достижения им возраста полутора лет и дополнительного отпуска без сохранения заработной платы по уходу за ребёнком до достижения им возраста трех лет”» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. <https://docs.cntd.ru/document/9018127> (дата обращения: 12.05.2024).

²⁸ Постановление ВС СССР от 10 апреля 1990 г. № 1420-I «О неотложных мерах по улучшению положения женщин, охране материнства и детства, укреплению семьи» // КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10633/ (дата обращения: 12.05.2024); Государственный комитет СССР по труду и социальным вопросам, Письмо: «Методические Указания» от 20 ноября 1990 г. № 3540-ЛБ. <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sss0616.htm> (дата обращения: 12.05.2024)

²⁹ Основы законодательства СССР от 15.01.1991 г. № 1905-I «О занятости населения» // Гарант. <https://base.garant.ru/6336302/> (дата обращения: 12.05.2024).

Во многом в результате ускоренного введения в жизнь всех этих норм к середине 1980-х гг. в обществе сложился консенсус относительно того, как должна выглядеть профессиональная занятость женщин и мужчин. И для тех, и для других социальной нормой являлась необходимость учиться или работать. Для женщин, при рождении ребёнка, допустимым считался временный перерыв в занятости в пределах отпуска по уходу за ним. Исключение составляли многодетные матери, для которых государство и общественное мнение допускали отсутствие профессиональной работы.

В общем же продолжительность временных перерывов в занятости при переходе с работы на работу была минимальна — не более двух-трёх месяцев. Превышение продолжительности таких перерывов наказывалось штрафными санкциями в виде прерывания трудового стажа, что, в свою очередь, негативно сказывалось на размерах социальных выплат (в первую очередь это касалось женщин).

Изначальная адресация исключительно женщинам льгот и преференций, связанных с семейными обязанностями и необходимостью ухода за ребёнком, лишь закрепила в российских семьях своеобразный «советский» патриархатный тип распределения гендерных ролей и труда, при котором муж сохранял роль основного кормильца, жена оставалась хранительницей очага (не только вела хозяйство, но и осуществляла уход за детьми, престарелыми членами семьи, была основным воспитателем детей). От традиционного этот тип разделения труда отличался тем, что советская женщина ещё и работала почти так же, как мужчина и имела сопоставимый доход от занятости. Бремя же домашнего труда и ухода за детьми она частично разделяла с государством.

Во многом именно поэтому российские женщины предпочитали использовать по максимуму все причитающиеся им льготы и преференции, а единый для всех работодатель (государство) не препятствовал такому порядку. Со временем практика использования льгот «по максимуму» привела к формированию стереотипного представления о женщинах как о работниках второго сорта, нагруженных льготами, ненадёжных и неудобных для производства. Всё чаще у молодых женщин стали возникать трудности с трудоустройством, ещё больше усложнилось их должностное продвижение.

Кроме того, исследования бюджетов времени населения показывали, что несмотря на развитие сферы обслуживания и системы дошкольного присмотра и ухода за детьми, домашняя нагрузка женщин во времени не имела значимой тенденции к сокращению. Если в 1930-х гг., по данным академика С.Г. Струмилина, затраты труда женщин на домашнее хозяйство составляли четыре часа, то в начале 1980-х гг. в семьях рабочих и служащих женщины тратили на такую работу... всё те же четыре часа. Исследователи объясняли это не только недостаточным сокращением затрат времени на традиционные виды домашнего труда, но и появлением у женщин новых семейных обязанностей (например, контроль за занятиями детей, посещение детских учреждений, организация досуга семьи и пр.) [Слесарев, Янкова, 1967. С. 50].

Ещё одним закономерным результатом политики расширения льгот стало постепенное распространение в обществе мнения о необходимости снижения занятости женщин. В первые годы перестройки его озвучил М.С. Горбачёв, призвав «вернуть женщине её истинное женское предназначение — вернуть женщину в семью» [Горбачёв, 1988. С. 117]. Впрочем, реализовать сценарий «полного возврата женщины в семью» смог лишь крайне ограниченный круг «новых русских» [Буланцева, 1994]. Хотя накануне радикальных экономических перемен оставить работу были готовы 18,1% россиянок при условии увеличения заработной платы мужа на величину заработной платы жены, ещё 46,8% хотели бы работать неполное рабочее время и только 18,3% были согласны продолжать работать полное рабочее время³⁰.

³⁰ См.: «Условия труда и быта женщин: Стат. сб.». — М.: РИЦ, 1992. С. 315.

Трудно не связать изменение общественного мнения относительно занятости женщин со сломом тренда роста числа работающих женщин. Согласно официальным данным, в 1980–1985 гг. рост численности занятых в РСФСР происходил преимущественно за счёт женщин (в приросте они составляли 63,4%), а во второй половине десятилетия численность занятых росла только у мужчин (за 1985–1990 гг. на 0,9 млн человек), а численность занятых женщин сократилась (на 0,5 млн человек) (табл. 5). В результате к концу рассматриваемого периода доля женщин среди занятых уменьшилась до 50,6%, а уровень занятости снизился до 84,1% [Бабаева Л. В., Беляева И. Ф., Баскакова М. Е. и др., 1993. С. 4].

Таблица 5

Динамика среднегодовой численности занятых в народном хозяйстве РСФСР, млн человек

Годы	Всего	В том числе		Доля женщин среди занятых (%)
		мужчины	женщины	
1980*	73,3	35,7	37,6	51,3
1985	74,9	36,3	38,6	51,5
1990	75,3	37,2	38,1	50,6

* Начиная с этого года Росстат изменил методику расчёта численности занятых в народном хозяйстве. Источник: Российский статистический ежегодник. 2003. Стат. сб. — М.: Госкомстат России, 2003. С. 143–144.

Изменение численности занятых и мужчин, и женщин было крайне неравномерно по отраслям и по годам. В первой половине десятилетия на фоне общего значительного роста занятости, в «мужских» отраслях прирост численности происходил преимущественно за счёт мужчин, в «женских» — за счёт женщин. Например, в строительстве число занятых мужчин увеличилось на 93 тыс. человек, женщин сократилось — на 19 тыс. человек, а на транспорте — увеличилось на 208 и 68 тыс. человек, соответственно. Зато в здравоохранении число работников-мужчин выросло только на 39 тыс. человек, а женщин — на 182 тыс. человек, в образовании — численность занятых мужчин сократилась на 81 тыс. человек, а у женщин она увеличилась на 406 тыс. человек, соответственно. Исключение составила наука, где началось сокращение числа занятых, причём преимущественно за счёт мужчин, и аппарат органов управления, но там сокращали преимущественно женщин. Снижение численности и мужчин, и женщин ощутило на себе только сельское хозяйство.

Во второй половине десятилетия, в перестроечные годы, когда общая численность занятых мужчин росла, а у женщин — снижалась, тенденции изменились, но незначительно. Потери занятых (и мужчин, и женщин) коснулись преимущественно отраслей «мужской» занятости. Но в них сокращение занятости женщин происходило быстрее, если не в абсолютных, то в относительных показателях. Исключение составило строительство, которое в этот период не без помощи Государственной программы «Жильё 2000», существенно (в 1,3 раза) нарастило занятость, причём как мужских, так и женских кадров (правда, в соотношении 4:1).

В отраслях непроизводственной сферы (кроме науки, где работников-мужчин стало меньше на 134 тыс. человек, женщин — на 116 тыс. человек, и торговли, где сокращения составили, соответственно, 104 и 249 тыс. человек) рост занятости по-прежнему проходил преимущественно за счёт женщин. В результате изменений в отраслевых распределениях женщин и мужчин (табл. 6) значение индекса Дункана выросло к 1990 г. до 30,1%.

При этом исследования фиксировали, что ни созданная система льгот и преференций для работающих женщин, ни перестроечные «ветры перемен» не привели к преодолению неравенства полов, не способствовали решению многочисленных проблем,

Таблица 6

Распределение численности мужчин и женщин, занятых в экономике, по отраслям, %

Годы	1980		1985		1990	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Всего в экономике	100	100	100	100	100	100
Промышленность	34,4	30,7	34,5	30,2	32,0	28,6
Сельское хозяйство	17,7	11,7	16,9	11,0	16,0	10,0
Лесное хозяйство	0,6	0,2	0,6	0,2	0,5	0,1
Строительство	13,9	5,4	14,0	5,2	17,8	6,3
Транспорт	12,8	4,1	13,1	4,1	9,9	3,2
Связь	0,8	1,8	0,8	1,8	0,7	1,7
Торговля	3,5	12,8	3,6	12,7	3,2	12,2
ЖКХ	3,7	4,1	3,9	4,3	4,2	4,3
Здравоохранение	1,5	7,9	1,6	8,2	2,0	9,2
Образование	3,2	10,3	2,9	11,1	3,5	12,5
Культура и искусство	0,8	1,9	0,8	1,9	0,9	2,2
Наука	4,1	4,1	4,0	4,1	3,6	3,9
Финансы	0,1	0,9	0,1	0,9	0,1	0,9
Управление	1,0	2,1	1,0	2,2	1,4	2,8
Другие отрасли	1,9	2,0	2,2	2,1	4,2	2,1

Источник: Российский статистический ежегодник. 2003. Стат. сб. — М.: Госкомстат России, 2003. С. 143–144.

с которыми сталкивались женщины в сфере труда. Они, несмотря на свой более высокий уровень образования, по-прежнему отставали от мужчин по уровню квалификации, должностному росту и уровню оплаты труда. В конце 1980-х гг. поиски решения проблем привели учёных и представителей общественных организаций к идее необходимости отказа от идеологии государственного протекционизма и установления не только равенства прав, но и равенства возможностей для мужчин и женщин [Посадская, Римашевская, Захарова, 1989; Захарова, Посадская, 1991]. В свою очередь, это предполагало переход от традиционного разделения труда к эгалитарному. Для сферы занятости такой переход подразумевал, в первую очередь, переадресацию на семью (работников, сочетающих профессиональные и семейные обязанности без различия пола) всех законодательных льгот и преференций, до этого предназначенных для женщин, кроме льгот, связанных непосредственно с беременностью, родами и грудным вскармливанием ребенка.

Следующий период отечественной истории, естественно, принесший свою специфику в рассматриваемую тему государственного регулирования занятости женщин и мужчин, связан с изменением всей социальной жизни российского общества после начала экономических реформ в 1992 г. Но это — тема следующей статьи.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Араловец Н.Д. (1954). *Женский труд в промышленности СССР* [Aralovets N.D. (1954). *Women's Labor in the Industry of the USSR*]. — М.: Профиздат.
- Бабаева Л.В., Беляева И.Ф., Баскакова М.Е. и др. (1993). *Работающие женщины в условиях перехода России к рынку* [Babayeva L.V., Belyayeva I.F., Baskakova M.E. et al. (1993). *Working Women in the Context of Russia's Transition to the Market*]. — М.: ИЭ РАН.
- Баскакова М.Е. (2023). Государственное регулирование занятости женщин и профессиональная сегрегация в российской сфере труда — 100 лет истории. Ч. 1. 1918–1945 годы [Baskakova M.E. (2023). *State Regulation of Women's Employment and Occupational Segregation in the Russian Labour Sphere — 100 Years of History Part 1. 1918–1945*] // *Вопросы теоретической экономики*. № 3. С. 127–146. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_127_146.
- Буланцева И.А. (1994). Семьи предпринимателей: возврат к традиционной модели [Bulantseva I.A. (1994). *Business Families: A Return to the Traditional Model*] // *Личность и семья в эпоху перемен. Демография и социология*. — М.: ИСЭПН РАН. С. 97–105.
- Гонина Н.В., Павлюкевич Р.В., Вавиленко А.Ю. (2019). На обочине светлого пути: женский труд в пищевой промышленности в 1954–1964 годах (на материалах Красноярского края) [Gonina N.V., Pavlyukevich R.V., Vavilenko A.Yu. (2019). *On the Bright Path: Female Labor in the Food Industry in 1954–1964 (based on Materials from the Krasnoyarsk Territory)*] // *Научный диалог*. 2019. № 11. С. 258–270.
- Горбачёв М.С. (1988). *Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира*. [Gorbachev M.S. (1988). *Perestroika and New thinking for our Country and for the Whole World*]. — М.: Политиздат.
- Данилова Е.З. (1968). *Социальные проблемы труда женщин-работниц (труд женщины-работницы и материнство)* [Danilova E.Z. (1968). *Social Problems of Female Workers' Work (Female Workers' Work and Motherhood)*]: Автореф... канд. экон. наук. — М.: НИИ труда (ДСП).
- Захарова Н.К., Посадская А.И. (1991). «Женский вопрос» и социальная политика [Zakharova N.K., Posadskaya A.I. (1991). *The "Women's Issue" and Social Policy*] // *Семья и семейная политика*. — М.: ИСЭПН РАН. С. 47–57.
- Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. (2003). *Человек и его работа в СССР и после* [Zdravomyslov A.G., Yadov V.A. (2003). *Man and his Work in the USSR and After*]. — М.: Аспект Пресс.
- Коньшев Д.Н. (2011). Государственная политика ограничения личного подсобного хозяйства (конец 1950-х — начало 1960-х гг.) [Konyshev D.N. (2011). *Government's Policy of Limiting Personal Subsistence Farming, (late 1950s — early 1960s)*] // *Российская история*. №3. С. 102–111.
- Костаков В.Г., Литвяков П. П. (1970). *Баланс труда* [Kostakov V.G., Litvyakov P. P. (1970). *Work Balance*]. — М.: Экономика.
- Ленин В.И. (1970). О задачах женского рабочего движения в Советской республике [Lenin V.I. (1970). *On the Tasks of the Women's Labor Movement in the Soviet Republic*] // *В.И Ленин. Полн. собр. соч.* Т. 39. — М.: Политиздат. С. 198–205.
- Литвяков П.П., Костаков В.Г. (1969). *Демографические проблемы занятости* [Litvyakov P.P., Kostakov V.G. (1969). *Demographic Problems of Employment*]. — М.: Экономика.
- Оболенская Г.И. (1968). *Труд женщин в промышленности СССР и производственные условия (на примере машиностроительной промышленности)* [Obolenskaya G.I. (1968). *The Work of Women in the Industry of the USSR and Production Conditions (on the Example of the Machine-building Industry)*]: Автореф... канд. экон. наук. — М.: НИИ труда (ДСП).
- Посадская А.И., Римашиевская Н.М., Захарова Н.К. (1989). Как мы решаем женский вопрос [Posadskaya A.I., Rimashievskaya N.M., Zakharova N.K. (1989). *How do We solve the Women's Issue*] // *Коммунист*. № 4. С. 56–65.
- Сергеева Г.П. (1987). *Профессиональная занятость женщин: проблемы и перспективы* [Sergeeva G.P. (1987). *Professional Employment of Women: Problems and Prospects*]. — М.: Экономика.
- Слесарев Г.А., Янкова З.А. (1967). *Социальные аспекты рационального использования труда работающей женщины*. [Slesarev G.A., Yankova Z.A. (1967). *Social Aspects of the Rational use of the Labor of a Working Woman*]. — М.: Науч. совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований. Ин-т конкретных социальных исследований АН СССР. Сектор социальных проблем трудовых ресурсов (ДСП).
- Соболев Э.Н. (2022). Дифференциация и уравнительность в политике оплаты труда в российской истории XX века [Sobolev E. N. (2022). *Differentiation and Equalization in Wage Policy in the Russian Throughout the XX century*] // *Общество и экономика*. №11. С. 40–55.
- Сонин М.Я. (1959). *Воспроизводство рабочей силы и баланс труда* [Sonin M.Ya. (1959). *Reproduction of the Labor Force and the Balance of Labor*]. — М.: Госпланиздат.
- Штейнер А.В. (1983). *Социально-экономические предпосылки сокращения рабочего времени для работающих женщин, имеющих малолетних детей (проблемы и перспективы)* [Steiner A.V. (1983). *Socio-Economic Prerequisites for Reducing Working Hours for Working Women with Young Children (Problems and Prospects)*]. Тезисы доклада для обсуждения на Ученом Совете. — М.: НИИ труда.
- Штейнер А.В., Багров А.А., Бонн Э.И. и др. (1976). *Использование женского труда в народном хозяйстве* [Steiner A.V., Bagrov A.A., Bonn E.I. et al. (1976). *The use of Women's Labor in the National Economy*]. — М.: НИИ труда (ДСП).

Баскакова Марина Евгеньевна

baskakovame@mail.ru

Marina E. Baskakova

Dr. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Economics RAS (Moscow)

baskakovame@mail.ru

**STATE REGULATION OF WOMEN'S EMPLOYMENT AND OCCUPATIONAL SEGREGATION
IN THE RUSSIAN LABOUR SPHERE — 100 YEARS OF HISTORY (Part 2. 1945–1991)**

Abstract. This paper, based on a general analysis of political documents and legislative acts, examines the changes in the regulation of employment conditions and regimes for women, as well as the dynamics of gender industry segregation. The first part of the article was dedicated to the initial Soviet period and the period of the Great Patriotic War (1917–1945). The second part covers the entire post-war Soviet period (1945–1991), during which there remained a commitment to the idea of maximizing women's participation in the economy. However, perceptions of the conditions for achieving gender equality in employment changed when the country faced the threat of critically low birth rates. As this demographic problem was directly linked to the high total workload of women, a system of benefits and preferences exclusively addressed to working women began to be developed, aiming to create “the most favourable conditions for combining professional and family duties.” The implementation of an ever-expanding system of benefits did not lead to the equalization of opportunities for men and women in the labour sphere but contributed to the expansion of labour discrimination by gender and the formation of stereotypical views about jobs most “suitable for men” and “most suitable for women.” The article analyzes the dynamics of differences in the sectoral employment structure of women and men based on historical and contemporary statistics, demonstrating that in the Russian Soviet society, committed to traditional gender role divisions, and without pressure on women in their choice of workplace, there was an increase in gender professional segregation due to the concentration of women in non-production sectors and men in material production sectors. The empirical basis for this study relies on data from the Central Statistical Office of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR) and Rosstat. The statistical analysis of gender segregation dynamics in this study employed the Duncan index, which quantitatively assesses and compares differences between the distributions of women and men across sectors and types of economic activity.

Keywords: *gender segregation, women, men, human potential, equality, education, employment, labor market.*

JEL: J16, J21, J71, J78.

О.А. Синиченко

*к.э.н., доцент, ЧОУ ВО Таганрогский институт управления
и экономики (Таганрог)*

БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА РОССИИ В 1987–1994 гг.: НОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье описывается история эволюции институтов банковской системы России в 1987–1994 гг. Необходимость ухода от одноуровневой банковской системы к концу 1980-х гг. стала очевидна, она не отвечала потребностям рыночной экономики. Появление специализированных банков значительно расширило функционал банковских операций, заодно появилось множество их региональных филиалов. Тем не менее сохранялась их зависимость государства, собственный капитал банков увеличивался медленно. Появление коммерческих банков послужило началу развития полноценной двухуровневой структуры банковской системы России. Количество коммерческих банков быстро росло, что было связано с низким уровнем требований по получению лицензий на право осуществления банковских операций. По мере ужесточения контроля над их деятельностью и введения нормативов многие банки были либо ликвидированы, либо объединились с другими. В работе приводится история законодательства, регулирующего денежно-кредитную систему. Развитие и становление банковской системы в России — сложный и противоречивый процесс, включающий среди прочего и криминализацию данной сферы в начале 90-х гг., что было связано с недостаточной регуляторной деятельностью ЦБ РФ. Это вызывало недоверие граждан к банкам, в особенности в период разрастания и последующего краха финансовых пирамид. Нерешённые проблемы в банковской и финансовой сферах привели к очередному институциональному кризису в 1995 г.

Ключевые слова: *история банковской системы, институциональная структура, трансформация, банковское законодательство, коммерческие банки.*

JEL: G21, N24

УДК: 338(091)

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_152-169

© О.А. Синиченко, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Синиченко О.А.* Банковская система России в 1987–1994 гг.: новая организация и новые проблемы // *Вопросы теоретической экономики.* 2024. №2. С. 152–169. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_152_169.

FOR CITATION: *Sinichenko O.A.* The Banking System of Russia in 1987–1994: A New Organization and New Problems // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki.* 2024. No. 2. Pp. 152–169. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_152_169.

История банковской системы России интересна и многогранна. Она началась гораздо позже истории классических американских и европейских банковских институтов, заимствуя зарубежные практики кредитования и расчётов после своего появления в 1764 г.

Децентрализация управления экономикой СССР в 1987 г. стала причиной изменений и банковской системы. Первым этапом реорганизации было создание специализированных банков, не оправдавших возлагавшихся на них надежд. На втором этапе началось строительство двухуровневой системы, в рамках которой появилось множество коммерческих банков. Это сопровождалось как своими преимуществами, что проявилось в удовлетворении потребностей в расчётах и кредитовании предприятий новых организационно-правовых форм (кооперативов, малых предприятий), так и недостатками, проявившимися, в частности, в появлении мошеннических схем при проведении банковских расчётов.

Система государственных специализированных банков (1980–1987)

Период с 1987 г. (формирование системы государственных специализированных банков) — до распада СССР многие авторы называют золотым веком российских банков [Симонов, 2016. С. 14], что оправдано не только резким ростом их числа, но и увеличением размера их активов. До 1987 г. в СССР банковская система состояла из четырёх государственных банков: Госбанк (4 500 подразделений), Стройбанк (1 700 подразделений), Внешторгбанк (17 подразделений) и Гострудсберкасссы (78 500 подразделений), каждый из которых отвечал за свою зону ответственности (сферу деятельности).

До 1986 г. и позже более 50% капитальных вложений в СССР проходили через финансово-бюджетную систему, куда включались фонды министерств, а не через банки. Ссуды до 1985 г. выдавались, соответственно, только двумя банками: Госбанком и Стройбанком СССР (табл. 1).

Таблица 1

Ссуды Госбанка и Стройбанка и капитальные вложения в СССР, 1980–1985 гг.,

Ссуды и капитальные вложения	1980	1981	1982	1983	1984	1985
Всего ссуд, млрд руб.	342,5	413,5	445,5	469,7	496,8	521,3
Всего краткосрочных ссуд, млрд руб.	261,4	327,3	354,9	377,4	402,8	426,4
в т.ч. Госбанка СССР, млрд руб.	222	256,5	280,4	298,9	316,5	335,7
в т.ч. Стройбанка СССР, млрд руб.	39,4	70,8	74,5	78,5	86,3	90,7
Всего долгосрочных ссуд, млрд руб.	81,1	86,2	90,6	92,3	94	94,9
Всего капиталовложений (КВ), млрд руб.	150,9	156,5	161,9	171	174,3	178,7
Удельный вес долгосрочных ссуд в КВ, %	53,7	55,1	56,0	54,0	53,9	53,1

Источник: составлено автором по данным: Народное хозяйство СССР в 1985 г.: Стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1986. С. 363, 565.

При плановой системе применялась утверждённая схема распределения прибыли предприятий. Например, в 1985 г. 56% вносилось в бюджет государства, 40% оставалось предприятию, в том числе 16% направлялось в фонды экономического стимулирования (премии, надбавки и т.д.), а часть — на погашение кредитов. При этом правительство определяло приоритеты кредитования и направляло ресурсы в важные отрасли и проекты в соответствии с планами развития экономики. Это позволяло гарантировать доступ к кредитам для государственных предприятий и сокращать риски финансовых кризисов.

Кредитование в СССР осуществлял чаще всего Госбанк (его доля в общем объёме кредитования — более 77% на протяжении всего анализируемого периода). Стоит также обратить внимание на динамику роста объёмов капиталовложений и выданных ссуд. Оба показателя показывают в динамике положительный прирост, но темп роста различен. Объём капиталовложений к 1985 г. по сравнению с 1980 г. увеличился на 18,42%, а объём ссуд за аналогичный временной период показал рост в 52,2%.

Особое внимание уделялось кредитованию и капиталовложениям в разрезе отраслей (табл. 2, 3).

Как следует из табл. 2, кредитование было преимущественно краткосрочное (до двенадцати месяцев). Стройбанк СССР кредитовал преимущественно промышленное и гражданское строительство, всем остальным занимался Госбанк СССР. В ряде отраслей,

Таблица 2

Структура кредитования банками отраслей народного хозяйства, 1980–1985 гг., млрд руб.

	1980	1981	1982	1983	1984	1985
Всего ссуд	342,5	413,5	445,5	469,7	496,8	521,3
<i>Краткосрочные ссуды</i>	76,32	79,15	79,66	80,34	81,07	81,79
Промышленность	20,84	19,27	19,95	20,14	19,9	20,43
Сельское хозяйство	16,81	16,55	15,87	15,07	15,36	15,34
Транспорт и связь	0,76	0,68	0,78	0,89	0,82	0,84
Строительство	13,54	20,45	19,84	19,7	21,31	21,35
Снабжение и сбыт	4,55	3,8	4,15	4,21	4,29	4,32
Заготовки	2,66	2,27	2,27	2,38	2,07	2,16
Торговля	16,73	15,72	16	17,03	16,69	16,8
Прочие отрасли	0,43	0,41	0,8	0,83	0,62	0,55
<i>Долгосрочные ссуды</i>	23,68	20,85	20,34	19,66	18,93	18,21

Таблица 3

Структура капитальных вложений в отрасли народного хозяйства, 1980–1985 гг.

	1980	1981	1982	1983	1984	1985
Всего капиталовложений, млрд руб.	150,9	156,5	161,9	171	174,3	178,7
Всего капиталовложений, %	100	100	100	100	100	100
Промышленность	35,3	39	38,4	39,3	39,4	36,5
Сельское хозяйство	19,8	12,3	11,9	11,6	11,2	17,6
Транспорт и связь	12	14,9	15,4	15,3	15,4	12,2
Строительство	4	4	4,3	3,9	3,9	3,4
Жилищное хозяйство	14	14	14,3	14,4	14,5	15,6
Строительство торговых и коммунальных организаций, предприятий лесного хозяйства и заготовок, учреждений науки, искусства, народного образования, здравоохранения	14,9	15,8	15,7	15,5	15,6	14,7

Источник: составлено автором по данным: Народное хозяйство СССР в 1985 г.: Стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1986. С. 367, 566.

в частности торговле и производстве, кредиты банков навязывались со стороны государства; речь шла о кредитовании затрат на реализацию мероприятий по ускорению научно-технического прогресса, увеличению производства товаров и платных услуг населению.

Анализируя структуру капиталовложений необходимо отметить, что большую её часть государство направляло на развитие тяжёлой промышленности, увеличение числа промышленных, торговых и муниципальных зданий и сооружений. Меньше всего капиталовложений уделялось строительству жилья для населения, что отражало тот факт, что люди десятилетиями стояли в очередях на получение жилья.

Согласно Постановлению Совмина СССР от 11.11.1982 №983 «Об утверждении Основных положений о банковском кредите» при кредитовании предприятий, объедине-

ний и организаций под нормативные запасы товаров долевого участия собственных оборотных средств в их оплате должно составлять не менее:

- ▶ 35% у снабженческо-сбытовых организаций;
- ▶ 30% у организаций систем Госкомсельхозтехники СССР и Союзсельхозхимии;
- ▶ 50% у организаций государственной торговли (кроме специализированных оптовых организаций);
- ▶ 35% у государственных специализированных оптовых организаций, осуществляющих торговлю непродовольственными товарами, и 40% у остальных государственных специализированных оптовых организаций;
- ▶ 15% у розничных торговых организаций потребительской кооперации;
- ▶ 10% у оптовых торговых организаций потребительской кооперации.

Как предполагалось, эти нормативы обязательного пользования будут стимулировать предприятия и организации к ускорению оборота средств. В свою очередь, при кредитовании предприятий и объединений отраслей промышленности, не подверженных фактору сезонности, долевого участия собственных оборотных средств в оплате материальных ценностей и в затратах на производство должно было составлять не менее 50%.

Ключевыми недостатками банковской системы СССР, по мнению Р.Г. Кирсанова, являлись следующие:

- ▶ предприятия, которые были на грани банкротства кредитовались государственными банками, часто без должного обоснования целесообразности ссуды и её объёма;
- ▶ низкие процентные ставки (в пределах одного процента) усиливали спрос на кредиты, которые были нерентабельны для банков, а значит, и для государства, которому они принадлежали;
- ▶ безналичный оборот сопровождался высокой скрытой инфляцией;
- ▶ покупательная способность рубля падала на фоне дополнительной денежной эмиссии;
- ▶ дополнительная эмиссия на фоне малого числа товаров «на полках» привела к излишку денег в обращении [Кирсанов, 2010. С. 68].

Стоит отметить, что на тот момент финансовая система СССР состояла из двух «контуров». Взаиморасчёты между юридическими лицами осуществлялись с помощью банковского безналичного оборота. Выплата заработной платы, командировочных, больничных и т.д. осуществлялась через кассу наличными деньгами, которые впоследствии поступали на потребительский рынок. В последнем случае плановики старались поддерживать баланс между объёмом наличных денег и потребительских товаров и услуг. Такая система позволяла поддерживать низкие цены и не допускать высокой инфляции (подавленная инфляция в СССР присутствовала, что проявлялось в т.н. «вынужденных сбережениях» — росте денег на руках населения и вкладов в сберкассы при невозможности их «отovarить»). Такая система контроля над инфляцией, однако, могла работать лишь при определённых запретах перевода безналичных денег в наличные [Кара-Мурза, 2002. С. 223–224].

«Товарная наполняемость» рубля в данных двух каналах была различна. Поддержанию данной системы также способствовала неконвертируемость рубля и монополия государства на внешнюю торговлю. Деятельность специализированных банков также была направлена на поддержание стабильности в рамках этих двух по сути несвязанных систем.

«Рубли в отношениях между предприятиями играют роль не денег, а учётных единиц (“счётные деньги”), с помощью которых опосредуется обмен деятельностью и ведётся учёт затрат труда. Мы имеем два типа денег: “трудовые” и “счётные” и это наша реальность» — отмечал В.М. Якушев [Якушев, 1989. С. 54, 58].

С целью совершенствования материального стимулирования работников на партийном и государственном уровне в 1987 г. были приняты решения, которые разрешали пере-

водить часть безналичных средств различных фондов предприятий в фонд материального поощрения, а из него переводить деньги в наличную форму. Это позволило начать быстро формировать капиталы для «первоначального накопления», естественно с сопутствующим запуском механизма показателей инфляции. Именно в этот период стали появляться люди со статусом «новых русских» и «олигархов» [Катасонов, 2014. С. 320–321].

Желание государства разнообразить рынок товаров для населения способствовало быстрому развитию кооперации в СССР. Предполагалось, что в кооперативах можно будет наладить мелкосерийное производство различных товаров, а также увеличить перечень услуг для граждан, что было прописано в Материалах XXVII съезда КПСС. В начале 1987 г. был принят ряд нормативных актов по развитию кооперации: №160 «О создании кооперативов общественного питания», №161 «О создании кооперативов по бытовому обслуживанию населения» и №162 «О создании кооперативов по производству товаров народного потребления» (все три — Постановления Совета Министров СССР) и др. Налог на доходы для кооперативов (2–10% в зависимости от вида деятельности) был значительно ниже аналогичного для промышленных предприятий (39%). Кооперативы могли получить кредит по сниженной ставке 0,75% годовых по долгосрочным ссудам и 1% — по краткосрочным. В начале 1989 г. в стране насчитывалось порядка 80 тыс. кооперативов, происходил массовый переток кадров из государственного в частный сектор экономики. Кооперативы создавались, на первый взгляд, с благими целями, но быстро стали выявляться и недостатки данных организаций, связанные с их посреднической деятельностью. Кооперативы имели право неограниченно использовать в расчётах наличные деньги. В результате через них начали проводить массовые мошеннические схемы по обналичиванию, чем стали пользоваться государственные организации. Часто кооператоры просто занимались спекулятивной перепродажей товаров, изготовленных государственными промышленными предприятиями. Имели место случаи, когда кооперативы продавали на экспорт товары, на валютную прибыль покупали оборудование или технику и потом продавали её государственным предприятиям по спекулятивным ценам. При такой системе цены у кооператоров были гораздо выше, чем у государственных предприятий — за ценами последних осуществлялся государственный контроль. Аналогичная ситуация сложилась и с заработной платой. В период расцвета кооперации в стране сформировалось избыточное предложение наличных денег на фоне всеобщего дефицита.

На 1990 г. пришёлся пик числа зарегистрированных кооперативов (примерно 195 тыс.). Государство и Банк России настороженно наблюдали за нарастанием излишков денежных средств в обращении (более 100 млрд руб.) и увеличением ажиотажного спроса на повседневные товары. В последующие несколько лет число кооперативов начало резко снижаться: в начале 1991 г. насчитывалось 134,6 тыс. кооперативов, в 1992 г. — 78,4 тыс., в 1993 г. — 43,8 тыс. [Никифоров, 1996, С. 295, 301]. Основные причины были в ужесточении налоговых и законодательных требований со стороны государства, что сделало работу некоторых кооперативов невыгодной.

Все перечисленные недостатки вкуче с высоким уровнем монополизации государством системы денежных отношений привели к необходимости формирования новой банковской системы страны [Захаров, 2005. С. 181].

Пленум ЦК КПСС на заседании в июне 1987 г. сформулировал идею о необходимости радикальной реформы финансово-кредитной системы, которая позволила бы реализовать стратегию партии, способствовала бы развитию народного хозяйства страны, повышению эффективности производства, укреплению хозяйственных расчётов, соблюдению режима ресурсосбережения.

Институциональная структура банковской системы того периода была очень ограничена, особенно это касалось кредитной составляющей, тормозила развитие отраслей

и сфер экономики, финансовая сбалансированность была нарушена. Основной причиной, по мнению ряда авторов, в том числе Р.Г. Кирсанова, стала низкая эффективность работы государственных банков, прежде всего в сфере кредитования и расчётного обслуживания производственных предприятий и населения [Кирсанов, 2015, С. 352].

Существенным замечанием Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР стало сформированное желание сделать кредит важнейшим структурно-финансовым инструментом, «обеспечивающим органическое включение товарно-денежных отношений в механизм планового управления экономикой». Также были сформулированы приоритетные направления распределения кредитных денег, в первую очередь они должны быть перераспределены в наукоёмкие и производственные предприятия [Штойdle, 1998. С. 139–142]. Реформа сопровождалась негласным лозунгом «банки ускоряют появление инноваций в СССР» через создание новой специализированной системы банков (см. табл. 4).

Для контроля за созданными специализированными банками и координированием выполнения поставленных планов был создан Совет банков СССР, который подчинялся Госбанку. Банки в своей деятельности должны были опираться на собственные средства; шире использовать кредитный механизм в рамках перехода к рынку.

Тем не менее размер процентной ставки по кредиту банки должны были согласовывать с Госбанком СССР, Госпланом СССР и Министерством финансов СССР. Вместе с этим применялась дифференциация процентных ставок за кредиты в зависимости от целей их использования (на плановые, сверхплановые и непредвиденные потребности). Процентная ставка могла быть в дальнейшем увеличена либо уменьшена как ответная реакция на выполнение заёмщиком своих обязательств по кредиту. Требования к заёмщику также проходили процедуру согласования. В тот период также была введена плата за межбанковское кредитование [Кротов, 2008. С. 92].

Появление специализированных банков в СССР стало отправной точкой ухода от государственной банковской монополии и делегирования части полномочий Госбанка, что было отражено и зафиксировано в Постановлении ЦК КПСС и СМ СССР №821 «О совершенствовании системы банков в стране и усилении их воздействия на повышение эффективности экономики».

В дополнение к указанному документу принимается Постановление Совета министров СССР от 6 октября 1987 г. №1118 «О перестройке деятельности и организационной структуре банков СССР». В приложениях к нему по каждому специализированному банку приводится перечень организационных структур центральных аппаратов, что отвечает их основным направлениям деятельности, которые были указаны в табл. 4.

Многие скептики того времени не оценили важности реформы 1987 г., аргументируя это тем, что, по сути, ничего не поменялось. Госбанк страны полностью сохранил свои функции, аналогично, как и Внешторгбанк. Действующие ранее сберкассы просто были переименованы в Сберегательный банк СССР, а остальные банки просто получили официальную специализацию. Рост числа банков и их филиалов, отсутствие нужного числа квалифицированных сотрудников, низкий уровень автоматизации банковских систем способствовали увеличению задержек прохождения расчётных документов, появлению конфликтов между исполняющими структурами. Итогом стало невыполнение своих задач специализированными банками. Они должны были обслуживать только определённые сферы деятельности, но по факту обслуживали всех, кто к ним обращался. Большая потребность в кредитах в совокупности с недостатком кредитных ресурсов увеличивали число отказов, что препятствовало развитию предприятий. Нарушались принципы, заложенные в законодательстве о банковской реформе и важности такого финансового инструмента, как кредит. Ключевым противоречием реформы стало желание государства сделать банки более самостоятельными структурами, дать им возможность развивать кре-

Таблица 4

Перечень специализированных банков, созданных после июля 1987 г.

Наименование банка	Основные направления и сферы деятельности
Госбанк СССР	<ul style="list-style-type: none"> — централизованное плановое управление денежно-кредитной системой страны; — проведение единой кредитной политики государства; — координация деятельности банков СССР и расчётов между ними; — обеспечение организации и укрепления денежного обращения; — кассовое исполнение государственного бюджета; — участие в формировании сводного валютного плана страны
Внешэкономбанк СССР	<ul style="list-style-type: none"> — обеспечение организации и проведения расчётов по экспортно-импортным и неторговым операциям; — кредитование объединений, предприятий и организаций, осуществляющих внешнеэкономические связи; — контроль за исполнением сводного валютного плана; — рациональное и экономное использование валютных ресурсов страны; — осуществление операций на международных валютных и кредитных рынках, а также связанных с наличной валютой и валютными ценностями
Промстройбанк СССР	<ul style="list-style-type: none"> — проведение прогрессивной кредитной политики; — повышение эффективности всей системы кредитования основной деятельности, финансирование и кредитование капитальных вложений, а также осуществление необходимых расчётов в промышленности, строительстве, на транспорте и связи, в системе Госнаба СССР, Академии наук СССР
Агропромбанк СССР	<ul style="list-style-type: none"> — проведение прогрессивной кредитной политики; — повышение эффективности всей системы кредитования основной деятельности, финансирование и кредитование капитальных вложений, а также осуществление необходимых расчётов в агропромышленном комплексе страны и потребительской кооперации
Жилсоцбанк СССР	<ul style="list-style-type: none"> — проведение прогрессивной кредитной политики; — повышение эффективности всей системы кредитования основной деятельности, финансирование и кредитование капитальных вложений, а также осуществление необходимых расчётов в отраслях непромышленной сферы, жилищно-коммунальном хозяйстве, государственной торговле, бытовом обслуживании, лёгкой и местной промышленности, в хозяйстве, подведомственном местным Советам народных депутатов, а также в сфере кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности
Сберегательный банк СССР	<ul style="list-style-type: none"> — организация сберегательного дела в стране, безналичных расчётов и кассового обслуживания населения; — распространение и погашение облигаций государственных займов, кредитование потребительских нужд граждан, обслуживание всех категорий пенсионеров

Источник: составлено автором по данным Постановления Совета Министров СССР, Центрального комитета КПСС от 17 июля 1987 г. №821 «О совершенствовании системы банков в стране и усилении их воздействия на повышение эффективности экономики». <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=80253&ysclid=lrnkjqadge469732749> (дата обращения: 23.01.2024).

дитные инструменты, но фактически они продолжали полностью зависеть от руководства Госбанка, как это и было до реформы. Видимым результатом стал только рост числа проблемных кредитов и убытков предприятий, которые так и не смогли получить кредитные деньги [Симонов, 2016. С. 206, 257].

Разочарование от неудачных банковских реформ послужило толчком для начала раскрытия и последующего соединения обоих контуров финансовой системы. Всё началось

с отмены государственной монополии внешней торговли в январе 1987 г. Затем спустя полгода 30 июня 1987 г. был принят Закон «О государственном предприятии (объединении)», который предусматривал переход предприятий на хозрасчёт и самофинансирование. Предприятия получили право самостоятельно расходовать свою прибыль, остающуюся после расчётов с государством, в том числе пускать прибыль на заработную плату своих работников. В этом отношении реформа по введению специализированных банков в июле 1987 г. безнадежно опоздала.

Понимание важности срочного внесения изменений в банковскую сферу обосновало необходимость законодательных нововведений, что вылилось в 1988 г. принятием закона о кооперации (Закон от 26.05.1988 №8998-ХІ «О кооперации в СССР»). Пункт 5 ст. 23 содержит следующую формулировку «Союзы (объединения) кооперативов имеют право создавать хозрасчётные отраслевые или территориальные кооперативные банки». Таким образом, данный закон фактически отменял ранее действующую монополию на функционирование в стране государственных кредитных учреждений. Лето 1988 г. стало отправной точкой в появлении коммерческой банковской деятельности в стране. Первый коммерческий банк (Союз-банк) был зарегистрирован Госбанком СССР в августе 1988 г. И уже в начале 1989 г. общая численность коммерческих банков составляла 43 ед. Период появления коммерческих банков спровоцировал ожесточённую конкурентную борьбу со специализированными государственными банками, которые продолжали свою деятельность в том же режиме, что и раньше [Кирсанов, 2015. С. 342]. Также в законе «О кооперации в СССР» было указано, что «кооперативы могут страховать своё имущество и другие имущественные интересы в органах государственного страхования, а также создавать кооперативные страховые учреждения, определять условия, порядок и виды страхования». Так закончилась многолетняя монополия государства на страховое дело. Стоит отметить, что кооперативы быстро «подмяли» под себя страховой рынок и стали проводить различные операции по имущественному, кредитному страхованию и страхованию жизни.

Ключевые характеристики специализированных государственных и коммерческих банков в 1989 — начале 1990 гг. приводятся в табл. 5.

Несмотря на значительные перемены, связанные с появлением кооперативных банков, в первые несколько лет после этого ключевую роль в банковской сфере страны сохраняли государственные специализированные банки, в особенности Промстройбанк, Жилсоцбанк и Агробанк. Действующее законодательство на тот момент не закрепляло за органами государства контролирующую и регулирующую функцию в отношении кооперативных банков, что требовало немедленного внесения изменений в нормативную базу. Требуемым нормативным актом стало Постановление Совета Министров СССР от 1 сентября 1988 г. №1061 «Об утверждении устава Госбанка СССР» согласно которому Государственный банк Союза Советских Социалистических Республик (Госбанк СССР) является главным банком страны, единым эмиссионным центром, организатором кредитных и расчётных отношений в народном хозяйстве. Также было отмечено, что «Госбанк СССР обеспечивает централизованное плановое управление денежно-кредитной системой страны, регулирует деятельность специализированных, коммерческих, акционерных, кооперативных банков и других кредитных учреждений в СССР...». Ключевые задачи Госбанка были утверждены с условием, что они будут осуществляться «...с участием специализированных банков...».

Усиливающаяся конкуренция специализированных государственных и кооперативных банков тормозила развитие последних [Осинов, 2007. С. 76]. В Постановлении Совета Министров СССР от 31 марта 1989 г. № 280 «О переводе государственных специализированных банков СССР на полный хозяйственный расчёт и самофинансирование» было задокументировано, что в целях дальнейшего совершенствования банковского дела, коренного улучшения деятельности государственных банков СССР и их учреждений на местах, повышения их заинтересованности, усиления ответственности за проведение прогрессивной кредитной

Таблица 5

Ключевые характеристики специализированных государственных и коммерческих банков в 1989 — начале 1990 гг.

Показатель	Ключевые характеристики	
	специализированных государственных банков	коммерческих банков
Численность	6	01.01.1989 — 43 01.01.1990 — 294
Зависимость от государства	Полная	Частичная, в большой степени регулирующая
Свобода в установлении процентных ставок по кредиту	Нет	Да
Кассовое обслуживание клиентов	Да	Нет
Размер кредитного портфеля	98% (1989 г.) 91% (1990 г.)	2% (1989 г.) 9% (1990 г.)
Техническое оснащение	Плохое	Практически отсутствует
Квалифицированные кадры	Малое количество	Практически отсутствуют

Источник: составлено автором по данным Архивного фонда ЦБ РФ. https://cbr.ru/Content/Document/File/48223/ArchivalFonds_011.pdf (дата обращения: 23.01.2024).

политики, укрепления платёжной дисциплины в отраслях народного хозяйства и денежного обращения государственные специализированные банки СССР в 1989 г. были переведены на полный хозяйственный расчёт и самофинансирование. Тем не менее многие коммерческие банки оказались втянуты в мошеннические операции и связи с криминальными структурами.

Распад СССР и банковская система

В июне 1990 г. Съездом народных депутатов была принята декларация РСФСР о суверенитете. На основе этой декларации месяцем позже было принято Постановление ВС РСФСР от 13 июля 1990 г. «О государственном банке РСФСР и банках на территории республики». Российское республиканское управление Госбанка СССР и соответствующие органы других специализированных банков были объявлены собственностью РСФСР. В результате необходимо было «преобразовать до 1 января 1991 года учреждения государственных специализированных банков в автономных республиках, краях и областях в коммерческие банки на акционерной или паевой основе»¹. Таким образом, специализированные банки стали преобразовываться в коммерческие, что привело к конфликтам между российскими специализированными банками, Госбанком и Минфином СССР. Подоплёка конфликтов состояла в том, что и Россия как государство, и предприятия, которые, как предполагалось, должны были стать совладельцами коммерческих банков, в 1990 г. сами остро нуждались в финансовых средствах.

¹ Ст. 5. Постановление Верховного Совета РСФСР от 13 июля 1990 года «О государственном банке РСФСР и банках на территории республики». <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=40727&ysclid=lrnljrv23s120300448> (дата обращения: 23.01.2024).

Одновременно быстро росла численность коммерческих и кооперативных банков: к концу 1990 г. она составляла уже 1 360. Многие из них были созданы путём преобразования филиалов и отделений бывших государственных специализированных банков. В то же время размер бюджетного дефицита РФ достиг 9,2% ВВП и оставался на этом уровне до конца 1991 г., при этом уровень инфляции составил в 1990 г. — 19, в 1991 г. — 160%. Дефицит бюджета покрывался кредитными ресурсами Госбанка СССР, что привело к отказу в займах нуждающимся предприятиям. Отсутствие нормативов фондирования для банков со стороны Госбанка тормозило развитие современной рыночной и финансовой инфраструктуры [Гайдар, 1998. С. 179].

В результате по факту возникла двухуровневая банковская система. На первом, верхнем уровне находился Госбанк СССР (и его преемник в России), на втором — коммерческие банки. В декабре 1990 г. были приняты три нормативно-правовых акта, которые оформляли эту новую реальность. Первый — Закон №395-1 «О банках и банковской деятельности», принятый ВС РСФСР 2 декабря 1990 г., — действует и сегодня, конечно, со значительными правками и изменениями. Второй документ — Закон СССР от 11 декабря 1990 г. №1828-I «О Государственном банке СССР» оформлял отношения Госбанка СССР с банками республик, включая РСФСР. При этом относительно процентных ставок устанавливалось следующее: «Госбанк СССР осуществляет регулирование уровня банковских процентных ставок в стране путём изменения ставки по кредитам, предоставляемым Госбанком СССР и центральными банками республик»². Третий закон — «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 02.12.1990 №394-1. В статье 3 закреплялись основные цели ЦБ РФ. Так, основными целями деятельности Банка России являются:

- ▶ «защита и обеспечение устойчивости рубля, в том числе его покупательной способности и курса по отношению к иностранным валютам;
- ▶ развитие и укрепление банковской системы Российской Федерации;
- ▶ обеспечение эффективного и бесперебойного функционирования системы расчётов»³.

Эти цели остаются для Банка России актуальными и сегодня.

В новых законах отсутствовало понятие специализированных банков. Для коммерческих банков были введены шесть экономических нормативов, некоторые из них сохранились и в современной редакции документа.

Госбанк СССР тогда получил функционал, во многом совпадающий с нынешними задачами ЦБ РФ. Коммерческие банки получили множество новых «рыночных прав»: от выбора своего клиента до установления процентной ставки. Процедура открытия коммерческого банка того периода была достаточно проста, в связи с чем появилось большое количество кредитных институтов. Порой последние обладали весьма сомнительной репутацией.

Коммерческие банки в 1990-1991 гг. предлагали своим клиентам очень скудный набор услуг, кредитование, как правило, было только под залог имущества. В это же время шла быстрая долларизация экономики, и часть банков подпольно проводила валютные спекулятивные операции, которые слабо контролировались Госбанком. Причиной увеличения банковских валютных операций в тот период являлась обязательная продажа государству части валютной выручки. Для этого стали чаще открываться валютные счета, и возникла

² Ст. 16. Регулирование уровня процентных ставок. Закон СССР от 11 декабря 1990 г. №1828-I «О Государственном банке СССР». <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3493&ysclid=lrlly5d886427892227#fl1b02UnjBEA6ZJA> (дата обращения: 23.01.2024).

³ Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 02.12.1990. № 394-1 (последняя редакция). 2 декабря 1990 года № 394-1 // КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32/ (дата обращения: 12.05.2024).

очередная проблема с регулированием, в данном случае — валютных операций. Остаток валютной выручки оседал на счетах коммерческих банков. Они имели право выкупить валюту, поэтому создавалась ситуация, когда банки искусственно, за счёт скупки валюты, могли поднять её безналичный курс [Мусифуллина, 2007. С.18].

Основными банками (кроме главного — ЦБ РФ) были тогда Сбербанк и Внешторгбанк, получившие организационно-правовую форму акционерных обществ. До 1991 г. в России не было представительств зарубежных коммерческих банков. В 1989 г. был образован ММБ (Московский международный банк), но это было коммерческое партнёрство отечественного и зарубежного капитала. Впоследствии, когда ЦБ РФ начал выдавать лицензии на осуществление банковских операций, в России стали активно открывать свои «дочки» банки из Франции, Японии, Италии и др. Отсутствие специального законодательства для их деятельности на территории России вынуждало ЦБ РФ регистрировать их в качестве резидента. Позднее нормативное закрепление деятельности иностранных банков в России было отражено в Письме Банка России от 08.04.1993 №14 «Условия открытия банков с участием иностранных инвестиций на территории Российской Федерации».

Остройшей банковской проблемой того периода являлись «фальшивые авизо» или — «чеченские авизо» (последнее название было связано с тем, что основной поток украденных денег направлялся в Чеченскую республику). В одном из интервью Джохар Дудаев рассказывал, как он использовал изъян российской банковской системы: отправлял в Россию липовые бумажки, а обратно получал гружённые деньгами самолеты⁴.

Дело в том, что в СССР расчёты по счетам клиентов проводились с использованием извещений Госбанка и его подразделений. Для отмены платежа использовалось извещение «авизо» (уведомление о переводе денег из одного филиала банка в другой, для чего указывались данные МФО — межфилиального оборота). Все банковские документы о переводах передавались по телетайпу с использованием шифровальной техники. Данная схема в ситуации, когда число банков было минимально, сводила риски мошеннических операций к нулю.

После распада СССР число банков увеличилось в разы, количество расчётно-кассовых операций также выросло; причём они проводились не между филиалами одного банка, но между разными организациями. Схему с «фальшивым авизо» можно представить в виде совокупности следующих этапов:

- 1) мошенник формировал поддельное платёжное поручение от имени фирмы в определённый банк;
- 2) на основании этого платёжного поручения деньги переводились в другой банк, на счёт «нужной» фирме;
- 3) банк, со счёта которого были списаны деньги, обнаружив фальшивку, посылает авизо банку-получателю об ошибочно отправленном платёжном поручении, отменяя платёж. Однако представители фирмы, на счёт которой были перечислены деньги, уже их обналичили;
- 4) деньги возвращаются в банк-отправитель, «ошибочно» перечисленная сумма покрывается за счёт средств ЦБ РФ, в котором открыты корреспондентские счета отправителя и получателя.

Самым сложным было раздобыть бланки авизо, но в то время это было нетрудно сделать. Слабым местом в расчётах была редкая проверка финансовых бумаг (не чаще одного раза в месяц, в отличие от МФО, где сверка проводилась каждый день). К этому моменту мошенники успевали не только получить, но и благополучно потратить деньги.

⁴ Шварев А. Дело о трёх миллиардах. МВД закончило расследование о чеченских авизовках. Компромат.Ру. https://www.compromat.ru/page_13084.htm?ysclid=lrnm4nv3qr842756365 (дата обращения: 23.01.2024).

Многие финансисты признавали, что «фальшивые авизо» не могли бы появиться без участия людей, имеющих доступ к информации Банка России. Часть полученных через эту схему наличных денег тут же переводилась в доллары, что приводило к резкому падению курса рубля и раскручиванию инфляции.

Динамика преступлений с фальшивыми авизо характеризуется следующими цифрами:

1992 г. — 328 дел, ущерб по которым составил свыше 94 млрд руб.;

1993 г. — 469 дел, ущерб — 148 млрд руб.;

1994 г. — 120 дел, ущерб составил — 175 млрд руб.

Следственной частью СК МВД РФ в период в 1992–1994 гг. расследовалось 11 уголовных дел, по которым проходит 2 393 фальшивых авизо на сумму свыше 113 млрд руб. В мошеннических действиях с поддельными авизо преступниками использовались в качестве отправителей более четырехсот «фирм-однодневок» и коммерческих банков. Обналичивание похищенных сумм производилось с участием 892 банков и 1 547 предприятий, расположенных в 68 регионах Российской Федерации [Воронин, 2000. С. 10]. Ситуация с «фальшивыми авизо» вынудила Банк России не только пересмотреть порядок отправления платёжных поручений, ускорить процедуру их обработки, усовершенствовать процедуру обмена финансовой информацией, но и внедрить новые бланки со специальными криптографическими шифраторами. Схема с фальшивыми авизо была перекрыта в конце 1994 г.

Другой ключевой проблемой банковского сектора того периода была необходимость обособления экономики РСФСР и экономик бывших союзных республик для разделения эмиссии. Бывшие союзные республики активно наращивали эмиссию безналичных денег, что переносило инфляцию в зону РСФСР. Решение предполагало срочное создание единого эмиссионного центра, созданного на принципах банковской системы РСФСР. При этом Госбанк РСФСР продолжал активно кредитовать страны СНГ в ущерб российской экономике [Сафронов, 2020. С. 11].

26 декабря 1991 г. СССР прекратил свое существование, а российская банковская система стала суверенной.

Окончательный суверенитет банковской системы: 1992–1994 гг.

Суверенитет банковской системы России был констатирован в Указе Президента РФ от 21 июня 1992 г. №636 «О мерах по защите денежной системы Российской Федерации». Расчёты внутри СНГ стали осуществляться по принципу международных расчётов, в пределах остатков на корреспондентских счетах, что снизило кредитную нагрузку на ЦБ РФ. Весь рассматриваемый период для банковской системы был крайне сложен. С одной стороны, дефицит бюджета способствовал росту инфляции, с другой — попытка ограничить кредитную эмиссию вела к дефициту денег, что в ряде случаев приводило к попыткам ввести свои региональные валюты. Центральный банк летом 1992 г. действовал по двум наиболее критичным направлениям, были проведены:

- 1) взаимозачёт долгов промышленных предприятий, что позволило уменьшить долю просроченных платежей и избежать массовых банкротств предприятий;
- 2) дополнительная эмиссия, в связи с чем ЦБ РФ получил возможность кредитовать коммерческие банки.

Коммерческий банк того периода можно было охарактеризовать следующим образом: недостаток ликвидности, малое число кредитных операций, большое количество спекулятивных и арбитражных сделок (с учётом гиперинфляции такие процедуры приносили высокий доход), отсутствие понимания банковских рисков, низкий уровень квалификации и профессионализма сотрудников [Байдаков, 2023. С. 37].

Значительный рост цен, вызванный инфляцией в 1992 г., поставил на грань банкротства множество производственных предприятий, которые были вынуждены изыскивать дополнительные финансовые ресурсы, в том числе через кредит. Из-за риска невозвратов кредитов банки сильно ужесточили правила их выдачи, процентные ставки также выросли (для юридических лиц ставка могла достигать 100% годовых, на рынке МБК до 50% годовых), банки старались выдавать краткосрочные кредиты до трёх месяцев. Часть коммерческих банков вообще отказалась на какое-то время от проведения кредитных операций.

Опасаясь за сохранность средств, инвестированных в акции коммерческих банков, учредители стали забирать свои доли из уставного капитала. Последний оказывался ниже минимума, установленного Банком России, что вело коммерческие банки к банкротству.

Цель монетарной политики 1992-1993 гг. немного схожа с тем, что предпринимает Банк России и сейчас, только тогда ситуация была намного критичнее. Желание в срочном порядке снизить уровень инфляции сопровождалось необходимостью уменьшения кредитных средств в обращении, что способствовало кризису на рынке ссудного капитала.

Тем не менее в 1993 г. продолжился рост числа коммерческих банков, на конец года их стало 2 019. Банк России начал более жёстко отслеживать и регулировать их деятельность, в том числе отзывая лицензии. В 1993 г. Банком России по причине выявленных нарушений было закрыто 143 кредитных организации, в 1994 г. — 110. Основные проблемы банков были связаны с неисполнением требований законодательства и ЦБ РФ: часть осуществляла отдельные банковские операции без лицензии, у некоторых деятельность была убыточной. Как правило, ликвидация происходила на добровольной основе, через реорганизацию и объединение, остатки имущества сливались в действующие банки [Ханин, 2011. С. 114].

Слабость законодательной базы стала остро ощущаться в 1994 г. Результатом стал Указ Президента РФ от 10.06.1994 №1184 (ред. от 27.04.1995) «О совершенствовании работы банковской системы Российской Федерации». В нём вводились следующие новации:

1) введение обязательных проверок всех коммерческих банков не реже одного раза в два года;

2) активное развитие потребительского кредитования [Трофимов, 2005. С. 167].

В рамках этого же документа было принято предложение Банка России о выдаче лицензий на совершение банковских операций иностранным банкам на территории Российской Федерации при условии соблюдения соответствующими государствами принципа взаимности в отношении российских банков, открывающих свои филиалы, представительства, дочерние и совместные учреждения за рубежом.

Первая половина 1994 г. была относительно стабильной. В начале года вошло в действие Положение о порядке формирования фонда обязательных резервов коммерческих банков и кредитных учреждений в Центральном банке Российской Федерации, согласно которому были закреплены следующие нормы обязательных резервов:

- ▶ по счетам до востребования — 20%;
- ▶ по срочным обязательствам коммерческого банка и кредитного учреждения — 15%.

Постепенно стала увеличиваться разница между крупными и мелкими банками, прежде всего за счёт увеличения уставного капитала первых.

В 1994 г. был официально закреплён статус взаимозачётов в Постановлении Правительства РФ от 9 августа 1994 г. №907 «О проведении на территориях субъектов Российской Федерации взаимных зачётов задолженностей предприятий». Однако и до законодательного закрепления данная система расчётов между предприятиями активно применялась, начиная с 1990-х гг. При этой схеме предприятия обменивались дебиторской задолженностью друг друга. О механизме взаимозачётов можно судить, например, по интервью Андрея Вавилова (бывший первый заместитель министра финансов РФ) журналу «Профиль», 2000, №12, 3 апреля: «Выявлялись должник и получатели бюджета, определялся коммерческий банк, у которого были клиенты-бюджетники и который выступал в некотором роде в роли

клиринговой палаты. Конечно, взаимозачёты — это плохо. Все на них рассчитывают и вообще перестают платить — даже те, у кого реально есть деньги и кто действительно может заплатить. Я всегда был против зачётов и всегда выступал за их отмену...»⁵. В конечном счёте, взаимозачёты превратились в мошенническую схему перевода денег.

В этом же году началось массовое появление в России денежных суррогатов. Предпосылками их появления стал кризис неплатежей в бюджет и между предприятиями в 1991 г. Чаще всего это были банкноты, изготовленные кустарным способом, которые обращались на локальном уровне: предприятия (купоны — АО Мелеузовский пищекомбинат, эквиваленты — ПО Химический комбинат Енисей, расчётные билеты — комбинат Тувакобальт; многообразие чеков и расписок на определённые суммы) или регионе (уральские франки — в Свердловской области, «немцовки» — в Нижегородской области). Однако ст. 75.1 Конституции РФ гласит: «Денежной единицей в Российской Федерации является рубль. Денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком Российской Федерации. Введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускаются»⁶. Учитывая взаимозачёты, можно сказать, что денежно-кредитной системе РФ угрожал распад.

В середине 1994 г. произошёл обвал курса акций знаменитой МММ (фактически представлявшей один из суррогатов ценных бумаг), мелкие банки стали ощущать проблемы с ликвидностью — начались проблемы с выплатами по вкладам. На тот момент закон о страховании вкладов был только на стадии обсуждения.

Появление финансовых пирамид и их успешность — закономерный провал депозитной политики Банка России. Процентные ставки по вкладам в Сбербанке были низкими и непривлекательными, а в коммерческих банках население отказывалось размещать депозиты из-за высоких рисков.

В 1995 г. варианты суррогатов будут закреплены на законодательном уровне. Ещё в 1994 г. начался выпуск казначейских обязательств (КО). Это были векселя Минфина России, выдаваемые вместо бюджетных ассигнований, которые можно было перепродать с дисконтом. Отменили их в начале 1996 г.

В Приказе Минфина РФ от 29 декабря 1995 г. № 924 «О предоставлении казначейских налоговых освобождений» было прописано, что «В целях погашения части задолженности федерального бюджета по расходам Минобороны России и нормализации финансового положения предприятий и организаций, выполняющих работы и оказывающих услуги в интересах этого Министерства предоставляются казначейские налоговые освобождения (КНО)»⁷. Отменили их в середине 1996 г.

В конце лета 1994 г. вводится документ «Временное положение о временной администрации по управлению коммерческими банками и другими кредитными учреждениями», что сопровождается массовыми отзывами лицензий и укрупнениями банков в данный период. Банк России также проводит активные мероприятия по снижению объёма валюты в наличных расчетах.

На рынке кредитования юридических лиц бушевал кризис. Слишком высокая учётная ставка ЦБ РФ стала неподъёмной для банков. Деятельность четверти всех коммерческих банков была убыточной. Среди основных операций коммерческих банков 1994 г. можно выделить дилерскую деятельность по продаже ГКО и ОФЗ. В банковской системе РФ началась активная реструктуризация активов в пользу данных ценных бумаг по следующей схеме:

⁵ Интервью с А. Вавиловым: Петров по «наводке» // Профиль. 2000. №12. 3 апр. С. 7. <https://profile.ru/archive/retrov-po-navodke-105301/?ysclid=lrnmqyuxna885087287> (дата обращения: 23.01.2024).

⁶ Конституция Российской Федерации. <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-5.htm> (дата обращения: 23.01.2024).

⁷ Ст. 1. Приказ Минфина РФ от 29 декабря 1995 г. № 924 «О предоставлении казначейских налоговых освобождений» // Контур норматив. <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=17444&ysclid=lrnn68qel d789700035> (дата обращения: 23.01.2024).

- 1) продажа валюты на ММВБ;
- 2) получение рублей за продажу валюты;
- 3) покупка ГКО или ОФЗ;
- 4) погашение ГКО или ОФЗ;
- 5) покупка валюты на ММВБ.

Цель такой «реструктуризации» заключалась в получении дохода от разницы между стоимостью валюты, чаще всего это были доллары. Рубль слабел, Банк России пытался предотвратить его дальнейшее падение, тратя свои валютные резервы.

11 октября 1994 г. вошло в историю финансовой системы РФ как «чёрный вторник», рубль очень сильно просел (курс 3 926 неденоминированных руб. за 1 долл.). Председатель Банка России В.В. Геращенко был отправлен в отставку, — его определили как основного виновника произошедшего. Уже через два дня курс стабилизировался практически на докризисном уровне (курс 2 900 руб. за 1 долл.), но инфляция осталась высокой. Многие коммерческие банки заработали неплохую прибыль на проведении спекулятивных операций в эти дни⁸. Потенциальная прибыль только от покупки валюты 10 октября и её продажи 11 октября составила более 10 000% годовых.

Подавляющее большинство коммерческих банков в этот период вообще не занималось кредитными операциями. Их прибыль формировалась через многочисленные валютные операции «купи–продай», в том числе за счёт разницы котировок наличных и безналичных валют (от 2 до 4%), а также за вознаграждения за вывод денежных средств за рубеж, что способствовало периодически возникающим валютным кризисам. На фоне функционирования ММВБ активно развивался рынок прямых межбанковских сделок (в 1994 г. объёмы операций на межбанковском рынке примерно в 20 раз превысили обороты биржевых торгов). Впервые Центральный банк начал вести учёт обменных точек валюты.

На рис. 1 представлена институциональная структура банковской системы РФ в 1992 и 1994 гг.:

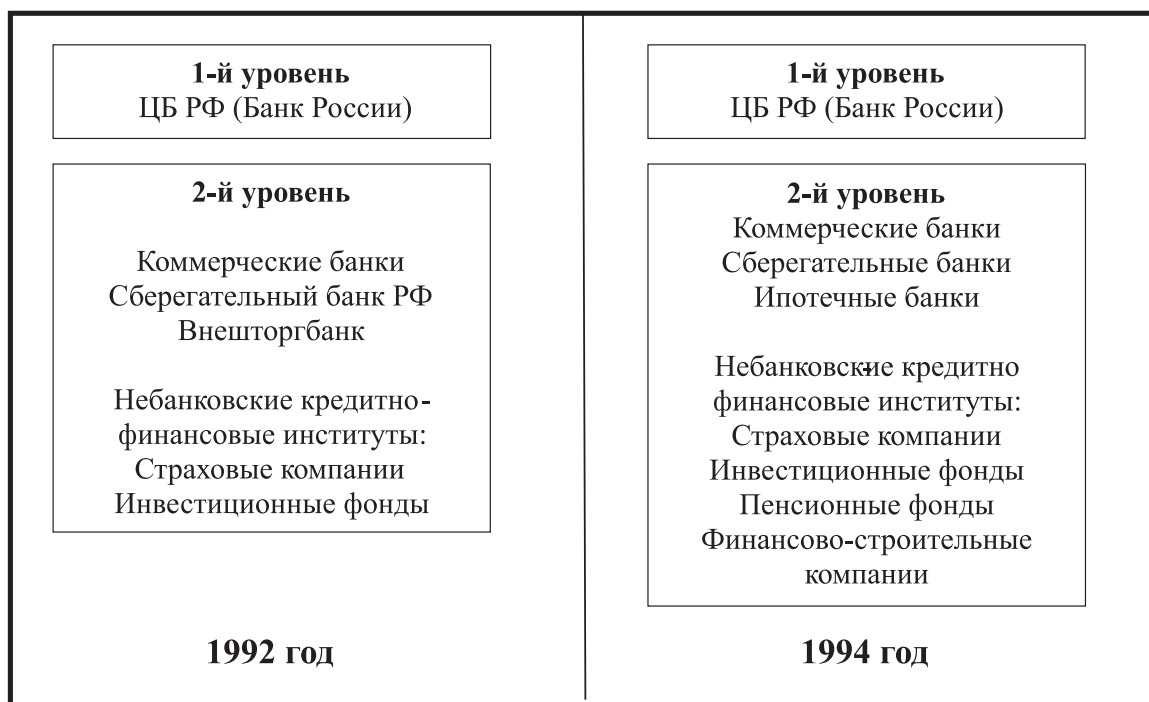

Рис. 1. Институциональная структура банковской системы РФ в 1992 и 1994 гг.

Источник: составлено автором.

⁸ Хлопоты ЦБ: банки лопаются, «грязная» валюта отмывается // *Коммерсантъ*. 1994. № 245. С. 14. <https://www.kommersant.ru/doc/98677> (дата обращения: 23.01.2024).

Институциональная структура банковской системы 1992 г. была уже схожа с банковскими структурами развитых стран. Адаптация зарубежной модели вызывала много проблем. В частности, важной проблемой была неразделённость на втором уровне фондовых (инвестиционных) и кредитных операций.

Двухуровневая структура конца 1994 г. была более ориентирована на потребности рыночной экономики того периода. Если верхняя часть второго уровня была относительно стабильна, работала на рыночных принципах и находилась под надзором регулятора в лице Банка России, то небанковские кредитно-финансовые институты практически не контролировались, что привело к появлению на их основе множества «финансовых пирамид».

Заключение

Развитие банковской системы данного этапа институционального развития было обусловлено и ограничено экономической и политической ситуацией в стране, «неразвитостью» законодательной базы. Владельцы коммерческих банков часто являлись представителями криминального бизнеса, которые открывали банк для реализации серых схем работы своих предприятий или перевода привлечённых средств на Запад. Именно тогда в РФ появились понятия «банк-однодневка» и «карманный банк». Естественно, что на фоне такой ситуации доверие к коммерческим банкам у населения отсутствовало.

В начале появления коммерческих банков были известны случаи, когда в перечне операций были такие, как торговая и страховая деятельность, что в современной банковской сфере недопустимо.

Формирование двухуровневой банковской системы в России происходило очень сложно. Многочисленные ошибки руководства страны, различные коррупционные схемы, «обворовывание государства» тормозили развитие банковского сектора. Конец 1994 г. сопровождался массовым оттоком средств физических лиц со своих сберегательных счетов. Отток капитала из страны только за 1994 г. составил 14,4 млрд долл.⁹, что осуществлялось при использовании «пробелов» в банковском и валютном законодательстве. Банк России в большей степени боролся с инфляцией и слабым курсом рубля и в меньшей степени контролировал деятельность коммерческих банков, что вызывало дефицит банковских услуг в отдельных городах и регионах. Около 60% всех банков и их филиалов располагалось на 20% территории всей страны, чаще всего в крупных городах.

Положительным фактором развития в анализируемый период стал экстенсивный рост числа банков. Низкий уровень вмешательства Банка России способствовал быстрому развитию как банковской системы, так и небанковских финансовых институтов. Смещение с поста В.В. Геращенко, который был противником жёсткого регулирования и надзора, снижение доходов Банка России, увеличение инфляционных ожиданий, тяжёлая экономическая ситуация в стране оказали серьёзное отрицательное влияние на состояние банковской системы, что и привело к очередному банковскому кризису в августе 1995 г.

⁹ Статистика внешнего сектора. Сайт Банка России. https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: 23.01.2024)

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Байдаков И.М. (2023). Рождение банковской системы в Российской Федерации в 1991–1995 годах [Baidakov I.M. (2023). The Birth of the Banking System in the Russian Federation in 1991–1995] // *Экономическая политика*. Т. 18. № 4. С. 36–57.
- Воронин Д. (2000). Криминальная экономика не принесла обещанного богатства [Voronin D. (2000). The criminal economy has not brought the promised wealth] // *Коммерсантъ*. 1 февраля 2000. <https://www.kommersant.ru/doc/2287177?ysclid=lqo1xindyw573916215> (дата обращения 27.12.2023).
- Гайдар Е.Т. (1998). *Экономика переходного периода: очерки экономической политики посткоммунистической России, 1991–1997* [Gaidar E.T. (1998). *The Economy of the Transition Period: Essays on Economics. The Politics of Post-Communist Russia, 1991–1997*] / Под ред. Е.Т. Гайдара и др. — М.: Институт экономических проблем переходного периода.
- Захаров В.С. (2005). *Очерки банковской реформы 1988–1991 годов* [Zakharov V.S. (2005). *Essays on the Banking Reform of 1988–1991*]. — М.: Финансы и статистика.
- Кара-Мурза С.Г. (2002). *Советская цивилизация* [Kara-Murza S.G. (2002). *The Soviet civilization*]. — М.: ЭКСМО-Пресс, Алгоритм.
- Катасонов В.Ю. (2014). *Экономика Сталина* [Katsonov V. Yu. (2014). *Stalin's Economy*]. — М.: Институт русской цивилизации.
- Кирсанов Р.Г. (2010). Реформирование банковской системы СССР в годы перестройки [Kirsanov R.G. (2010). *Reforming the banking system of the USSR during the years of perestroika*] // *Российская история*. Вып. 2. С. 62–72.
- Кирсанов Р.Г. (2015). Роль государственных специализированных банков в осуществлении финансово-экономической политики периода перестройки [Kirsanov R.G. (2015). *The role of state specialized banks in the implementation of financial and economic policy during the perestroika period*] // *Труды Института российской истории РАН*. № 13. С. 330–353.
- Кротов Н.И. (2008). *История советской банковской реформы 80-х годов XX века: свидетельства очевидцев, документы* [Krotov N.I. (2008). *The history of the Soviet banking reform of the 80s of the XX century: eyewitness accounts, documents*]. — М.: Экономическая летопись.
- Муцифуллина Ю.И. (2007). Преобразование банковской системы России (1990–1999 гг.) [Musifullina Yu.I. (2007). *Transformation of the Russian banking system (1990–1999)*] // *Вестник ОГУ*. №8. С. 15–23.
- Никифоров Л.В., Кузнецова Т.Е. (1996). Проблемы кооперации в современной России [Nikiforov L.V., Kuznetsova T.E. (1996). *Problems of cooperation in modern Russia*] // *Кооперация. Страницы истории*. Вып. V. — М. С. 292–313.
- Осипов Г.В. (2007). *Летопись реформирования России (новая русская смута на рубеже веков и тысячелетий в зеркале отечественной социологии). Год 1989* [Osipov G.V. (2007). *The Chronicle of the Reformation of Russia (The New Russian Turmoil at the Turn of the Century and Millennia in the Mirror of Russian Sociology). The year is 1989*]. — М.: Издательство Вече.
- Сафронов А. (2020). Взгляды на перестройку: Байбаков, Гайдар и другие [Safronov A. (2020). *Views on perestroika: Baibakov, Gaidar and others*] // *Вестник бури. Воля и правда*. 29.07.2020. <https://vestnikburi.com/vzglyady-na-perestrojku-bajbakov-gajdar-i-drugie/?ysclid=lqdk8on9o2451830166> (дата обращения 20.12.2023).
- Симонов Н. С. (2016). *Очерки истории банковской системы России, 1988–2013 гг.* [Simonov N.S. (2016). *Essays on the history of the Russian banking system, 1988–2013*]. — М.: Российская акад. наук, Ин-т российской истории, Ун-т Дмитрия Пожарского.
- Трофимов К.Т. (2005). *Кредитные организации в банковской системе Российской Федерации: Гражданско-правовые проблемы*. Дис. на соиск. уч. степ. доктора юридических наук [Trofimov K.T. (2005). *Credit organizations in the banking system of the Russian Federation: Civil law problems* : dis. ... Doctor of Law]. — М.
- Ханин Г. И. (2011). Коммерческие банки РФ в 1992–1998 [Khanin G.I. (2011). *Commercial banks of the Russian Federation in 1992–1998*] // *Идеи и идеалы*. №3. С. 109–128.
- Штойdle А. (1998). *Общие черты и особенности развития банковских систем России и Германии*. Дисс. на соиск. уч. степ. к. экон. наук [Stoidle A. (1998). *Common features and peculiarities of the development of banking systems in Russia and Germany*]. — М.
- Якушев В. М. (1989). Об истинных причинах застойных явлений в советской экономике. Ч. 2. [Yakushev V.M. (1989). *About the True Causes of Stagnation in the Soviet Economy*]. Живой журнал. <https://yakushev.livejournal.com/54494.html> (дата обращения 20.12.2023).

Синиченко Олеся Андреевна

к.э.н., доцент, кафедра экономики и финансов ЧОУ ВО Таганрогский институт управления и экономики (Таганрог)

o.sinichenko@tmei.ru

Olesya A. Sinichenko

Ph.D. (Econ.), Associate Professor, Taganrog Institute of Management and Economics (Taganrog)

o.sinichenko@tmei.ru

THE BANKING SYSTEM OF RUSSIA IN 1987–1994: A NEW ORGANIZATION AND NEW PROBLEMS

Abstract. The article delves into the evolution of the banking institutions in Russia from 1987 to 1994. The necessity to move away from a single-level banking system by the late 1980s became apparent as it failed to meet the demands of a market economy. The emergence of specialized banks significantly expanded the functionality of banking operations, accompanied by the establishment of numerous regional branches. However, their dependence on the government persisted, and the banks' own capital increased slowly. The advent of commercial banks marked the beginning of the development of a full-fledged two-level structure of the Russian banking system. The number of commercial banks increased rapidly, attributed to the low requirements for obtaining licenses to conduct banking operations. Many banks encountered either liquidation or merging with the others as control over their activities was tightened and new regulations were introduced. The article outlines the legislative history regulating the monetary and credit system. The development and establishment of the banking system in Russia constitute a complex and contradictory process, including the criminalization of this sector in the early 90s, linked to the insufficient regulatory activity of the Central Bank of Russia. This led to citizens' mistrust in banks, especially during the growth and subsequent collapse of financial pyramids. Unresolved issues in the banking and financial sectors led to another institutional crisis in 1995.

Keywords: *banking system, institutional structure, transformation, banking legislation, commercial banks.*

JEL: G21, N24.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А.П. Заостровцев

к.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник, Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский Центр» (Санкт-Петербург)

КАК ВЕСТИ СЕБЯ ЧЕЛОВЕКУ С ГОСУДАРСТВОМ, ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ

(о книге Я.М. Миркина «Искушение государством: Человек и вертикаль власти 300 лет в России и мире»¹)

Аннотация. Работа представляет собой рецензию на книгу, которая в научно-популярной форме раскрывает многие глубокие вопросы взаимодействия человека и государства. В книге речь идёт преимущественно о так называемом хищническом государстве. На многих исторических российских примерах показано, как государство сметало благополучие, собственность, да и сами жизни людей. В то же время мы встречаемся с удивительными примерами адаптации индивидов к, казалось бы, безнадежным ситуациям. Можно сказать, что это книга о человеческом поведении в условиях сильнейших стрессов. Автор её часто обращается к российским реформам и реформаторам. Ищет истории успеха. И, по мнению рецензента, их не находит. В книге, к сожалению, почти не ставится главный вопрос: почему российские реформы из века в век неуспешны? В лучшем случае достигается ограниченный результат. Я. Миркин демонстрирует успехи зарубежных реформаторов и на этом основании полагает, что Россия «сможет повторить». Разумеется, это будет не точная копия, а свой путь радикальных институциональных преобразований. Однако при такой постановке вопроса надо было расписать, какие властные игроки заинтересованы в реформистском сценарии, насколько они влиятельны и т.п. Автор предоставляет читателю возможность самому судить об этом. Главная ценность книги — описание поведения актора — хищнического государства. Можно наглядно видеть непредсказуемость и радикальность его шагов, ведь система сдержек и противовесов отсутствует. И ещё прочтение книги подготовит исследователя к восприятию государства таким, каково оно есть, что тоже немаловажно.

Ключевые слова: хищническое государство, реформаторы, реформы, зарубежный опыт.

JEL: H11, P51

УДК: 338.242 338.244 338.24.021.8

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_170_179

© А.П. Заостровцев, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Заостровцев А.П. Как вести себя человеку с государством, чтобы выжить (о книге Я.М. Миркина «Искушение государством: Человек и вертикаль власти 300 лет в России и мире») // Вопросы теоретической экономики. 2024. №2. С. 170–179. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_170_179.

FOR CITATION: Zaostrovtssev A. How to Deal with the State in Order to Survive (on the Book by Ya.M. Mirkin «Temptation by the State: Man and the Vertical of Power for 300 Years in Russia and the World») // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 2. Pp. 170–179. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_170_179.

¹ Миркин Я.М. (2024). Искушение государством. Человек и вертикаль власти 300 лет в России и мире. — М.: АСТ. Далее ссылки на страницы из этой работы приводятся в круглых скобках без указания источника.

Профессор Я.М. Миркин — известный финансист и автор не только чисто академических работ, но и заслуженно пользующихся большим спросом у читателей научно-популярных книг. Одной из них является монография «Правила бессмысленного финансового поведения» [Миркин, 2022]. Обзор последней представлен недавно рецензентом в журнале «Финансы и бизнес» [Заостровцев, 2022]. Что же касается рассматриваемой книги, то у неё была предшественница [Миркин, 2023]. Её успех, видимо, подтолкнул автора к работе над дополненным и переработанным изданием.

В предисловии говорится: «Эта книга — для думающих. Для проникательных, для тех, кто собирается быть научно точным — можете смеяться — в собственных действиях, не поддаваясь на мифы, понимая, как всё устроено, и думая аналогиями» (с. 11). В России уже издавались работы, призванные разоблачить мифы. Причём тоже ведущими экономистами [Гуриев^{*2}, 2010; Сонин^{*3}, 2011]. Однако книга Миркина — другого плана. Он не столько предлагает читателю разоблачать ложность обывательских суждений и предрассудков на основе постулатов экономической науки, сколько заставляет невольно задуматься: что я значу для государства и государство для меня? И где моё место: в «пасти у Левиафана» или всё-таки где-нибудь подальше от неё?

Автор так и спрашивает читателя: где Ваше место в этой системе? И есть ли оно? А далее даёт вводные установки (с. 17). Баронам за службу дарованы феоды (регионы/госкорпорации), которые составляют 50% экономики. Затем «служилые дворяне» — это ещё 10–15% экономики, облепившей госкорпорации и властные структуры всех уровней. Потом крупные куски, отданные в откуп. Ещё 10–15% экономики. И, наконец, свободная экономика — 10–15%. Обложенная данью, как в Золотой Орде, розница.

Что имеем? «Приватизированное государство. Проблема — власть, не передаваемая по наследству, значит, собственность подвержена переделам. Неустойчивость, взрывоопасность. Для нас для всех — неудачный проект, тупик, в который загнали трамвайный вагон» (с. 17).

Если автор относит перечисленные выше характеристики к России (сам он никакую конкретную страну не называет), то они нуждаются в уточнении. Большинство населения встраивается в то, что социолог С. Кордонский назвал «распределённым образом жизни»⁴. И, одновременно, в сословную структуру постсоветской России [Кордонский, 2008]. Более-менее активная часть населения стремится попасть в число представителей «титовых сословий» (в систему «государственного служения»), на вершинах которых открывается право на «административную ренту» и накопление «административной валюты». И тут социология России по Кордонскому очень органично переплетается с кейсами ухода от государства в книге Миркина. Как удачными, так и не очень (для героев этих кейсов). А то и совсем неудачными.

Подзаголовком книги о краткой истории российских стрессов является триада: «замри — беги — сражайся» [Миркин, 2023]. Очень похоже на те опции, которые были предложены Д. Мюллером в его обзоре теории общественного выбора. Как известно, А. Хиршман рассматривал такие опции поведения: выход, голос и верность [Hirschman, 1970]. Мюллер сделал из них выход, голос и нелояльность [Mueller, 2003. Pp. 182–206]. Применительно к России стратегию голосования можно заменить на «замри», поскольку голосование в истории страны часто становится не столько выбором, сколько демонстра-

² * Гуриев С.М. включён Минюстом РФ в список иностранных агентов.

³ * Сонин К. И. включён Минюстом РФ в список иностранных агентов.

⁴ «Распределённый образ жизни складывается из множества локальных общностей: общностей дачных электричек, гаражно-автомобильных, погребных, собственно дачных, со своими разными и часто своеобразными нормами» [Кордонский, 2021. С. 59]. При этом данный образ жизни характеризует не только рядовые народные массы. «Этот образ жизни свойственен всем социальным группам постсоциалистического общества» [Там же. С.58]. Для верхних страт формами распределённого образа жизни становятся различного рода зарубежные активы (банковские счета, недвижимость и т.п.). Распределённый образ жизни обусловлен тем, что «людям нужны гарантии выживания в их перманентном стремлении убежать от государства» [Там же. С. 61].

цией лояльности к власти имущим. Таким образом, оно есть составляющая стратегии «ухода в тень» (той самой «замри»): следование этике воспитанного конформизма («выученной беспомощности») или мимикрии под него.

Что касается «нелояльности» (по Миркину — «сражайся»), то тут имеются примеры из бурной жизни революционеров-террористов прошлого. Экономисты исследуют всё, даже поведение таких персонажей, хотя позволим себе сказать, что работающие в России экономисты не в курсе об этом. Тема террористов (особенно террористов-смертников) особенно широко звучала после 11.09.2001 г. Посмотрим на отдельные публикации, где объясняется их персональная мотивация [Azam, 2005; Wintrobe, 2006; Shimizu, 2011].

Система индивидуального террора на современном Ближнем Востоке радикально отличается от той, что была в России в конце XIX — начале XX вв. Разумеется, последняя не подкреплялась у террориста сознанием того, что после его смерти его близкие будут гарантированно обеспечены и уж точно уважаемыми людьми [Azam, 2005]. Р. Уинтроуб же и Х. Шимуцу сместили мотивацию к силе социальных связей (чувству принадлежности к группе, солидарности с ней), комфортности (единству убеждений) и внутригрупповой репутации единомышленников. Кроме того, у Шимуцу подчёркивается роль лидеров в развитии этих качеств, побуждающих к самопожертвованию [Wintrobe, 2006; Shimizu, 2011].

С жаркого Востока вернёмся на холодный Север, в Россию, в начало прошлого века. Борис Савинков спрашивает одного «ангела с бомбами»: зачем вы пошли в террор? Не будем цитировать. Из изложенного автором виден мотив: это спасение души. Но только «другим путём»: не через пост и молитву, а через разовый акт обмена жизни на революционном поприще. Взамен — вечная благодать (уж как там она представлялась — не столь важно) как бесконечно ценное благо.

Перейдём на язык экономической теории. Это то, что известно как *лексикографическое предпочтение*. Оно определяется как:

$$(x^A, y^A) \succ L(x^B, y^B), \text{ если либо } x^A > x^B, \text{ либо } x^A = x^B \text{ и } y^A > y^B.$$

В этой модели «потребительского выбора», в отличие от обычных, x просто не сравнивается с y . Он безусловно предпочтителен. У террористки Марии Беневской (из книги Миркина) — это «смерть во имя» или принесённая в жертву жизнь. Можно принять, что для неё $x^A = x^B = x^*$ (интерпретируем это как безразличие к продолжительности ожидаемой жизни в случае отказа от революционных деяний и возврата в обывательское бытие). Тогда она, конечно, может делать выбор между количествами второго после лучшего блага (y^A, y^B), но даже за бесконечную величину последнего не отдаст самой малой частички блага x (рис. 1).

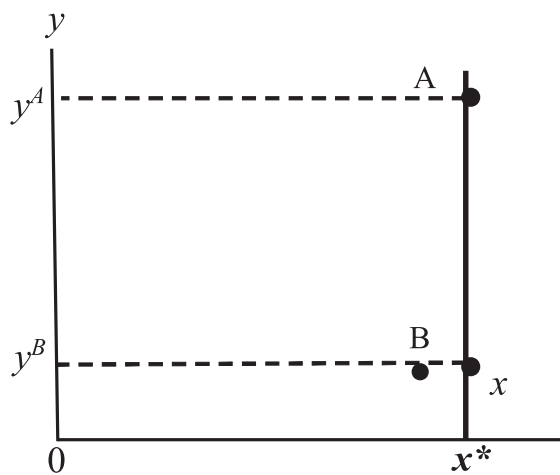

Рис. 1. Лексикографическое предпочтение блага x^*
 Источник: разработано автором.

Для экономистов в названной выше триаде более интересна стратегия выхода («голосования ногами»). Она доводится до читателей на примере разных судеб. Однако по большей части судьбы счастливых и не очень беглецов от экономического хаоса великих потрясений были представлены ранее [Миркин, 2022]. Автор данной рецензии даже назвал лучшую из этих моделей «голосования ногами» по имени её реализатора — модель Дервиза (граф всё продал, уехал из Российской империи до Первой мировой и потом встречал на улицах Парижа толпы голодных эмигрантов) [Заостровцев, 2022. С. 134].

Из неё, кстати, можно заключить, что интуиция предпринимателя (кейнсианский «животный дух» или неявные знания по Хайеку) гораздо важнее усвоения всей суммы явных знаний, преподаваемых в бизнес-школах. Особенно, когда речь идет об отношениях с таким нередко непредсказуемым и агрессивным субъектом, как государство.

В книге государство буквально «охотится» за человеком. Пушкинский «Медный всадник» гонится за несчастным Евгением. Или оно играет с ним в «морской бой»: бьёт безжалостно по квадратам, и у человека (а бывает и от человека) не остаётся вообще ничего. Человек изобретателен в своей борьбе за выживание — иногда поднимается и, казалось бы, вырывается из его лап, а потом нередко снова гибнет в пучине государственного произвола.

В этом плане в книге интересна история некоего Леонида Дубровского — героя Гражданской войны (награждённого орденом «Красного Знамени»). После введения НЭПа он управлял московским ресторанным трестом. Стал баснословно богат. Но век НЭПа недолог. Герой получает от государства отличную квартиру за прошлые революционные заслуги, но всё не успокаивается и ищет незадавленный бизнес, к которому можно примкнуть. Умудрялся что-то иметь и в мобилизационной экономике 30-х гг. XX в.: парикмахерские, спекуляция зарубежными пластинками через дипломатов. В итоге — сталинский лагерь. Был там обнаружен во время войны, но как оказался там — достоверно неизвестно. Мирская слава ушла. Один из рабов ГУЛАГа. Настало погружение в полную безвестность (превращение в «лагерную пыль») (с. 51–54).

Когда читаешь книгу, менее всего вспоминаешь традиционное для учебников экономики видение государства как благонамеренного деспота, исправляющего внешние эффекты и раздающего так называемые «общественные блага». Скорее, видишь перед собой олсоновских бандитов, где кочующий тоже играет немалую роль [Olson, McGuire, 1996].

Книга Я. Миркина заставляет в очередной раз осознать, что государство — государству рознь (и это ещё очень мягко сказано!). Обратимся к современным теориям. Вот, пожалуй, самая полная классификация государств разного рода, которую недавно составили венгерские исследователи Б. Мадьяр и Б. Мадлович (рис. 2).

Очевидно, что в книге мы не часто поднимаемся выше первого этажа (модели «грабящей руки»). Впрочем, она даже не столько о путешествиях по нему, сколько о попытках подняться на этаж выше. К ним ещё подойдем. Пока же впечатление от текста заключается в том, что при всех замечательных подробностях автор обходит главное. А именно: откуда всё это берется?

Бывает, конечно, что свой, привычный, пригодный для обывателя и, по преимуществу, умеренно грабящий госорганизм устраняется, и на место него приходит некто из нижнего ряда. Так, например, было после Второй мировой войны: известные партии-государство заходили в страны Балтии и Восточной Европы. Впрочем, ненадолго в историческом измерении. Потом на наших глазах случилось избавление от «чуждой матрицы»: даже не самые «проевропейские» из европейских стран бывшего соцблока не сомневались в каком направлении им идти. В ЕвразЭС никто из них не рвался.

Вернёмся в Россию. Отдельный сюжет в книге — реформаторы. Там и для царей-реформаторов место нашлось. Так, Александр II — «человек перемен». Вместе с командой преобразователей. Итог известен. Но автор подчёркивает, что «проклятые вопросы» остались: как изменить, как догнать, как не отставать и не удушить себя вертикалями? (с. 169–178). Традиционно рассматривается Столыпин (с. 241–246). Итог его жизни тоже известен.

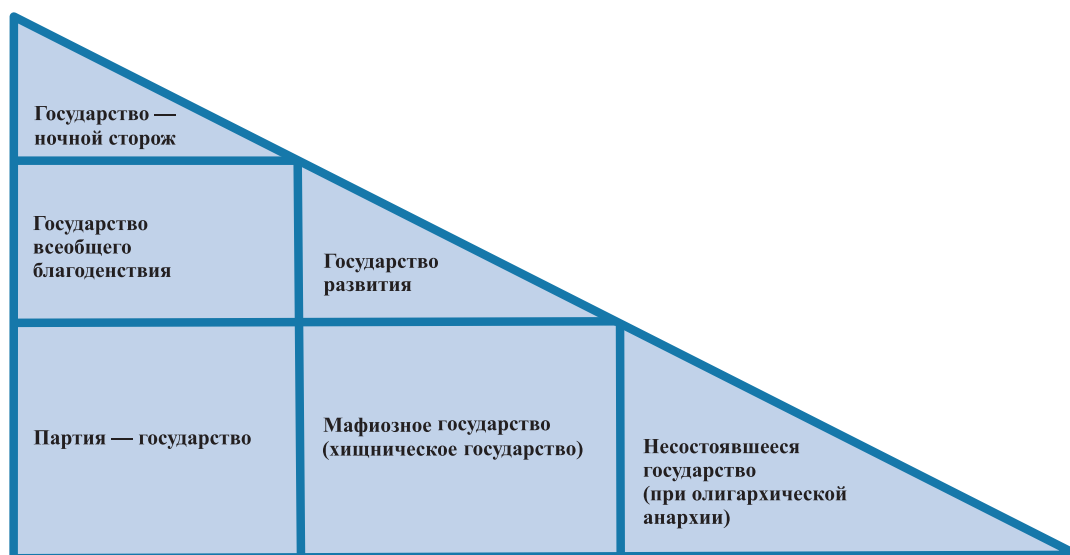

Рис. 2. Типы государств

Источник: Мадьяр Б., Мадлович Б. Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура. Т. 1. — М.: НЛЮ, 2022. С. 154.

В книге много и интересных лиц второго плана, писавших и даже делавших что-то, чтобы вывести Россию из вечно неустроенного бытия. Вот любопытный сюжет (с. 246–251): адмирал Н.С. Мордвинов (1754–1845). Начало XIX в. Любой нынешний сторонник смены модели государства и общества в России может смело списывать программу его реформ. Подредактировать немного — и совсем не покажется архаичной.

Отсюда — отчаянный поиск «историй успеха» на фоне постоянных неудач. Как внутри страны (того же НЭПа) (с. 290–295), так и зарубежных образцов. Вот вам Эрхард, вот вам Франко, вот вам Тито, вот вам Пак Чон Хи, вот вам малайзийский реформатор Махатхир Мохамад (с. 130–131). Позже добавляются бессменные адресаты подобных рассуждений Дэн Сяопин и Ли Куан Ю (с. 288–289). Знакомый с сюжетом пьесы Самюэля Беккета «В ожидании Годо» обязательно проведёт с ней параллель: либеральные экономисты в России постоянно жаждут всемогущего героя, который избавит их от враждебного мира. Егор Гайдар большинство разочаровал.

Оценивая недавнее прошлое России, автор увидел испорченный либерализм. «Либерализм в России испорчен. Он подменён рыночным фундаментализмом РФ». «РФ (Российская Федерация) и РФ (рыночный фундаментализм) долгое время были синонимами» (с. 268). Это можно назвать легендой о «рыночном фундаментализме» в России. Допускается чисто эмоциональное высказывание.

Исследователю легко обратиться к какому-нибудь докладу из серии «Докладов о переходе» (Transition Report) Европейского банка реконструкции и развития, которые регулярно показывали скорость движения к рынку разных постсоциалистических стран. Россия на этом пути — крепкий середняк. В докладе от 2010 г. по такому «прорыночному» показателю, как либерализация цен она ровно в середине: из 30 стран 14 располагаются выше неё. Даже по крупномасштабной приватизации (любимому объекту критики как поспешной) она пропустила вперед 8 стран [Transition Report, 2010. P. 4].

Источник легенды о рыночном радикализме российских реформ рецензент видит в позиции топ-менеджмента бывших социалистических предприятий в 1990-е гг. (так называемых «красных директоров») и близких им «товарищей» из хозноменклатуры. Те из них, кто не приспособились должным образом к переменам, требовали передышку («градуализма»). Да и в принципе они были согласны на роль «безответственных распорядителей» при условии закрепления за ними финансовых потоков и управления активами.

Выше отмечалось, что попадание в модель «грабящей руки» (по Мадьяру–Мадловичу) может произойти за счёт силового экспорта институтов внешней стороной. Однако как насчёт тех стран, где институты «грабящей руки», как говорится, от начала веков? Где они свои, родные. П. Беттке с коллегами определил их как введённые изнутри эндогенные институты, которые в своем ядре содержат то, что они обозначили греческим термином *метис*⁵. Последнее понятие можно приравнять к социальному капиталу. Знаменитый Ф. Фукуяма видит его как «набор неформальных ценностей и норм, которые разделяются членами группы и которые делают возможным сотрудничество внутри этой группы» [Фукуяма, 2004. С. 30].

По всей видимости, эволюционно накопленный в веках и наследуемый из поколения в поколение социальный капитал («выкристаллизовавшийся» в историческом времени продукт) и есть тот самый *метис*. И переход от модели «грабящей руки» к модели «поддерживающей руки» потребует «полного переливания крови»: радикальной смены как неформальных институтов (культуры общества), так и формальных. Выхода из исторической колеи.

К сожалению, в книге не предлагается конкретно, как и, главное, за счёт чего и кого можно будет осуществить такой переворот в России. Конечно, перечисляются условия, когда власть лопается (с. 143). Однако при обращении к ним видно, что они совсем не универсальны и некоторые из них вполне себе могут продолжать собственное существование, не опрокидывая при этом государство. «Гибель, голод, холод» не свергли большевиков во время Гражданской войны. Современный долговременный хаос в экономике не устранил венесуэльского президента Н. Мадуро. Да ведь и задача либерального поворота не в том, чтобы прерваться в несостоявшееся государство, а прочно занять позицию на втором этаже (рис. 2).

Разумеется, есть подробная картина того, как должно быть («какой должна быть власть») (с. 273–274). Разбирать её, полагаю, не стоит. Любой читатель журнала знает хотя бы в общих чертах, как описать правовое социальное государство. Как только Я. Миркин «разобрался с государством» (набросал его идеальный портрет), он ссылается на наследие крепостного права как сдерживающий или связывающий (*bonding*) социальный капитал, который портит светлую картину будущего. Это, пожалуй, одно из немногих, если не единственное, обращение его к сути вещей: а как сменить социальный капитал на противоположный по своим качествам? Тем более, что не только наследие крепостного права мешает, а наследие гораздо более близкого исторически всеохватывающего служилого государства социалистической эпохи.

Вот «тормозящие институты» почти никак и не раскрываются. Краешком упомянуты и ладно. Как же их-то демонтировать? Но вместо этого снова идут нормативные требования (как надо, чтобы было «хорошо»), краткая картинка «формулы успеха для России» (с. 281) и уже не первый раз на протяжении монографии повторяющиеся обращения к чужому опыту (с. 284–290). Строго говоря, это и нельзя поставить автору в упрек. Иначе он бы просто взялся за решение задачи, такового не имеющей. Как из ухи сделать аквариум?

Другое дело, что он выступает всё-таки с позиций социального конструктивизма («у других получилось и вам не заказано»). Пусть и умеренного. И постоянно внушает читателю мысль о шансах на торжество «неиспорченного либерализма» в России. Правда, кажется, без особого оптимизма.

Что тут можно сказать? Я. Миркин очень напоминает по своим взглядам и подходам к анализу политико-экономических и социальных явлений либерала-шестидесятника, чудом проскочившего в наше время. В основе методологии — вера в прогресс. Пусть и в конечном счёте. Ход модернизации неудержим и все, кто встаёт на её пути, вынуждены будут сойти с дороги. «Наше дело правое, враг будет разбит».

⁵ Подробнее: [Заостровцев, 2014].

На самом деле это видение мира мешает, ибо рождает стремление не замечать современность. Коль речь идёт о государстве, то стоит обратить внимание на тот весьма неприятный для классического либерала факт, что демократии в мире больше не становится. Напротив, она отступает по всему миру⁶. И приведённые ниже цифры не могут быть интерпретированы как краткосрочные колебания. Речь, как видим, идёт о периоде в 20 лет и устойчивом тренде.

Однако этого мало. Мир классического либерала сталкивается с куда более серьёзным вызовом. Запад (правовая цивилизация) перестаёт быть таковым. Естественно, что процесс не завершён, но он активно идёт. Тут нет особого смысла перечислять все то, что относится к так называемой *woke* культуре и политкорректности. И это очень серьёзно. На базе этих культурных установок разрушаются верховенство права и права собственности. Происходит этническое замещение носителей Западной цивилизации и её идентичность оказывается под угрозой. А следовательно, и способность быть мотором прогресса и гарантом личного суверенитета [Саррацин, 2016; Яновский, Жаворонков, Черный, Затковецкий, 2018; Коцюбинский, 2022].

В результате Я. Миркин как либеральный автор попадает в очень сложное положение в случае нормативных рассуждений. Выставляя, например, социальную рыночную экономику германского или скандинавского типа как некий светлый ориентир для будущих российских трансформаций, он неизбежно вынужден решать вопрос: речь идёт об идеализированном их образе, сложившимся лет 30–35 назад, или же их современном реальном состоянии со всеми заложенными в них разрушительными трендами?

Если сделать упор на идеальный образ, который, надо признать, на рубеже 90-х гг. прошлого века лучше отвечал реальности той эпохи, это будет разрывом с современностью. Если же провозгласить путь на реальный современный Запад, то будет ли этот путь привлекательным во всех отношениях? Будет ли это безусловным прогрессом? Или даже просто эффективным реформаторством в экономическом плане? Ведь современное западное общество постепенно формирует в себе то, что Л. фон Мизес называл «антикапиталистической ментальностью» [Мизес, 1993. С. 169–231]⁷.

Всё-таки под конец важно не упустить то главное, почему книга Я. Миркина полезна именно экономистам (и вдвойне — российским экономистам). Проблема в том, что представители этой ветви учения об обществе до сих пор в большинстве своём делают упор на видение государства как *контрактного* (благонамеренного поставщика общественных благ в обмен на налоги). Это льстит государству и обеспечивает идеологическое обоснование его деятельности. В реальности же любое государство (даже самое правовое из существующих) несёт в себе и другую, не афишируемую сторону медали, — свою *хищническую* природу (принуждение и изъятие) [Vahabi, 2020. P. 233]. Если эта сторона разрастается, то следует говорить о *хищническом государстве*.

М. Вахаби в своей позитивной теории хищнического государства подчёркивает, что оно «защищает только с целью распространять свое хищничество на частный сектор»

⁶ В 2003 г. количество демократизирующихся стран равнялось 35, тогда как в 2023 г. — только 18. В то же время, за тот же период число автократий увеличилось с 11 до 42. Если в 2003 г. лишь 7% населения проживало в автократизирующихся странах, то через 20 лет, в 2023 г., эта цифра достигла 35%. В итоге если в 2003 г. 50% населения Земли жили в автократиях, то в 2023 г. — 71% [Democracy Report, 2024].

⁷ Исследования трендов Глобального индекса экономической ментальности (GIEM), построенного на опросах по программам «Глобальный обзор ценностей» (WVS) и «Исследование европейских ценностей» (EVS) показали, что он имеет тенденцию к снижению (его величина показывает «силу» рыночной ментальности). Что же касается западных стран, то там наблюдается, на первый взгляд, парадоксальная картина: у людей моложе 40 лет он ниже, чем у людей старшего возраста (в Восточной Европе — наоборот). Если в целом по GIEM Швеция заняла 3-е место в мире, то по «молодёжному» GEIM — только 10-е, США — 4-е и 16-е, Франция — 26-е и 34-е, Германия — 34-е и 52-е, соответственно [Czegléd, Lips, Newland, 2021. P. 672]. Перспективы для рыночной экономики явно не лучшие. Её успех строится на адекватном культурном основании.

[Ibid.]. И отсюда по-новому определяются суть отношений в нём и его границы: «Поскольку хищнические отношения между государством и его субъектами зависят от силы государства грабить или насильственно присваивать и способности субъектов бежать или прятаться, то границы такого государства определяются природой активов, которые могут быть более или менее легко захвачены» [Vahabi, 2016. P. 153]. Присутствуют первые две составляющие из миркинской триады «замри — беги — сражайся», но только в обратном порядке. Ну а про активы всё более-менее понятно.

И пока экономисты будут игнорировать хищничество государств, их анализ будет насыщен оторванными от жизни абстракциями. На это обстоятельство уже давно обратил внимание Д. Лал: «Весь роскошный остов элегантно, усложнённой и утончённой теории, которая берёт своё начало от Рамсея, Самуэльсона, Мида, Литтла и Даймонда с Мирлизом и восходит к Аткинсону и Стиглицу, строится как таковой на предположении о благожелательном государстве, управляемом платоновскими стражниками, и всё больше становится наивным и нереалистичным» [Lal, 1994. P.35]. После прочтения книги Я. Миркина можно смело подписаться под словами Лала.

Что же касается российских экономистов, то их стремление подражать установке экономистов из развитых западных демократий (те хоть имеют дело в реальности не только с хищническим, но и с контрактным государством тоже) выглядит особо нелепо. Примером незамутнённого идеологией благонамеренного деспота анализа поведения посткоммунистических государств может, например, служить статья упомянутых выше Мадловича и Мадьяра с их исследованием «централизованно направляемого корпоративного рейдерства» [Madlovich, Magyar, 2021]. Какое к ней имеет отношение книга Я. Миркина? Она подготавливает соответствующее восприятие государства, что немаловажно и для академического работника. О студентах и говорить не приходится. Им особо полезно стряхнуть с себя удушающую пыль школьных установок на «всеблагое» государство.

В то же время некоторые современные интерпретации хищнического государства вряд ли бы во всём вдохновили Я. Миркина с его апологетикой социального государства. Всё тот же Вахаби с соавторами продемонстрировали, что послевоенное государство благосостояния в Западной Европе во многом выросло из предшествующей военной мобилизационной экономики. И что затем хищничество оказалось встроено в его социальные программы. Они даже ввели такое определение, как «хищническое государство благосостояния» [Vahabi, Batifoulier, Da Silva. 2020].

Закончим тем, что напомним: опасность экспансии государства увидели задолго до появления рассмотренной книги. В середине XIX в. Ф. Бастиа писал: «Государство быстро соображает, какую выгоду оно может извлечь из возложенной на него обществом роли. Оно станет господином, распорядителем судеб всех и каждого; оно будет много брать, но зато ему и самому многое останется: оно умножит число своих агентов, расширит область своих прав и преимуществ, и дело закончится тем, что оно дорастет до подавляющих размеров» [Сэй, Бастиа. 2000. С. 125]. Спасибо автору книги, что он на многих исторических примерах показал правоту пророчества Бастиа.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Гуриев С⁸. (2010). *Мифы экономики: Заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики* [Guriev S. (2010). *Myths of Economics: Misconceptions and Stereotypes that are Spread by the Media and Politicians*]. — М.: Юнайтед Пресс.
- Заостровцев А.П. (2022). *Финансы с человеческим лицом (О книге Я. М. Миркина «Правила бессмысленного финансового поведения»)* [Zaostrovtshev A.P. (2022). *Finance with a Human Face (About the Book by Ya.M. Mirkin «The Rules of the Meaningless Financial Behavior»)*] // *Финансы и бизнес*. № 4. С. 133–139.

⁸ *Гуриев С.М. включён Минюстом РФ в список иностранных агентов..

- Заостровцев А.П. (2014). О развитии и отсталости. Как экономисты объясняют историю? [Zaostrovstev A.P. (2014). About Development and Backwardness. How Do Economists Explain History?]. — СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб.
- Кордонский С. (2021). Как устроена Россия. Статьи и интервью разных лет [Kordonskii S. (2021). How Russia is Structured. Articles and Interviews from Different Years]. — М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники», Common Place.
- Кордонский С.Г. (2008). Сословная структура постсоветской России [Kordonskii S. (2008). Estates Structure of Post-Soviet Russia]. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение».
- Коцюбинский Д.А. (2022). «Новый тоталитаризм XXI века». Уйдет ли мода на безопасность и запреты, вернется ли мода на свободу и право? [Kotsyubinskii D.A. (2022). «New totalitarianism of the 21st century» Will the fashion for safety and prohibitions go away, will the fashion for freedom and law return?]. — СПб.: Страта.
- Мадьяр Б., Мадлович Б. (2022). Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура. Т.1. [Magyar B., Madlovics B. (2022). Post-Communist Regimes. Conceptual Framework. Vol. 1]. — М.: Новое литературное обозрение.
- Мизес Л. фон (1993). Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность [Bureaucrasy. Planned chaos. Anti-capitalist Mentality]. — М.: Дело.
- Миркин Я.М. (2024). Испытание государством: Человек и вертикаль власти 300 лет в России и мире [Mirkin Ya.M. (2024). Temptation by the State. Man and the Vertical of Power for 300 Years in Russia and the World]. — М.: Издательство АСТ.
- Миркин Я.М. (2023). Краткая история российских стрессов. Модели коллективного и личного поведения в России за 300 лет [Mirkin Ya.M. (2023). A Brief History of the Russian Stresses. Models of Collective and Personal Behavior in Russia over 300 Years]. — М.: Издательство АСТ.
- Миркин Я.М. (2022). Правила бессмысленного финансового поведения. 2-е изд. [Mirkin Ya.M. (2022). The Rules of the Meaningless Financial Behavior.]. — М.: АСТ.
- Саррацин Т. (2016). Германия самоликвидация. [Sarratsin T. (2016). German Self-Liquidation]. — М.: АСТ.
- Сонин К.⁹ (2011). *Sonin.ru: Уроки экономики* [Sonin K. (2011). Sonin. Ru: Lessons of Economics]. — М.: Юнайтед Пресс.
- Сэй Ж.-Б., Бастиа Ф. (2000). Трактат по политической экономии. Экономические софизмы. Экономические гармонии [Say J.-B., Bastia F. (2000). Treatise on Political Economy. Economic sophistry. Economic harmonies]. — М.: Дело.
- Фукуяма Ф. (2004). Великий разрыв. [Fukuyama F. (2004). The Great Disruption]. — М.: АСТ, Ермак.
- Яновский К., Жаворонков Т., Черный Д., Затковецкий И. (2018). Стратегия долгосрочного процветания: в поисках растаявшего ориентира [Yanovskii K., Zhavoronkov T., Chernyi D., Zatkovskii I. (2018). Strategy for Long-Term Prosperity: In Search of a Melted Landmark]. — М.: ИД Дело РАНХиГС.
- Azam J.P. (2005). Suicide-bombing as inter-generational investment // *Public Choice*. Vol. 122. No. 1–2. Pp. 177–198. DOI: 10.1007/s11127-005-5795-z.
- Czegléd P., Lips B., Newland C. (2021). The Economic Mentality of Nations // *Cato Journal*. Vol. 41. No. 3. Pp. 657–689. DOI:10.36009/CJ.41.3.10.
- Democracy Report (2024). *Democracy Winning and Losing at the Ballot*. V-Dem Institute. URL: https://v-dem.net/documents/44/v-dem_dr2024_highres.pdf (access date 14.03.2024).
- Hirschman A.O. (1970). *Exit, Voice and Loyalty*. — Cambridge M.A.: Harvard University Press.
- Madlovics B., Magyar B. (2021). Post-communist predation: modeling *reiderstvo* practices in contemporary predatory states // *Public Choice*. Vol. 187. No. 3–4. Pp. 247–273. DOI: 10.1007/s11127-019-00772-7.
- Mueller D.C. (2003). *Public Choice III*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Olson M., McGuire M.C. (1996). The Economics of Autocracy and Majority Rule: The Invisible Hand and the Use of Force // *Journal of Economic Literature*. Vol. XXXIV. (March 1996). Pp. 72–96.
- Schimizu H. (2011). Social Cohesion and Self-Sacrificing Behavior // *Public Choice*. Vol. 149. No. 3–4. Pp. 427–440. DOI: 10.1007/s11127-011-9880-1.
- Transition Report (2010). *Recovery and Reform*. European Bank for Reconstruction and development. <https://www.ebrd.com/downloads/research/transition/tr10.pdf> (access date 14.03.2024).
- Vahabi M. (2016). A Positive Theory of the Predatory State// *Public Choice*. Vol. 168. No. 1. Pp. 153–175. DOI: 10.1007/s11127-019-00660-0.
- Vahabi M. (2020). Introduction: A Symposium on the Predatory State // *Public Choice*. Vol.182. Nos. 3–4. Pp. 153–175. DOI: 10.1007/s11127-019-00715-2.
- Vahabi M., Batifoulier P., Da Silva (2020). A Theory of Predatory Welfare State and Citizen Welfare: The French Case// *Public Choice*. Vol. 182. No. 3–4. Pp. 243–271. DOI: 10.1007/s11127-019-00660-0.
- Wintrobe R. (2006). Extremism, Suicide Terror, and Authoritarianism // *Public Choice*. Vol. 128. No. 1. Pp. 169–195. DOI 10.1007/s11127-006-9059-3.

⁹ *Сонин К.И. включён Минюстом РФ в список иностранных агентов.

Заостровцев Андрей Павлович

zao-and@yandex.ru

Andrey Zaostrovtssev

PhD (economics), professor, National Research University — Higher School of Economics (St.-Petersburg).

zao-and@yandex.ru

HOW TO DEAL WITH THE STATE IN ORDER TO SURVIVE (on the book by Ya.M. Mirkin «Temptation by the State: Man and the Vertical of Power for 300 Years in Russia and the World»)

Abstract. The article presents a review of the book, which in a popular science form reveals many deep issues of interaction between man and the state. The book deals primarily with the so-called predatory state. Many historical Russian examples show how the state swept away people's well-being, property, and even the lives themselves. At the same time, we encounter amazing examples of individuals adapting to seemingly hopeless situations. We can say that the book is about human behavior under conditions of extreme stress. Its author refers a lot to Russian reforms and reformers. Looking for success stories. And, according to the reviewer, he doesn't find them. The book, unfortunately, almost never asks the main question: why have Russian reforms been unsuccessful from century to century? At best, limited results are achieved. Y. Mirkin demonstrates the successes of foreign reformers and on this basis believes that Russia "can repeat it." Of course, this will not be an exact copy, but its own path of radical institutional change. However, with such a formulation of the question, it was necessary to describe which power players are interested in the reformist scenario, how influential they are, etc. The author, apparently, gives the reader the opportunity to judge this for himself. The main value of the book is the description of the behavior of the actor — the predatory state. One can clearly see the unpredictability and radicalism of his steps. After all, there is no system of checks and balances. And reading the book will also prepare the researcher to perceive the state as it is, which is also important.

Keywords: *predatory state, reformers, reforms, foreign experience.*

JEL: H11, P51.